

ПИОНЕР

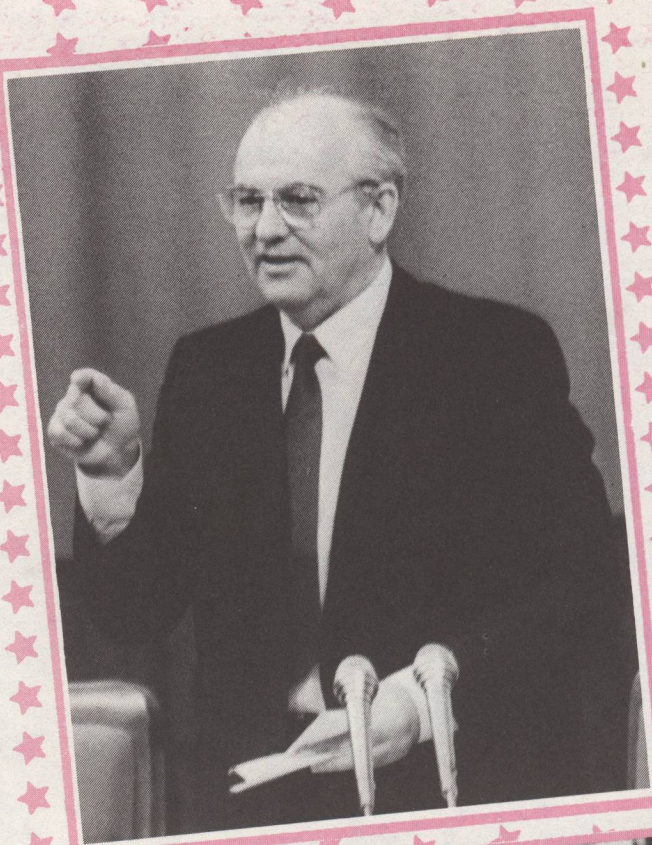
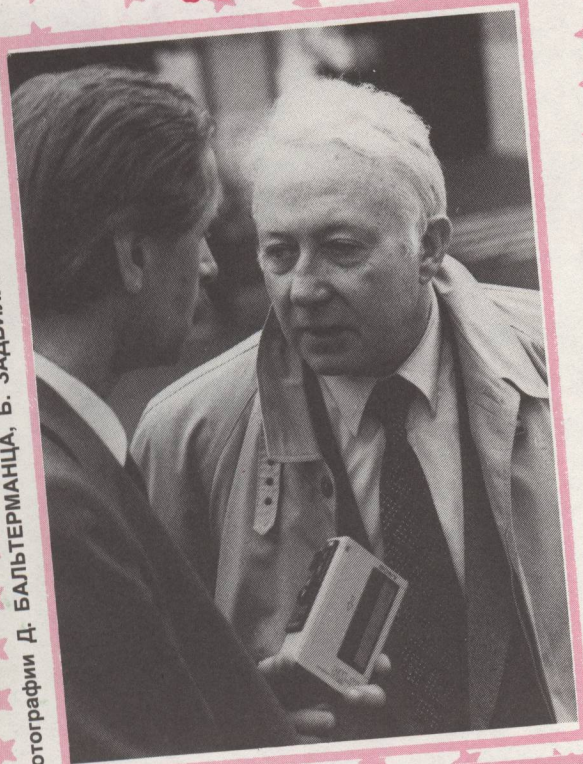

МОСКВА
КРЕМЛЬ

25 мая —
9 июня
1989 года

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Фотографии Д. БАЛЬТЕРМАНЦА, Б. ЗАДВИЛЯ.

М. С. ГОРБАЧЕВ,
Председатель
Верховного
Совета СССР,
Генеральный
секретарь ЦК КПСС:

Социализм по природе своей должен быть обществом духовно богатых, по-настоящему интеллигентных людей, чем бы они ни занимались, к какой бы социальной группе ни принадлежали.

К проблемам духовным мы должны быть предельно чувствительны и внимательны, иначе обновления общества, товарищи, не получится. Ибо главная решающая сила, главное действующее лицо перестройки — человек.

* * *

...У нас ясная политика. Партия сумеет выполнить свою историческую миссию обновления социализма, вырабатывая политику и предлагая ее обществу. И я уверен, что возрождающаяся система Советов на принципах народо-властия внесет свой решающий вклад в осуществление задач перестройки.

* * *

...Я верю в безграничные возможности социализма. Думаю, нам надо искать ответы на вопросы, которые поставила перед нами современная жизнь, в рамках нашего строя, на путях демократизации и гласности, широкого обсуждения всех существующих проблем.

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989

Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В СЕНТЯБРЕ

- Рассказы Николая Олейникова. 18.
 Юрий Нагибин. Кремль. Красная площадь. 26.
 Стихи. Марина Бородинская. 4.
 Юрий Коваль. Промах гражданина Лошакова. 48.
- Геннадий Ягодин. Если бы я был учеником. 2.
 Шумно, трудно и честно. 6.
 Юнкоровская газета «Вперед». 14.
 Планета детей. 38.
- Михаил Туркатенко.
 Город: взгляд в будущее. 11.
 Лия Симонова. Чтоб мы задумывались. 24.
 Николай Голь. Итальянская сказка. 32.
- Переходный возраст. 44.
 Секреты роста. 46.
 Клип-клуб. 61.
- Узел связи. 35.
 «Кораблик». 36.
 Сатирикончик. 42.
 Домовенок и компания. 64.

На обложке: рисунок И. Панкова.

Кремль — символ нашего государства. С. 26.

Гномы дружно семейкой
 У прилавка голоса... С. 4.

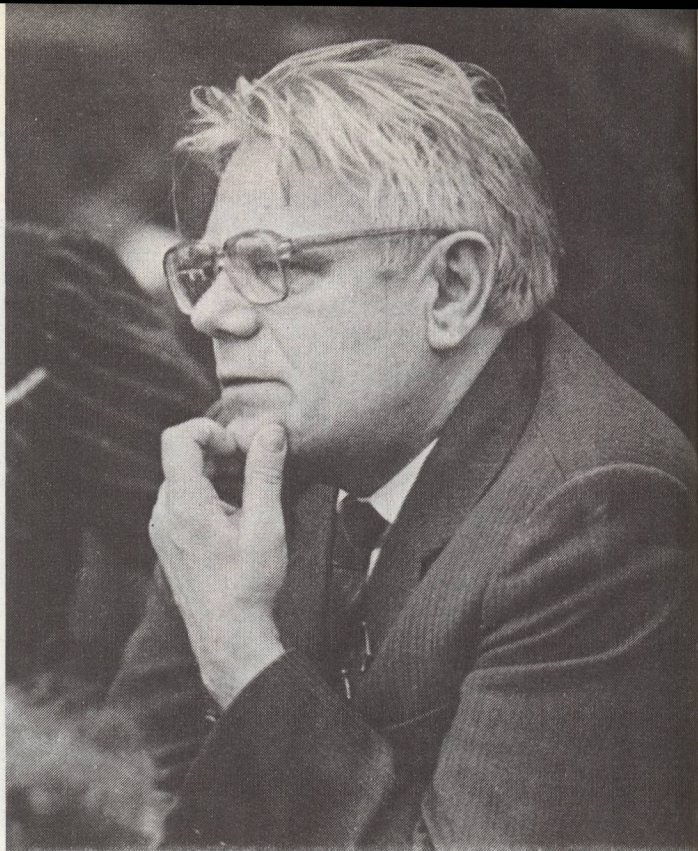
IV обл.

...Если бы пометать о школе, какой хочется! Что в этом плохого? Ничего. Но сегодня любую мечту хочется поддержать в руках, а не только спеть песню, что она станет былью. Сегодня некогда. Строить «прекрасное далеко» хорошо бы начать прямо сейчас. Разве не об этом говорили народные депутаты на своем первом Съезде? Перестройка должна начинаться со школьной парты, и ничего не получится, если ребята не научатся с детства жить интересами и помыслами всей страны.

И все-таки, как ни досадно, ребята в своих письмах почему-то больше жалуются на свою школу, чем признаются ей в любви и думают, что можно для нее сделать.

Во всем этом хорошо было бы разобраться.

И время подходящее — осень. Поговорить об этом мы попросили человека, возглавляющего главный штаб просвещения в нашей стране, — Геннадия Алексеевича ЯГОДИНА, председателя Государственного комитета СССР по народному образованию. Мы задали ему один-единственный вопрос: «А что, если бы вы сейчас учились в школе?»

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ УЧЕНИКОМ...

Представим себе две планеты, расположенные близко друг к другу. Так близко, что можно разглядеть горы и моря, города, улицы и даже прохожих. Но все на этих планетах разное. Скажем, на одной зонтики раскрывают во время дождя, на другой в зонтиках, как в лодках, плавают по морю... Ничего не совпадает на этих планетах. По-разному жители планет смотрят на разные вещи и договориться ни о чем не могут.

Это все я не выдумал. Это сравнение встречалось в ответах ребят, которые участвовали в наших социологических исследованиях. Школьников, учителей, родителей спрашивали об их отношении к перестройке школы. Вопросов было много, ответы интересные. Они как бы подтверждали наши размышления, наблюдения и, если хотите, надежды всех тех людей, у кого о школе болит душа.

Так вот, во многих ответах ребят встречалась эта мысль: взаимодействие учителей и учеников напоминает движение двух планет. Понимания нет, зато упреков много — что все «не так».

Если бы я был учеником, может, и я бы не удержался от сравнения, что учителя и школьники порой смотрят друг на друга, как инопланетяне, не пытаются понять друг друга. Но даже если бы я был неважным учеником, мне все равно было бы интересно понять «инопланетян» и расположить их к себе — ведь мы в школе проводим, как правило, добрый десяток лет! Если в школу не хотелось ходить — это значит, и потом, в жизни, соглашаться на плохую, неинтересную, невыгодную работу, мириться со всем, что не нравится, дружить с тем, с кем не хочется, говорить не то, что

думаешь... Если привычкой плыть по течению обзавестись уже в школьные годы, потом трудно от нее избавиться.

А хотим мы так всю жизнь жить? Нет. Вот и давайте думать не вообще о том, что все в моей школе плохо, а что именно, почему и как это получилось. Без гласности нет перестройки.

Если бы я был учеником, меня бы радовало, что сейчас так открыто, откровенно говорят о школе. Я хочу еще вместе с вами поразмышлять о цифрах и фактах, которые появились в тех самых наших социологических исследованиях.

Опрос показал, что сегодня только шестая часть школьников считает познание нового самой важной ценностью школьной жизни. Около половины ценят за это школу, но наряду с другим — общение с друзьями, интересные формы досуга, дискотеки. А каждому пятому ничего не нравится в изучении основных школьных предметов — ни предмет, ни учебник, ни учитель! Но есть ли хоть кто-нибудь, кто идет в школу, радуясь встрече с учителем? Да, есть. Один из десяти!

Теперь некоторые ответы учителей. Одни учителя заняли мужественную позицию: может быть, мы сами не умеем заинтересовать ребят, не умеем их понять. Другие склонны искать причины в учениках, их родителях, общих проблемах нашей сегодняшней жизни. Огорчило еще вот что. Очень много учителей придерживаются мнения: не хочет ученик учиться — пусть не учится... От таких школе лучше бы избавиться.

Вы заметили — хотя и кажется, что все эти ответы лишь

подтверждают якобы «противоборство» учеников и учителей, — есть ощущение, что-то здесь не так. Есть что-то более важное, что развело их по разным «орбитам». Конечно, есть!

Причины эти надо искать и за стенами школы. Вот, скажем, наблюдение, сделанное не только учителями. Это отмечено как распространенное социальное явление: увлечение к познанию, к обучению падает вообще. Кто виноват? Много виноватых.

За многие годы сформировалось у нас недостаточно уважительное отношение к интеллектуальному труду. «Умники» упали в цене! За работу, не требующую никаких знаний, порой платят гораздо больше, чем начинающему врачу, молодому ученому, педагогу, инженеру. Очень много дипломированных специалистов бросают свою умную работу и подаются туда, где работа примитивная, а денег больше.

Причина серьезная. Но, к счастью, при опросе многие ребята (их больше 70 процентов) отвечали, что для них в выборе профессии главное — возможность проявить самостоятельность, реализовать свои способности, интересы. Не престиж, не деньги!

Виновато в «не хочу учиться» частично и то, что ребята еще мало связывают обучение в школе с будущей профессией. Только треть ребят считает: чтобы получить хорошую профессию, неплохо бы уже в школе поднажать. Что здесь? Беспечность? Надежда — родителям видней? Трудно решить, кем быть?

И еще. Может быть, не правы были мы, когда непомерно увеличили объем и количество изучаемых в школе дисциплин? (Да, радуйтесь — речь о перегрузках.) В 50—60-е годы их было 14, сейчас — 22. Очень много материала фактического, цифрового, рассчитанного на запоминание, — не творческое использование знаний. Вот откуда высокая «культура» шпаргалок и списывания! В результате «не успел», «не выполнил», «не прочитал»... вечный страх! Стремление получить знания подменяется стремлением избежать неприятностей. Поневоле вспомнишь знаменитую мысль Д. Менделеева: если в камин натолкать слишком много дров, он не горит, а дымит. В будущих программах мы увеличим в два раза часы на музыку, рисование. Перестроится программа по литературе, истории. Но не за счет дополнительных нагрузок. Ученые говорят: нужна гуманизация обучения. А если бы я был учеником, то сам для себя объяснил это так. Все предметы, которые мне придется в школе изучать, не для того, чтобы я потом превратился в гигантский склад цифр, фактов и цитат. Они должны учить мыслить, иметь на все собственное мнение, быть инициативным, уметь добиваться цели и знать, во имя чего: во имя других людей...

...Если бы я был учеником, то, как и вы, наверное, частенько бы спрашивал: зачем мне география, если я люблю черчение и недолюбливаю французский язык, который мне не пригодится при строительстве домов, не боящихся землетрясения! Что-то в этом роде. Многие ребята хотят изучать какие-то предметы глубже и шире, чем в программе. А «нелюбимые» вообще не изучать.

Тут мы с вами подходим к очень важной проблеме. Конечно, индивидуальное обучение, с учетом твоих способностей, возможностей — предмет мечтаний во все времена. Чтобы не промахнуться, точно выявить эти способности, нужны очень внимательные, талантливые учителя, которые помогут понять самого себя, найти самое главное дело жизни!

Очень важным решением было вот какое: если ученик не успевает по каким-либо предметам, не гнать его из школы, а дать возможность окончить ее. Просто по предметам, которые не освоены, не аттестовать. Многих в школе это озадачило. Говорили, что это чуть ли не «развал школы». То, что называли «развалом», началось как раз потому, что, объявив среднее образование всеобщим и обязательным, мы стали требовать от всех школьников необходимого

(ну, скажем, как для поступления в вуз) высокого уровня знаний.

Так что не в том беда, что среднее образование стало всеобщим, а в том, что ко всем предъявляются одинаковые требования.

А так ли уж необходимо это всеобщее среднее? Сверхнеобходимо! Это сейчас признано во всем мире. Культурный и образовательный уровень народа — один из самых важных показателей, характеризующий потенциал общества, возможности его развития. Я уже не говорю о том, что без этого не может обойтись перестройка.

Знание истории мира и своего народа. Его родного языка, литературы, искусства, экономики, права, экологии. Чего стоит ныне человек любой профессии и возраста, не ориентирующийся в этом мире? Отставание в образовании — прежде всего в гуманитарном — уже сказывается падением культуры, интеллигентности, осложнением связи между поколениями. Это не значит, что все эти знания должны быть доведены до профессионализма. Но сумма знаний должна составлять тот обязательный минимум, который потом, словно критическая масса в ядерной реакции, даст разуму толчок к постоянной энергии познания. Этот минимум и должна определить педагогическая наука.

А перегрузки снимутся за счет того, что ученику будет разрешено сократить число изучаемых предметов. То есть он может выбирать. Какие-то науки изучать более углубленно и даже добавлять себе изучение предметов, не предусмотренных обязательной программой.

Если бы я был учеником, то сразу бы сообразил, что решение не требовать от ребят одинаковых успехов по всем предметам открывает очень большие возможности. Для сильных — это путь скорее найти дорогу к любимому делу жизни, уже в школе больше сил отдавать тому, что интересно, в чем хочешь опередить других. Для ребят более слабых сохраняется возможность окончить среднюю школу, раз есть выход из «безвыходных» раньше ситуаций. Подскажу вам: решать судьбу товарища, решать, как построить его «программу», может не только учитель. Все эти решения должен принимать совет школы с учетом интересов и пожеланий, ответственности школьника и его родителей. Если все эти вопросы решать внимательно, бережно, доброжелательно по отношению к каждому ученику, то шаг за шагом из твоего класса будут вытесняться страх, ощущение неуютности, скуки, обязаловки. Возможность перевода из класса в класс не аттестованными по некоторым предметам учеников отнимает у «педагогического арсенала» такое грозное орудие, как двойка, как запугивание: «переведу в ПТУ!», «загребешь в школу для неполноценных!»

Если бы я был учеником, то не сделал бы из всего этого вывод, что учитель якобы теряет часть власти над учеником и это разозлит не очень хороших учителей еще больше. Но опять-таки, вспомнив цифры из наших опросов, скажу — и учителя устали от того, что ребята часто просто равнодушны к школе, что ничего не хотят, и если не хулиганят, то в лучшем случае притворяются послушными, что гораздо удобнее. Я рассказал лишь о немногом из того, что предполагает перестройка в школе. Для того чтобы рассказать обо всем, не хватило бы и десяти журналов. Но ничего не сбудется, если не сработает перестроенный потенциал самих ребят. Ровным счетом ничего!

И если бы я был на вашем месте, то хотя бы сел и подумал: а какие же права дала мне перестройка? Почему я даже не знаю, создали ли у нас в школе ребята школьный совет? Почему нас не зовут на родительские собрания, на общие с учениками педсоветы, почему нас не спрашивают, какие недостатки мы видим у учителей и что бы хотели им, если не резко высказать, то просто посоветовать? Почему, наконец, мы сами никак не позаботимся о самих себе? Почему бы не поспорить: а что бы сделал каждый, если бы он стал хоть на час... министром?

Канцелярская сказка

Лист кленовый — желтый, влажный —
Отправляется в полет.
В магазин писчебумажный
Устремляется народ.

В магазин писчебумажный,
Самый нужный, самый важный,
Шелестящий, словно лес,
Полный всяческих чудес.

Есть там ручка-самописца,
Карандашик-самогрызка,
Есть конструктор «Сделай сам»
Весом двадцать килограмм!

Там на паре тонких ножек
Вдруг пройдет сама собой
Груда розовых обложек,
Сверху — бантик голубой.

Там и глобус в три обхвата
Над толпой плывет куда-то
И вращает, как живой,
Великаньей головой.

Как неведомые птички,
Вспархивают промокашки;
Счетных палочек мешок
Тащит кто-то, сам с вершок.

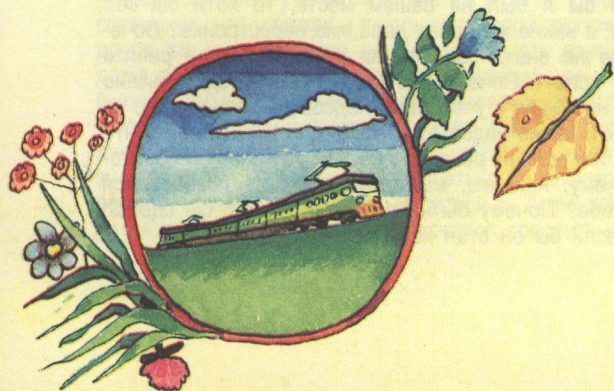
Гномы дружною семейкой
У прилавка голосят:
«Двести в клетку! Сто в линейку!
И в горошек — пятьдесят!»

За охалками охалки
Покидают магазин
Кнопки, скрепки, краски, папки,
Даже черствый пластилин...

Весь товар писчебумажный,
Самый нужный, самый важный,
Раскупили до конца,
Кроме дяди продавца:

Продавец был непродажный,
Он стоял для образца.

Отдыхавшись еле-еле,
Он снимает свой халат:
«Вот и полки опустели.
Скоро листья облетят».

Полнолуние

Сегодня ночь светлее
Других ночей в году.
Сегодня пляшут феи
И в роще, и в саду.

Я слышал их в аллеях,
Я по кустам плутал,
Я на своем столе их
Чуть было не застал!

Там все мои тетрадки,
И краски, и альбом
Валялись в беспорядке
При свете голубом.

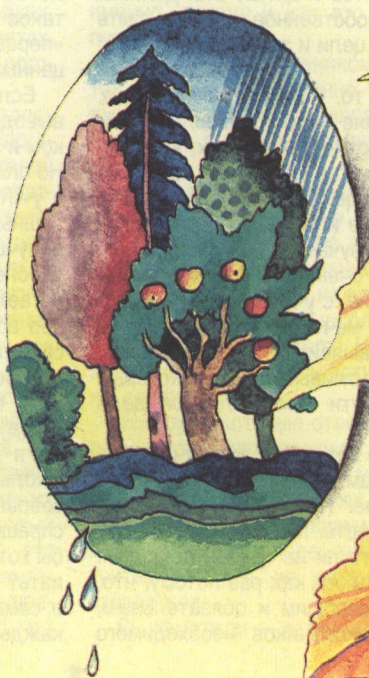
Да, это их работа!
Им все бы прыг да скок!
А ластик, видно, кто-то
Кусал за уголок,

Пенал, должно быть, брали
Гурьбой на abordаж,
И, как бревно, катали
Зеленый карандаш...

Потом по лунной тропке
Обратно в сад ушли
И скрепок полкоробки
С собой уволокли!

А что же мне осталось?
Луна да полумрак,
Зевота да усталость,
Да полный кавардак,

Да слабый отпечаток
На зеркальце ручном
Двух лилипутских пяток,
Да шорох за окном.

Отличница

Она к доске
Выходит налегке,
И белый бант
Колышется упруго...
Идет назад
С пятеркой в дневнике!
Там, преданно сияя,
Ждет подруга.

И понимает
Двоечник Ершов,
И ясно видит
Троечник Тимоха,
Как хорошо
Учиться хорошо,
Как отвратительно
Учиться плохо!

Ботаник

Жил да был один ботаник,
Захотел он съездить в лес:
Взял тетрадку, тульский пряник,
И в электропоезд влез...

По тропинке по весенней,
Не пройдя шагов пяти,
Вдруг знакомые растенья
Повстречал он на пути.

Те здоровы, те хворают,
Там детишки подросли,
Те соседей затирают,
Тех не видно от земли...

Так ходил он вдоль опушки,
Все картуз приподнимал,
Гладил пышные макушки
Да листочки пожимал.

И приветствовал ботаник
Всех по двадцать раз на дню,
Словно городской племянник
Деревенскую родню!

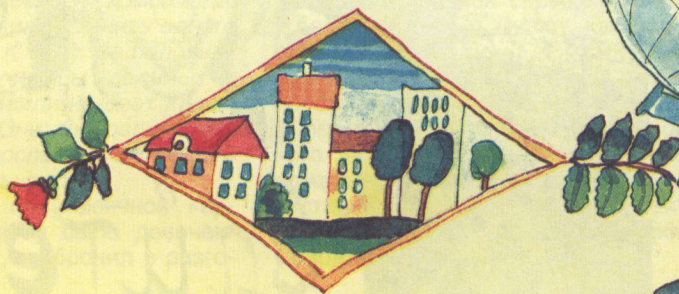
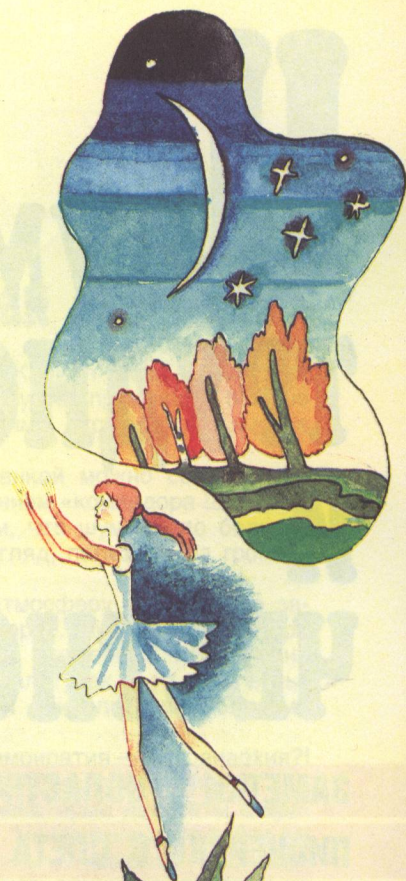
Прогульщик и прогульщица

Прогульщик и прогульщица
Прогуливали день:
Брели вдвоем сквозь белый свет
И голубую тень,

По самой лучшей из дорог,
Испытанной и старой,
И проходили за урок
По полтора бульвара.

Прогульщик и прогульщица
Расстаться не могли.
Когда бульвары кончились,
Они в музей зашли.

Повесив куртки на крючки,
В египетском отделе
В пластмассовые номерки
Друг дружке пальцы вдели.

Шумно, трудно и честно

ЗАМЕТКИ С ОБЛАСТНОГО
ПИОНЕРСКОГО СЛЕТА

ИЗ «ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ПИОНЕРОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

Пионеры имеют право:

— создавать пионерский отряд там, где есть для этого условия, общественно полезное дело или общие интересы, товарищество, вожатый. Решение об этом подтверждает совет дружины или районный, городской совет пионерской организации, которые отвечают за судьбу нового коллектива. Пионер состоит только в одном пионерском отряде, свободно выбирает отряд и может добровольно переходить из одного в другой — для этого достаточно решения самого пионера и того отряда, в который он вступает. Вступая во внешкольный пионерский отряд или дружину, пионер из школьного отряда и дружины выбывает. Если пионер ведет общественную работу во внеклассном пионерском отряде, дружине, то школьная администрация не вправе требовать от пионера, чтобы он в обязательном порядке занимался внеклассной и внешкольной деятельностью в школе;

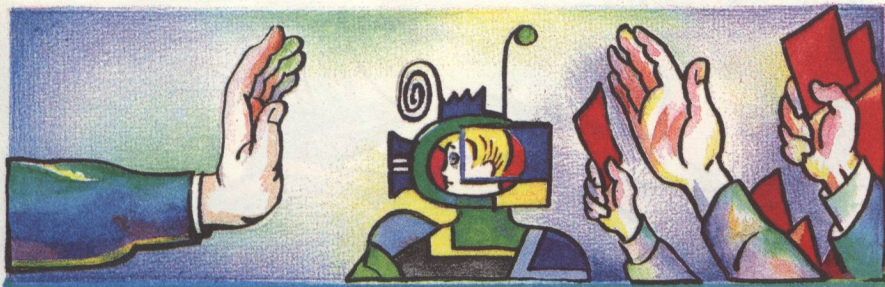
— обращаться за помощью и защитой в конфликтных и трудных ситуациях к своему отряду, в районные, городские, областной совет пионерской организации; если помощь не оказывается, ставить вопрос перед вышестоящим советом о несостоятельности этих органов;

— постоянно носить свою форму, в том числе форму внешкольного пионерского отряда, везде в любое время и в любом месте, в том числе в школе...

В пионерскую организацию вступают ребята по собственному желанию. Пионер имеет право свободного выхода из пионерской организации, никто не может препятствовать этому решению и принимать какие-либо меры дисциплинарного или морального воздействия.

Гарантами прав членов детской коммунистической организации, учитывая их общественную значимость, являются областные комитеты партии и комсомола, под руководством которых действует пионерия, а также областной Совет народных депутатов.

Как это было

Мы берем растрепанную пачку бумаги — исписанные листы в линейку и клеточку, юнкорские материалы, написанные «по свежим следам». Сверху — вот этот.

«Заметки инопланетянина»

Несмотря на то, что мы знакомились с проектом «Декларации» задолго до слета и в общем знали, чем слет будет заниматься, мы были слегка ошарашены. Ну, во-первых, мы раньше никогда не видели столько орущих пионеров сразу, во-вторых, непонятно было, зачем обсуждать проект «Декларации» столько времени и с таким шумом, если он и так хороший. В-третьих, мы не привыкли слушать столько много слов, если даже они умные, несколько часов подряд в день. Создалось впечатление, что люди сюда съехались покричать, поспорить, показать себя другим. А сейчас вот разъехались, и все это скоро забудут. Лично я себя чувствовал инопланетянином. Да еще когда на сцену выпихнули, совсем обалдел от смущения. После слета наш командор Шурик нам сказал: «Присутствие на слете отобьет у вас, парни, охоту к подобным собраниям надолго». Одно успокаивает: «Декларацию» приняли, значит, самостоятельность отряда теперь отстоим... Простите за резкость и незрелость суждений — для меня многое впервые».

Автор этой заметки — юный капитан разновозра-

стного отряда «Цунами» Кирилл Ваха — человек сдержанный, не терпящий суеты, привыкший больше делать, чем говорить. Видимо, отсюда и его оценка слета.

Не во всем с этой оценкой можно согласиться. Так же как и с высказыванием «командора Шурика». Получается, по их словам, что шуму было больше, чем пользы. А, на наш взгляд, польза была громадная.

Но надо сказать, что атмосферу слета автор заметки схватил во многом верно. Шума, криков, спора хватало. Случалось даже, что время от времени взрослые тети в красных галстуках (а их в зале было немало) вскакивали и учительскими голосами кричали:

— Вы что! Думаете, демократия — это анархия?! Демократия — это прежде всего дисциплина!

Это же утверждали и некоторые делегаты в красивой отглаженной форме. Но большинство ребят им не верило. «Дисциплины» хватало пионерам и раньше, но, видно, из нее одной демократии не слепишь. А тут еще командор «Каравеллы» В. П. Крапивин сказал в микрофон, что у взрослых собрания часто проходят не менее шумно. Возьмем, например, учительский съезд, писательские пленумы или выдвижение кандидатов в народные депутаты. Так что спорьте, братцы, отыскивайте в споре истину.

Кто там был

Истина, однако, отыскивалась не сразу. С трудом. Очень уж разные собрались в громадном зале ДК «Урал» люди. И, на наш взгляд, далеко не все хотели серьезных изменений в пионерской жизни.

Вот впечатление одного из пятиклассников (не делегата, просто «зрителя и слушателя»), Андрея Никулина:

«Взрослые привыкли навязывать свои решения. Ведущих назначил областной комитет комсомола. И даже когда делегаты предложили сменить одного ведущего, он не ушел со сцены. К тому же половину зала, по-моему, составляли ученицы седьмых — восьмых классов, которых направили на слет классные руководители и вожатые. Они требовали, чтобы все голосовали только за взрослых, а пионерской организации нужна самостоятельность».

Действительно, среди почти полутысячной «армии» делегатов около двух третей было девочек. «Слет пионеров, а не пионеров», — обронил в разго-

воре один мальчишка. И многие девочки в том возрасте, когда рядом с пионерским значком комсомольский.

Эти организованные старшеклассницы в красивой форме городских и районных пионерских штабов — надежная опора прежних советов ВПО, организаторов внеклассной работы и классных руководителей. Они знают много законов, например, «закон ноль-ноль», «закон скрещенных рук», «закон ручки и блокнота» и т. п. Знают, как полагается проводить сборы и слеты.

Но сейчас эти законы не сработали. В ребятах проснулось чувство хозяев своей организации. Во многих. Даже в тех, кто на слете оказался случайно, кого не выбирали товарищи-пионеры, а назначили вожатые и учителя (а таких было, увы, немало). Всех заставил думать и спорить проект самого важного документа слета — «Декларации прав пионеров Свердловской области».

«Почему вы нам не доверяете?»

Осенью прошлого года в Свердловске был КИП! Не слышали? «Коллективное исследование-поиск» на тему, какой быть пионерской организации. Там-то и решили пионеры разработать декларацию своих прав и принять ее на слете. Первый вариант был напечатан в областной комсомольской газете «На смену!» в начале этого года. «Розовенький» был вариант, беззубый. Кто его сочинял — нам до сих пор не ясно. Представители РВО, входившие в инициативную группу КИПа и будущего слета, «подняли тарарам». Переработали, напечатали второй вариант. Он отличался от первого, как небо от земли. Вот этот-то вариант и обсуждал слет.

Теперь самое время процитировать заметку штурмана «Каравеллы» Саши Красикова:

«Обстановка на слете во время обсуждения «Декларации» была очень напряженная. Нам часто приходилось брать микрофон. Мы отстаивали свою точку зрения, защищали «Декларацию».

Мы воевали не за себя. «Каравелла» давно живет по этой «Декларации». Мы хотели, чтобы «Декларацию» приняли и другие.

Особенно нас взволновал вопрос, который нам задал кто-то из руководителей городской свердловской делегации: «К какой делегации принадлежит «Каравелла»? Это значило, что живете вы в Свердловске, а выступаете отдельно. И мы дали такой ответ: «Мы не знаем, к какой делегации мы принадлежим. Когда шла регистрация, никто о нас не вспомнил, когда ребят расписывали по отрядам, мы опять остались в стороне. Когда руководители слета заботились о питании и ночлеге делегатов, про отряды «Каравелла», «Эврика», «Цунами», «Гранма» опять забыли. А теперь вас волнует наше «непослушание», да?»

Даже счетчики голосов сначала не считали наши ряды.

Когда же справедливость восторжествует?»

Декларация обсуждалась по пунктам. И по каждому споры, предложения, «звон мечей». Много приходилось согласовывать с юристом тут же, на сцене. И наконец, то с поправками, то без них, очередной пункт принимался большинством голосов. Красными бабочками взлетали над головами мандаты делегатов.

...Надо еще было добиться, чтобы эти мандаты вовремя напечатали. Инициативная группа, готовившая слет, чем ближе к делу, тем сильнее стала чувствовать, как оттирает ее от работы областное комсомольское и пионерское (взрослое) руководство. «Мы вас выслушали, а решать будем сами». «Да и зачем он вообще, этот слет, работать надо, а не разговаривать...» «Главное — накормить

и устроить детей на ночлег, а проголосуют они все за то, что мы им подготовим...» «Надо подумать еще, нужна ли вообще эта «Декларация»...»

Может быть, поэтому некоторые делегации из районов и приехали, не обсудив как следует проект «Декларации» и не наметив своих кандидатов в областной совет ВПО. Но если не было у них достаточной готовности, то не было и привычной послушности, на которую надеялись некоторые товарищи из обкома комсомола. Ребята и вожатые с первого дня вошли в курс дела, они знали, чего хотят...

Больше всего было споров о взаимоотношении пионерской организации и школы, о самостоятельности пионеров, о том, могут ли ребята быть в руководящих органах. Вообще о проблеме взрослые и пионеры.

— Почему вы не доверяете взрослым?! — то и дело доносились голоса из рядов, где сидели разные ГПШ и РПШ. — Учителя — ваши союзники!

— Союзники должны быть равноправными! — неслось в ответ.

Вставал очень аккуратный мальчик и звонким голосом доказывал, что дети не справятся с работой в областном совете пионерской организации, маленькие должны знать свое место и возможности. Некоторые вожатые, штабисты и представители педагогических профессий аплодировали. Зал негодуяще шумел...

Юнкор Сережа Садчиков из отряда «Эврика» пишет в своем репортаже: «Слет мне вообще-то понравился, не понравилось только отношение некоторых взрослых к ребятам. Они считают, что без них мы ничего не можем сделать. Раньше, давно, когда пионерская организация только начиналась, ведь делали, почему сейчас не можем сами? Ну не совсем без взрослых, но без их приказов, а с их советами и помощью».

На одном из последних пунктов Декларации дело едва не застопорилось. Там сказано: «Гарантами прав членов детской коммунистической организации, учитывая их общественную значимость, являются областные комитеты партии и комсомола, под руководством которых действует пионерия, а также областная Совет народных депутатов».

Вот тут руководители обкома комсомола запротестовали:

— Получается, что слет диктует свою волю взрослым, даже обкому партии!

Но слет в этом вопросе оказался единодушным: — Как же так? Везде сказано, что партия и комсомол руководят пионерами! Раз руководите, значит, и права гарантируйте! Голосуем!

И «Декларация» была принята.

«Конитель» и «кантакты»

Оля Шикунова из разновозрастного отряда «Кондорито» пишет:

«Что же было хорошего на слете? Первое — это принятие «Декларации». Такой документ очень нужен пионерам и их вожакам...

Второе — это выборы тайным голосованием бюро областного совета, куда вошло семь человек. Правда, вошла в бюро и Е. Ширина. Была она членом бюро и в прежнем совете, то есть в главном руководстве областной пионерской организацией. Несколько лет. За эти годы можно было увидеть, чем занималась организация. А точнее, ничем не занималась, кроме традиционных смотров строя и песни, сборов металлолома и макулатуры. Да еще она упорно не хотела замечать разновозрастные отряды. Их не стали даже предупреждать о слете, приходилось все узнавать самим...

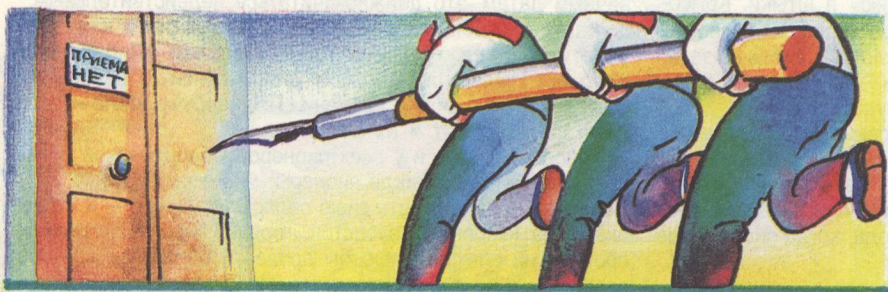
В зале РВО сели поближе друг к другу. И выступали почти постоянно ребята из РВО, среди которых было три разновозрастных дружины: «Гайдаровцы», «Каравелла» и «Орленок» и отряды «Эврика», «Кондорито», «Гранма», «Цунами». Но всех их почему-то (за исключением «Орленка») приписывали к «Каравелле». Но, если бы не выступали ребята из наших отрядов, все бы молчали, кроме нескольких взрослых. «Простые пионеры» боялись говорить, боялись, что их будут ругать. Ведь даже и нашим попадало. Один мальчик из «Каравеллы» стал говорить, что пионеры должны быть защищены от лишнего командования учителей. Он еще не кончил, как встала женщина (учительница или вожатая его школы) и стала кричать на него. Потом она стала говорить (и некоторые поддерживали ее), что «Каравелла» забрала микрофон себе и не дает никому выступать. Других отрядов она, видимо, просто не знала, ей казалось, что все наше крыло зала — «Каравелла».

А там были ребята из разных городов, из разных школ и РВО. Много наших союзников...

Мы не во всем согласны с автором. Женщина из школы, где учится наш Андрей Торшин, не кричала на него, а, скорее, жалобно упрекала за недоверие к взрослым. И что-то не было заметно, чтобы «простые пионеры» боялись говорить (хотя порой чувствовалось, что вожатые «давят» на ребят). Но в главном Оля права. Разногласий между РВО и «обычными» делегациями (особенно их взрослыми руководителями и девочками-штабистами) хватало. На наш взгляд, РВО отстаивали большую самостоятельность и инициативность пионерской организации. Отсюда порой и горячие стычки, и затяжные споры.

Когда шума и споров было много, на сцене появлялся плакат: «Не тяните конитель». К нам ли относилось это слово «конитель», мы точно не знаем. А в фойе, на листе для свободного обмена мнениями, среди хороших слов в наш адрес были и такие: «Каравелла», почему не идете на кантакты?» «Кантакты», по мнению некоторых делегатов и вожатых, — это когда все обнимаются за плечи, раскачиваются и поют, как хорошо жить при свежих ветрах и ураганах. А у нас такой обычай не в моде, нам этих самых ветров хватает и без песен с мая по сентябрь. А потом капитальный ремонт яхт...

А что касается настоящих контактов, то за три дня слета в штаб-квартире «Каравеллы» побывало около четырехсот человек. И спорили, и планами делились, и кино смотрели. А кое-кто и ночевал, тем более что есть в кают-компании диваны, а в маленьком спортзале мягкие маты. А что было делать-то? Не ездить же каждый вечер домой делегатам каменск-уральской «Эврики» или юнкорам из Нижнего Тагила...

Все ли войны окончены?

У отряда «Каравелла», кроме множества союзников, были и откровенные противники. Нижнетагильский клуб юнкоров «Пульсар» в «Красных дьяволятах» — стенгазете слета — поместил открытое письмо командору «Каравеллы». Смысл упреков такой: «Вы не так себя ведете. На всей Земле войны уже кончились, а вы все с кем-то воюете!»

Конечно, мы ответили. И другие за нас вступились.

Но и за «Пульсар» тоже. Дискуссия — на полгазеты. Ну, а может быть, в самом деле все на свете бои, войны и конфликты утихли и на планете благодать? Смейтесь, да? Вот и мы...

Нам кажется, что слет отразил в себе то, что происходит по всей нашей стране: борьба нового со старым, борьба тех, кто за перестройку, с бюрократами, борьба сторонников настоящей демократии

с теми, кто про демократию громче всех кричит, а сам привык командовать. Особенно это стало заметно, когда обсуждался главный вопрос: каким быть областному совету ВПО, кого туда выбирать.

Областная газета «На смену!» 1 апреля, после слета, написала: «Вот тут-то, пожалуй, и наступил «пик» слета. Ведущему заседание второму секретарю обкома ВЛКСМ Анатолию Батову трудно было справиться с «разбушевавшимся» залом. Ребята голосовали не только поднятием мандатов, но и аплодисментами, топанием, даже криком. Явно обозначились в зале несколько «оппозиций», а боевитость ребят и инструкторов из «Каравеллы» начала превращаться попросту в экстремизм».

Интересно, «оппозиции» — это кто? Те, кто не согласен с ведущим? А «экстремизм» — это что? Когда делегаты требуют, чтобы не «забывали» считать голоса целых четырех рядов? Когда доказывают, что нельзя вводить в бюро совета тех, кто не набрал половины голосов? Когда требуют, чтобы выдвигали кандидатами не только взрослых, но и пионеров? Или когда задают вопросы человеку, который был в руководстве пионерской организации несколько лет: «А что вы сделали для пионеров за эти годы? Зачем вас снова выбирать?»

А голосовать криками, топотом и аплодисментами было просто невозможно. Голосование было тайным.

Разумеется, мы написали в газету протест. Потому что «экстремисты»!

Впрочем, все это было в марте и апреле, а сейчас сентябрь. Через пять месяцев нет смысла вспоминать все подробности, описывать все варианты совета, которые обсуждались на слете. В конце концов большинство решило, что совет будет избран на местах — из взрослых и ребят, где кого захотят. А слет тайным голосованием выбрал бюро совета. Семь человек.

Председатель — Александр Школьник. Студент-заочник факультета журналистики. Работая в обкоме комсомола, он часто бывал в пионерских отрядах

и дружинах, затевал интересные дела. А еще — ребята знают и любят его песни... Областное начальство хотело другую кандидатуру, но тут уж ничего не поделаешь.

Ответственный секретарь бюро — Елена Ширина. (Это ей «задавали вопросы». Голосов она собрала немного, но все-таки решили: пусть будет.)

Восьмиклассник из Ревды Вадим Крапивин. Он сам смело предложил свою кандидатуру, изложил свою программу и понравился многим ребятам.

Писатель Владислав Крапивин (руководитель «экстремистского» пресс-центра) был избран в представители разновозрастных объединений.

Еще выбрали методиста Асбестовского Дома пионеров Веру Филатову.

Редактором областной пионерской газеты (которую предстоит создать) стала Анна Мясникова. Воспитанница юнкорского отряда, она печаталась в «Пионере», была там на студенческой журналистской практике. «Каравелла» не раз спорила с Анютой по разным вопросам, но голосовала за нее «двумя руками».

А председателем конфликтной комиссии стал «бородатый доктор» — молодой врач-реаниматолог Андрей Смирнов, кандидат от разновозрастных отрядов. Он работает в областной детской больнице и в санитарной авиации. Пять дней в неделю он «мotaется» по области в самолетах и вертолетах, спасая попавших в беду ребятшек. Но он не только врач хороший, он и товарищ замечательный, настоящий друг ребят.

Из зала Андрея ехидно спросили:

— А как вы, такой занятый человек, сможете работать в бюро?

— Смогу, уверяю вас... — усмехнулся Андрей.

Газета «На смену!», однако, напечатала, что конфликтную комиссию предложено создать другому человеку. Но или автор этого материала выдавал желаемое за действительное, или это была просто первоапрельская шутка.

Самое время подумать о будущем

...Слет закончился. И по мнению всех, с кем мы говорили — и ребят, и взрослых, помнивших прежние времена, — такой слет в Свердловске был впервые. Главного он добился: «Декларация прав пионеров Свердловской области» принята, и своих пионерских командиров выбрали сами ребята. Тех, кого хотели.

Правда, потом было еще много сложностей. Свердловское ГлавУНО встретило «Декларацию» в штыки. Комсомольское руководство области полтора месяца не разрешало печатать принятый (!) текст «Декларации» в газете. Надо, мол, еще согласовать и утрясти. У пионерского бюро что ни день, то новые вопросы и трудности.

Теперь самое время вспомнить опасения автора заметки, напечатанной в начале статьи: «...сейчас все разъехались и все скоро забудут». Чтобы такого не случилось, надо начинать работать по-новому. Поэтому мы и печатаем наш материал сейчас, в начале учебного года, когда пионерская жизнь набирает новую силу.

Ребята из нескольких РВО Свердловска, Нижнего Тагила, Каменска-Уральского обратились к новому областному совету пионерской организации со своими предложениями.

Надо, чтобы у каждого пионерского отряда (внешкольного и школьного — все равно) было свое интересное и важное дело, свое место для работы, свой вожатый (не классный руководитель). Без этого отряд не отряд, а если в школе — то просто класс. Пусть ребята в этом классе сохраняют личное членство в пионерской организации, или добровольно выходят из нее (в соответ-

ствии с «Декларацией»), или ищут для себя другой пионерский коллектив. А новые отряды следует создавать — везде! — только при трех названных условиях.

При каждом отряде должна быть октябрятская группа, и пусть принимает ребят в пионеры именно отряд. Сам решает, кого и когда. А если третьеклассников принимают как прежде, по решению учителя, к праздничным датам, это должно считаться недействительным.

Надо предложить учителям и завучам раз и навсегда убрать из своих рабочих планов раздел «Пионерская работа». Нашим педагогам и для учебной-то работы не всегда хватает сил и времени. Пионерские дела — это дела самих ребят и их вожатых.

У нового совета и у всех пионеров Свердловской области (у тех, кто по правде пионеры) много неотложных дел. Необходимо налаживать свою областную газету — и чтобы она была искренней, зубастой, горячей, беспокойной, как прошедший слет. Хорошо бы провести областной конкурс творцов и талантов под девизом «Не иметь, а уметь». Надо разработать систему защиты каждого пионера от всякого зла и несправедливости. Наладить палаточные лагеря... Взяться всерьез за охрану природы... Отстоять для литературного музея дом, где жил А. П. Гайдар...

Всего не перечислишь. И о новых делах будет новый рассказ...

Материал подготовлен редакционной группой РВО «Каравелла», «Кондорито», «Цунами», «Эврика».

ГОРОД: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Редакция журнала «Пионер» попросила меня разобрать проекты, присланные на конкурс «Город будущего». Но чтобы наш разговор получился серьезным, давайте сначала вспомним, как в разные времена люди представляли себе города будущего, и подумаем, что они сегодня ждут от подобных проектов.

У КАЖДОГО ВРЕМЕНИ — СВОИ «ГОЛУБЫЕ ГОРОДА»

«...На обширной равнине возвышался высокий холм, на котором и расположена большая часть города... Разделяется город на семь обширных поясов или кругов, называющихся по семи планетам. Из одного круга в другой попадают по четырем мощным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света...»

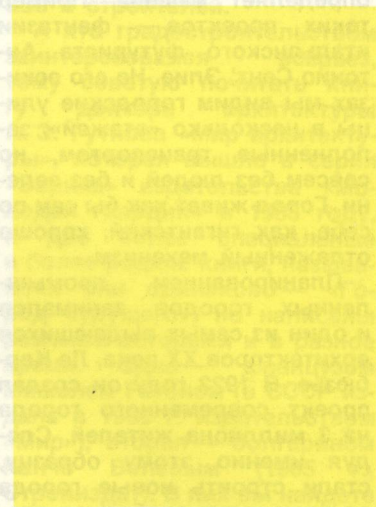
...во всем городе стены, внутренние и внешние... расписаны превосходнейшей живописью...»

Это из трактата доминиканского священника Томмазо Кампанеллы «Город Солнца».

Работа Кампанеллы — яркий пример утопии. Уже несколько столетий назад авторы утопических сочинений пытались создать модели городов будущего. Правда, тогда их больше интересовали общественное устройство и уклад жизни в таких городах, чем вопросы планировки и застройки.

Второй тип проектов городов будущего — это **ИДЕАЛЬНЫЕ ГОРОДА**. В них авторы пытались проектировать города совершенной формы для уже существующего общества. Например, проекты идеальных городов эпохи Возрождения. Они отличаются геометрической строгостью, копируют образцы античности и Византии.

Если утопии — это представления о городах отдален-

1. Томмазо КАМПАНЕЛЛА. Город Солнца. 1602.
2. Антонио СЕНТ'ЭЛИА. Футуристический город. 1914 г.
3. 4. Массимо Марио КОТИ. Дендратом — город атомного дерева.
5. Жак и Эдит РУЖЕРИ. Подводный город.
6. Вальтер ЙОНАС. Город-воронка.

1

2

ного будущего, то идеальные города проектировались на ближайшее будущее.

Больше всего проектов городов будущего приходится на XX век. И это неудивительно. Именно в это время города стали особенно быстро возникать, расти и развиваться. Появляются ПРОЕКТЫ ФУТУРИСТОВ, в которых весь жизненный уклад города определяет машина. Пример таких проектов — фантазии итальянского футуриста Антонио Сент'Элиа. На его эскизах мы видим городские улицы в несколько «этажей», заполненные транспортом, но совсем без людей и без зелени. Город живет как бы сам по себе, как гигантский, хорошо отлаженный механизм.

Планированием промышленных городов занимался и один из самых выдающихся архитекторов XX века, Ле Корбюзье. В 1922 году он создал проект современного города на 3 миллиона жителей. Следуя именно этому образцу, стали строить новые города во всем мире: свободная планировка, преувеличенный масштаб, бесконечные однообразные перспективы... Сегодня легко критиковать эти проекты. Но в то время казалось, что по-другому не вылечить болезни старых городов — антисанитарию, скученность, транспортные пробки, недостаток зелени и хорошо

проветриваемых пространств.

И у нас в первые годы Советской власти появилось множество проектов городов будущего. В большинстве случаев это были проекты-утопии городов, где жителям предписывалось вставать в одно и то же время, вместе делать зарядку, завтракать в общественной столовой, строем идти на работу... В общем, человек низводился до роли муравья со строго определенными обязанностями по отношению к городу-муравейнику. К сожалению, такое «казарменное» представление о городе будущего прочно вошло в наше сознание.

Следующий бум вокруг городов будущего был связан с научно-технической революцией. Авторы тех проектов полагали, что техника даст человеку неограниченную личную свободу. И люди, как птицы, будут порхать от одного дома-гнезда к другому, появятся города под водой и на воде, под землей и в воздухе, в космосе и даже на других планетах. Трудно рассматривать эти проекты всерьез. Вряд ли все жители Земли захотят переселиться под воду или улететь на другие планеты. Даже если и появятся подобные города, то их будет очень немного.

Сегодня архитекторы признали, что город — слишком сложный организм, чтобы ему можно было навязать какой-

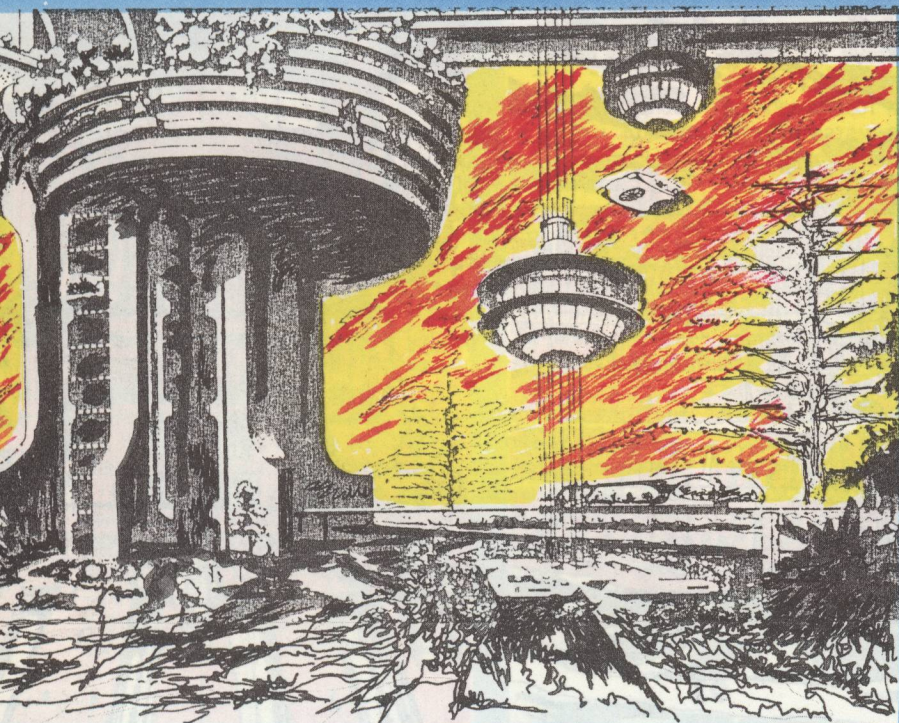
либо один путь развития. И гораздо важнее не придумать проект города будущего, а решить постепенно улучшить, преобразовать город настоящего. Чтобы было у каждого города свое лицо, чтобы сохранились в нем памятники истории, архитектуры и чтобы удобно в этих городах жилось людям разного возраста, с разным составом семьи, с разным уровнем доходов и разными вкусами... И здесь важно преодолеть один из самых стойких наших стереотипов: что все люди должны жить одинаково и в этом и есть социальная справедливость. Город будущего должен, как модно сегодня говорить, быть городом плюралистическим.

А теперь — ваши письма.

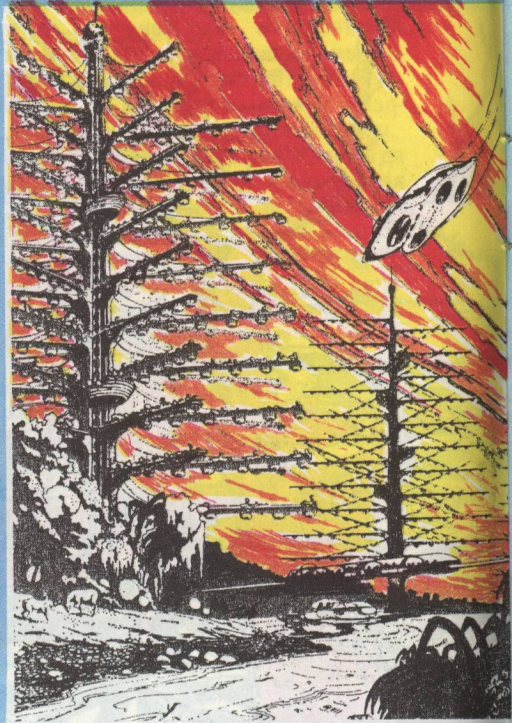
ЧЕЛОВЕК СТАНЕТ ЦЕНТРОМ «...ВНИМАНИЯ...»

Это слова Наташи Журбиной из Волгограда. Пожалуй, ее письмо — одно из самых интересных. Она очень точно почувствовала главное — город будущего должен быть городом для человека, а не городом, где человека подавляют огромные пространства площадей и проспектов, каменные коридоры улиц с чахлыми деревьями и отравленным воздухом,

3

4

бездущные дома-коробки.

Любопытна идея Сергея Виноградова из Горького. Он предлагает два типа застройки городов: высотную, многоэтажную, расположенную в наиболее оживленных местах города (только я думаю, что жилье здесь должно быть особенное, гостиничного типа, а рядом конторы, офисы, магазины, кинотеатры, кафе), и низкоэтажную, усадебную, для обширных жилых районов. Тогда, с одной стороны, в городе сохранится быстрый, насыщенный ритм жизни, и в то же время люди смогут селиться в тихих зеленых районах, чтобы прийти в себя после дневной суеты.

Света Фролова из Тулы предлагает во всех городах создать пешеходные аллеи, свободные от транспорта. Совершенно согласен со Светой. Транспорт вытеснил людей с городских улиц и площадей, оставив им лишь узкие полоски тротуаров. Часто человеку негде на улице присесть, где встретиться с друзьями.

А. Блинков из города Тольятти (к сожалению, он не написал своего имени) верно подметил, что дома из плит и блоков в наших городах унылы и однообразны. Он предлагает создать своеобразный «конструктор» строительных деталей, который позволил бы строителям из одних и тех же деталей собирать

совершенно разные дома. Градостроители подумали об этом. Уже есть единый строительный каталог, который предоставляет архитектору довольно широкий выбор строительных элементов. Однако читатель «Пионера» А. Блинков развивает эту идею дальше. Он предлагает выпускать строительные детали небольшими сериями для конкретного дома или района. Застройка будет неограниченно разнообразной.

Во многих ваших проектах, ребята, есть описания и рисунки различных по форме многоэтажных зданий, самых разнообразных видов транспорта, есть предложения строить города под водой и в космосе. Все это хорошо. Но мне кажется, что разговор у нас получился все-таки однобоким. Вы очень много писали о технике в будущем и очень мало — об облике городов и об условиях жизни в них. И уж совсем осталось неясным, что делать с городами нынешними.

ПОЭТОМУ Я ПРЕДЛАГАЮ КАЖДОМУ НАЗВАТЬ НЕДОСТАТКИ И НЕУДОБСТВА ТОГО ГОРОДА ИЛИ ПОСЕЛКА, ГДЕ ОН ЖИВЕТ, НО НЕ ПРОСТО НА-

ЗВАТЬ, А И ПОДУМАТЬ, ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ЭТИ НЕДОСТАТКИ ИСПРАВИТЬ.

Вместе мы нарисует картины двух городов-символов. Первого — мрачного, со всеми неудобствами современных городов, и второго — того города будущего, в котором нам всем хотелось бы жить. Думаю, поучительные получатся картины для проектировщиков и строителей.

А кто градостроительством заинтересовался всерьез, тому советую почитать книгу доктора архитектуры А. Э. Гутнова «Мир архитектуры», которая вышла в серии «Эврика» издательства «Молодая гвардия» в 1985 году, и две более специальные и более редкие книги, называются они одинаково — «Город будущего», но написаны разными авторами и в разное время. Одна — французом Мишелем Рагоном (в СССР издана в 1969 г. издательством «Мир»), вторая — болгаринцом Пенчо Велевым (1985 г., Стройиздат). В них вы найдете очень интересный анализ почти всех известных проектов городов будущего.

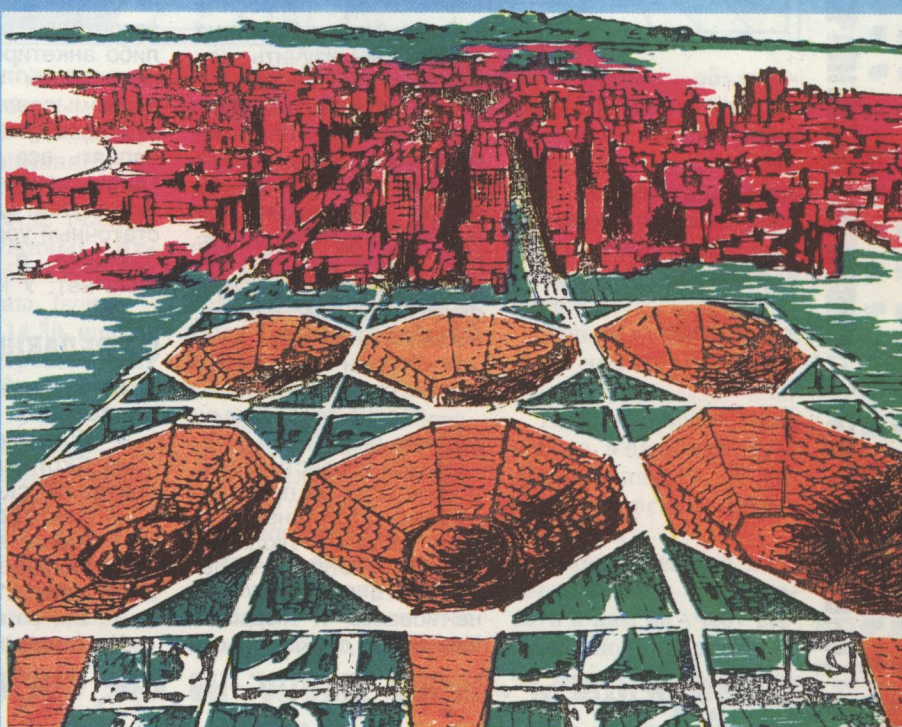
М. ТУРКАТЕНКО,
кандидат архитектуры.

ОТ РЕДАКЦИИ: Кто хочет откликнуться на предложение архитектора Михаила Туркатенко? Присылайте в редакцию свои проекты до конца этого года. На конверте просим написать: «РИСУЕМ ГОРОД БУДУЩЕГО».

5

6

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ЮНКОВСКАЯ
ГАЗЕТА
ЖУРНАЛА
ПИОНЕР

ВПЕРЕД

9/89

СНОВА СЕНТЯБРЬ. СНОВА ШКОЛА. НО УЖЕ СЛЕДУЮЩИЙ КЛАСС. ПОЗДРАВЛЯЕМ, ЧИТАТЕЛЬ!

И этот выпуск составлен из ваших лучших работ, пришедших на конкурс «Внимание, эксперимент!», юнкоры.

Авторы и редакторы этого номера предлагают вам тему «СТАРОЕ и НОВОЕ в нашей жизни». Проблемы, идеи, начинания, которые возникли в годы перестройки, — над ними хочется думать, мы их согласны решать. И те навязшие в зубах вопросы, которые жуем, как жвачку, с незапамятных времен. Их обсуждать давно не хочется, как действовать — всем уже ясно, надо просто засучить рукава и ДЕЛАТЬ.

ПАТЕНТ НА УДАЧУ

О революционном времени

Время сейчас настоящее, поистине революционное. В нашей школе перестройка тоже чувствуется.

Школа из восьмилетней превращается в

среднюю, постепенно переходим на пятидневку, ребята теперь могут в свободное время зарабатывать деньги на предприятиях. Наш класс уже отработал

на кирпичном заводе 100 часов. В школе создан кооператив «Новинка», введен в расписание час «Здоровье». Жизнь меняется к лучшему!

5 «Б» класс,
школа-интернат № 1,
г. Белово,
Кемеровская область

Получили первую прибыль

Модное слово «кооператив» и самостоятельность, которую он обещает, привлекли нас, девочек школы № 1250 города Москвы.

Итак, кооператив «Все для дома» начал свою жизнь. У нас можно заказать любое кулинар-

ное блюдо (кроме судака-орли, жареного фазана, ну еще кое-чего), а также приобрести симпатичный фартук, прихватки, кухонные полотенца и многое другое, что пригодится хозяйке.

Мы уже получили первую прибыль, и по скром-

ным подсчетам нашего руководителя-вдохновителя, «совсем скоро сможем купить японскую вязальную машину». Конечно, оптимизм здесь явно победил арифметику. Но все же всем дружинам, которые хотят иметь наличные деньги, мы рекомендуем кооператив.

Л. Настина, г. Москва

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Школьный совет — да или нет?

Юнкорская газета «Вперед» попросила юнкора **Алешу Гришина из Москвы** изучить, как работает совет в его школе. И написать нам.

«В нашей 179-й московской школе совета пока нет. А почему нет? Может, он никому не нужен? И в первую очередь ученикам? И я решил раздать маленькую анкету шести-, семи-, восьмиклассникам.

— Нужен ли нашей школе совет?

— Какие проблемы он должен решать?

Чтобы провести опрос, я обратился за помощью к организатору внеклассной работы Людмиле Ивановне. Опросы общественного мнения у нас не новость, и Людмила Ивановна спокойно от-

неслась к моей затее. Но на следующий день она запретила мне какие-либо анкетирования. Доводы были такие: «Вы в этом совете невесте что навьдумаете, а выполнять все равно мне. Органы самоуправления нужны там, где есть достаточный уровень самосознания, а у вас его пока нет. У нас не шко-

ла, а сборная команда». Школа у нас с математическим уклоном, и в 7-й класс на самом деле приходит много новых ребят со всего города. Но не дураки же приходят и одни несознательные. По некоторым намекам, я понял, что все упирается в директора школы. Именно он считает, что школе нужно не самоуправление, а твердая рука.

Вот и попробуй в такой школе почувствовать себя хозяином».

ОТ РЕДАКЦИИ:

Да-а, проблема школьных советов требует исследования. Напишите нам:

- Есть ли у вас в школе совет?
 - Сколько в него входит учеников, сколько учителей, сколько шефов, сколько родителей?
 - Как проходили выборы в совет?
 - Какие вопросы он решает?
 - Изменилась ли жизнь в школе с появлением совета?
 - Вы за совет или он вам не нужен?
- На конверте напишите: «ШКОЛЬНЫЙ СОВЕТ».

ЧИТАТЕЛЬ!

А У НАС... А У ВАС?

Ксюша, Рюрик и Хомыш

Недавно у нас состоялся конкурс кошек. Он проходил в кабинете химии. Все спешили туда с сумками, пакетами, а кто и прятал что-то за пазухой. Прозвенел звонок. В классе сидели мальчики и девочки с котами, кошками, котятками. Каждый подходил к учителю биологии Сергею Петровичу и говорил ему свое имя, а также имя питомца. А Сергей Петрович показывал кошку, кота или котенка всем присутствующим.

Ребята оценивали животных.

Но вот конкурс подошел к концу, стали называть победителей. 1-е место заняла маленькая киса по имени Ксюша, 2-е место — кот Рюрик, 3-е место — кот Хомыш. Им вручили награды — медали и елочные игрушки.

А у вас в школе проходят необычные конкурсы?

Света Сияпина,
12 лет,
г. Ишимбай, БАССР

КОНДУИТ

Кто читал «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля, тот помнит, что в кондуит в дореволюционной гимназии заносили все плохое, что делали гимназисты. А в нашем «Кондуите» мы будем писать о том косном, отжившем, что никак не уходит из нашей жизни.

А МАЛЫШИ В ОДИН ГОЛОС КРИЧАТ

Проблема в нашей школе — это вожатые. Нет, не старшие, пионерские, а вожатые октябрят. Не загонишь пионеров к октябрятам ни за что на свете. И малыши готовятся к вступлению в пионеры без вожатых. Непонятно, ведь раньше сами просились в вожатые, а теперь?

На вопрос «Почему никто не хочет быть вожатым?», все отвечают: «С малышкой неинтересно!», «Они нас не любят», «Некогда».

А малыши в один голос кричат: «Хотим вожатых!»

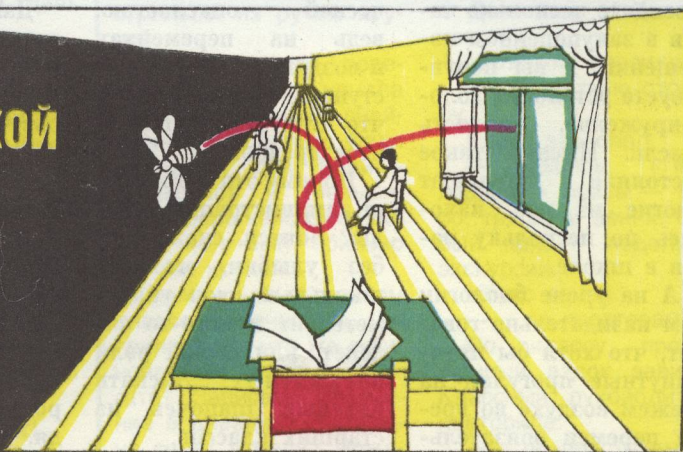
Так где же выход?

Люда Макарова,
Лена Матышина,
г. Усмань,

Липецкая область

В ПИОНЕРСКОЙ КОМНАТЕ ТИХО

РЕПОРТАЖ-
РАЗМЫШЛЕНИЕ
С УЧЕБЫ
ПИОНЕРСКОГО
АКТИВА

На стене около пионерской комнаты вижу объявление. Подхожу, читаю: «Внимание! Сегодня, в 14.30, состоится учеба ЧСД (членов совета дружины). Явка всех обязательна!» Ладно, думаю, будем.

Ровно в 14.30 подхожу к пионерской комнате. За дверью — тишина.

Захожу и вижу...

Пионерская комната полна членов совета дружины? Ну, нет. Там только старшая пионерская вожатая, председатель дружины, еще два человека да те-

перь я. «Вот это да!» — можете сказать вы. А ничего удивительного, почти каждый раз так.

На учебу должны приходиться более двадцати человек... А что остальные, уже не считают себя членами? Пионерская вожатая возмущается, да и есть чему. Мы уже пробовали через классных руководителей действовать. Учителя-то дисциплинированные, обязательно скажут активистам, чтоб они на учебе были, те согласятся и не придут. Каждый

раз пишем объявления, во время перемен бегаем по школе, ищем в разных классах членов совета дружины. Спешим сказать, что будет учеба... Но все равно в пионерской тихо.

Теперь посмотрим, кто в чем на учебу пришел.

Кто в брюках, кто в юбке, а один парень — даже в пальто. А где же пионерская форма и галстук?

И тогда решила пионервожатая пригласить к нам на учебу выпускников школы —

СНОВА СЕНТЯБРЬ. СНОВА ШКОЛА. НО УЖЕ СЛЕДУЮЩИЙ КЛАСС. ПОЗДРАВЛЯЕМ,

«старичков». Они тоже были членами совета дружины. Получился у нас сбор. И вот рассказали нам «старич-

ки», как у них в дружине интересно было. Впервые, людей в совете было гораздо больше. В отрядах за место чле-

на совета дружины шли горячие споры. И от отряда выбирали по два-три человека. Вот так! Другая была

жизнь. От кого же она зависит?

Таня Станчик,
12 лет,
г. Архангельск

Как рыба без воды, так и человек без воздуха жить не может. Таков закон живой природы. Посидите несколько часов в закупоренном помещении, и вы почувствуете усталость, головокружение, вялость мысли. Именно такое состояние ощущают многие из нас, находясь по нескольку часов в школе.

А на уроке биологии нам назидательно говорят, что хотя бы пятиминутные прогулки на свежем воздухе во время перемен обязательны. Одно говорится, другое делается. Нам категорически запрещено выходить на улицу, на школьный двор,

пока не кончатся занятия. И так 300 часов в год! Триста часов в атмосфере с экологической опасностью, ведь на переменках в воздух коридоров поступает столько пыли, что это действительно небезвредно.

Почему это устраивает администрацию школы? Бояться, скажем не без улыбки, что на школьный двор упадет метеорит и кого-то заденет, или серый волк повадится таскать красных шапочек из старших классов.

И все-таки, если говорить серьезно, загадочными и непонятными кажутся причины, по которым нас следует

держат в изоляции, в замкнутом пространстве школьных коридоров.

Давайте выйдем во двор, подышим свежим воздухом, попрыгаем, подвигаемся, а то и пользу принесем. Если во дворе будут лопаты, то мальчишки с удовольствием расчистят снег.

А пока у школьного двора одно предназначение. Здесь по вечерам собираются подростки, все те, кому хочется спрятаться от постороннего взгляда. Уходя, они оставляют за собой обрывки бумаг и окурки. И кажется, будто специально для них построены во дворе качели, каталки и все

остальное, что планировалось для развлечения учеников младших классов.

Ау, взрослые! Неужели здоровье детей, за которое вы так ратуете, сохранится в потных сутолоках школьных перемен? А комсомольские и пионерские вожжаки? Что же вы не отстаиваете права своих товарищей по организации — права на здоровую, насыщенную свежим воздухом перемену? Ох как хочется дышать шире грудью в прямом и переносном смысле!

Алексей Калмыков,
14 лет,
Денис Быковских,
14 лет,
г. Москва

У нас в дружине прошел диспут на тему «Что нам дают пионерские сборы?». Ребята долго спорили, обсуждали. Но ответ был единогласным: «сборы для галочки». Ведь никакой пользы в них нет. Все приходят в парадной форме (а это не всем хочется, но нас заставляют), учат стихотворения (их никто почти не слушает). На каждом сборе говорят

одни и те же слова. Мы категорически против подобных мероприятий. А «сверху» требуют, чтобы в четверть проходило не менее двух сборов. С нашим мнением никто не считается. Может быть, у читателей газеты «Вперед» есть новые формы проведения пионерских сборов?

Наташа Мишневая,
д. Краснолуки,
Витебская область

СЪЕДОБНОЕ-НЕСЪЕДОБНОЕ

Школа. Кабинет биологии. Урок по теме «Класс птицы». Мой родной 7 «А» пытается уловить хоть что-то из объяснений учителя, не прерывая своих дел: кто перекидывается записками, кто замысловато плюется через трубочку, кто переговаривается с соседними партами... Очень сложно контролировать столько неотложных дел сразу! Поэтому, застигнутый врасплох внезапным вопросом учителя, каждые пять минут кто-нибудь из моих одноклассников нехотя поднимается из-за парты и лепечет что-то невразумительное.

А тут вопрос ко всему классу. Это что-то новенькое, все насторожились.

— Перечислите органы пищеварения птиц.

Хором отвечать лег-

ко, особенно если на парте раскрытый учебник. Все дружно перечисляют.

— Так, ну-ка, Настя Лаврентьева, назови нам этот орган.

Указка учителя ползет по какому-то странному мешочку, раскрашенному на схеме в ядовито-зеленый цвет. Я молчу, очень трудно сосредоточиться, ведь первый день после каникул!

— Ну?

Молчу, как рыба.

— Из чего пахнет делают? — с улыбкой подсказывает учитель.

Тут уж весь класс голосит: «Печень»!

Эх мы, цари природы! Смотрим на мир, как на гигантский гастроном, а животных зачастую оцениваем по их «съедобности».

Не страшно нам?!

Настя Лаврентьева,
г. Москва

ОТ РЕДАКЦИИ:

Все давно знают, что не может октябрятская группа быть сама по себе, без пионерского отряда, а пионеры от октябрят отмахиваются и бегут. Говорим-говорим: не нужны парадные сборы, банты и стихи, нужны рабочие обсуждения, нужен анализ, а пустые сборы живут. И учеба активистов, на которую никого силком не затащишь, процветает. И в школах духота, на переменах негде размяться, побегать. И на природу мы смотрим глазами хищника: что бы еще нам съесть, истребить, разрушить?

Какие еще проблемы достойны «Кондуита»? Только давайте мы больше о них не спорить, а каждый хоть что-то сделает, чтобы их решить.

Экскурсия по просторам...

В городе Железнодорожной школе по энской школе прокатилась волна стрельбы из ручек крупной.

В 5-м классе перестрелка велась с начала уроков. Главными «снайперами» числились Федя Девяткин, два Вани — Большаков и Меньшиков. После каждой атаки весь пол был обильно усыпан крупой.

Заниматься в грязном классе, конечно же, неприятно. Ну что же с виноватыми делать? Отругать? Записать замечание в дневник? Вызвать на совет отряда? Пожаловаться родителям?

Но двое звеньевых и председатель отряда посоветовались с классным руководителем и...

В конце уроков классный руководитель зашла в класс и развернула плакат:

— Ученики Ваня Меньшиков, Федя Девяткин и Ваня Большаков приглашаются к доске для награждения!

Все захлопали, а названные мальчики, озадаченно улыбаясь, поднялись из-за парт и степенно прошли к доске.

Классный руководитель громко зачитала:

— Приказ по энской

школе от такого-то числа 1989 года. Награждаются И. Меньшиков, Ф. Девяткин, И. Большаков...

Мальчики просияли.

—...за меткую стрельбу...

Класс захолопал.

— ...пшеном. «Переходящие» призы — ведро, тряпка и веник. Особый приз — недельная экскурсия...

Класс замер.

— ...по просторам...

По классу прошел шумный вздох зависти. Классный руководитель повторила:

— ...по просторам нашего класса!

Тут прозвенел звонок. Ребята стали собираться домой, и каждый на прощанье пожал «героям» руки и поздравил их с «поездкой».

Вот так откатилась «пшеничная волна». Зато теперь, когда наступает очередная бумажная, пластилиновая или еще какой-то бум, вспоминают, что, мол, кому-то еще веник в приз хочется и экскурсию по классу на целую неделю?

И начинающие новый бум отступают.

Наташа Дубанова,
6-й класс,
г. Железнодорожной

Вперед

Оформление Ю. ПАКА.

Рассказы Николая Олейникова

Давным-давно, шестьдесят лет назад, в Ленинграде начал выходить журнал для детей под названием «Ёж». На обложке первого номера был нарисован симпатичный и совсем не колючий ежик, его хотелось поскорей взять в руки.

Но если вы думаете, что название журнала больше ничего не значило, — вы ошибаетесь. Ёж — хитрый зверек, и это заглавие расшифровывалось еще так: «Ежемесячный журнал».

Вскоре, в том же 1928-м году, его ответственным редактором — так тогда именовали главного редактора — стал Николай Макарович Олейников.

Он лучше всех знал, как рассказать читателям журнала о нашей стране и о ее истории, о том, что происходит за рубежом, знал, какие рассказы и стихи любят дети, какие загадки и фокусы им нравятся, какие заинтересуют их фотографии и рисунки... Словом, он был прирожденным редактором детского журнала.

И он позвал в него самых замечательных писателей и художников, которые тогда жили: Маршака, Чуковского, Житкова, Пантелеева, Зощенко, Хармса, Введенского, Владимирова, Шварца, Пришвина, Ильина, Перельмана, Заболоцкого, Толстого — Алексея, конечно, — Маяковского и многих других, художников Ермолаеву, Лебедеву, Пахомову, Тырсу, Конашевича, Лапшина, Соколова, Татлина, Замирайло, Юдина, Радлова — всех не перечислишь.

И сам сделался любимым героем журнала. Для этого он изобрел себе псевдоним — Макар Свирепый.

Кто я такой? Вопрос нелепый!

Я — верховой Макар Свирепый.

Видели ли вы когда-нибудь, чтобы ответственный редактор журнала, которому место за письменным столом, восседал на коне? А вот Макар Свирепый часто появлялся на страницах «Ежа», гарцуя на коне. При этом его лицо было, как две капли воды, похоже на лицо ответственного редактора.

Забавные и интересные приключения Макара Свирепого во всех частях света, изображенные художниками А. Успенским и Б. Антоновским, читатели искали в номере прежде всего.

Сам Николай Олейников писал рассказы и очерки, которые и сегодня читаются без всякой скуки. Каждый рассказ или очерк — как развернутый анекдот со множеством подробностей.

Вот, к примеру, каким послесловием «От редакции „Ежа“» сопровождался его рассказ «Блошинный учитель»:

«Макар Свирепый пришел в редакцию „Ежа“ и рассказал нам про блошиного учителя и его ученых блох.

— Товарищи, — сказал нам редактор, — как вы думаете, можно ли научить блоху выделывать такие хитрые штуки?

— Можно, — сказал Иван Топорышкин.

— Нельзя, — сказал Сергей Бочков.

— Можно, можно, можно, — сказала тетя Анюта.

— Гав, гав, гав, — сказала собака Пулемет.

Мы спорили 2 часа 23 минуты и 10 секунд, но ничего не решили.

— Макар Свирепый, — сказал наконец редактор, — скажи нам: на самом деле ты видел ученых блох или все это одни враки?

Макар Свирепый поднялся со стула, щелкнул Ивана Топорышкина по носу, поднял вверх указательный палец, открыл рот и сказал...

Читатели „Ежа“!

Что, по-вашему, сказал нам Макар Свирепый?...

Потом Николай Олейников был редактором еще одного детского журнала — «Чиж» («Чрезвычайно интересный журнал»), который тоже издавался в Ленинграде. А под конец жизни оказался и редактором московского журнала «Сверчок».

И пока Николай Олейников редактировал детские журналы, он все время сочинял совсем взрослые стихи, которые люди с удовольствием запоминали наизусть и хранили в своей памяти, потому что почти все эти стихотворения при жизни Николая Олейникова не были опубликованы. И лишь теперь они публикуются в журналах, газетах и книгах.

Почему печатаются только сейчас? Потому что Николай Макарович Олейников пал в 1937 году, когда ему не было еще и сорока лет, жертвой сталинских репрессий.

«Пионер» печатает в этом номере три рассказа Н. Олейникова. Два из них очень мало кому теперь известны, они затерялись в изданиях 20-х и 30-х годов, а третий («Учитель географии») — многим знаком и многими любим. И мне хотелось бы, чтобы и нынешние читатели «Пионера» полюбили эти рассказы Николая Олейникова, а когда подрастут, — то и его прекрасные стихи.

Владимир ГЛОЦЕР

БЛОШИНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Я был в театре. Рядом со мной сидел человек огромного роста и ел апельсин.

Вдруг к нему подошел какой-то старичок и шепотом сказал:

— Алексей Лукич, одолжите мне парочку блох. Я вам во вторник отдам. Честное слово.

— Парочку? — переспросил мой сосед. — Это можно.

— Тогда выйдем на минутку. Здесь неудобно.

Они вышли. Через минуту мой сосед вернулся.

Зрители вокруг нас зашевелились.

По правую сторону от моего соседа сидела тощая дама. Она сердито посмотрела на него и заерзала на стуле. Потом она поднялась и пересела в другой ряд.

— Глупая, — засмеялся мой сосед, — блох испугалась! Они ведь у меня в коробочке.

— В коробочке? Блохи?

— Вы не удивляйтесь, — наклонился он ко мне, — дело в том, что я — блошинный учитель. Это я своему приятелю ученых блох давал. Он тоже в этом деле понимает.

Сосед угостил меня апельсином, дал свой адрес и просил приходить:

— Второй двор направо, спросите блошиного учителя.

На другой день я пошел к нему.

Дворник сказал мне, что блошинный учитель живет на восьмом этаже, под самой крышей.

— До него и блоха не допрыгнет, — сказал дворник.

Насилу я взобрался на восьмой этаж.

Я позвонил. Блошинный учитель открыл мне дверь.

Он, не здороваясь, схватил меня за руку и закричал:

— Вы, может, думаете, что я обучаю собачьих

блох? Зарубите себе на носу, что ни собачьих, ни кошачьих блох я не обучаю. Собачья блоха — дура.

— А каких же вы блох обучаете? — спросил я.

— Человечьих, только человеческих. Только человек блоху поддается обучению.

Он повел меня к столу, где стояло несколько ватных ящиков.

— Верочка, — прошептал он, прикоснувшись палочкой к ящику.

Оттуда вдруг прыгнула к нему на руку блоха.

— У вас есть с собою блохи? — сердито обратился он ко мне.

— То есть как это — с собой? — не понял я.

— Да так, очень просто. Ну, кусают вас блохи, например?

— Нет, — обиделся я, — у меня блох никогда не бывает.

— Очень жаль, — строго сказал блошинный учитель. — Это я потому спрашиваю, — пояснил он, — что если б у вас были блохи, я бы показал вам, какая разница между вашей неграмотной блохой и моей образованной. Ваша блоха — хулиган, бандит...

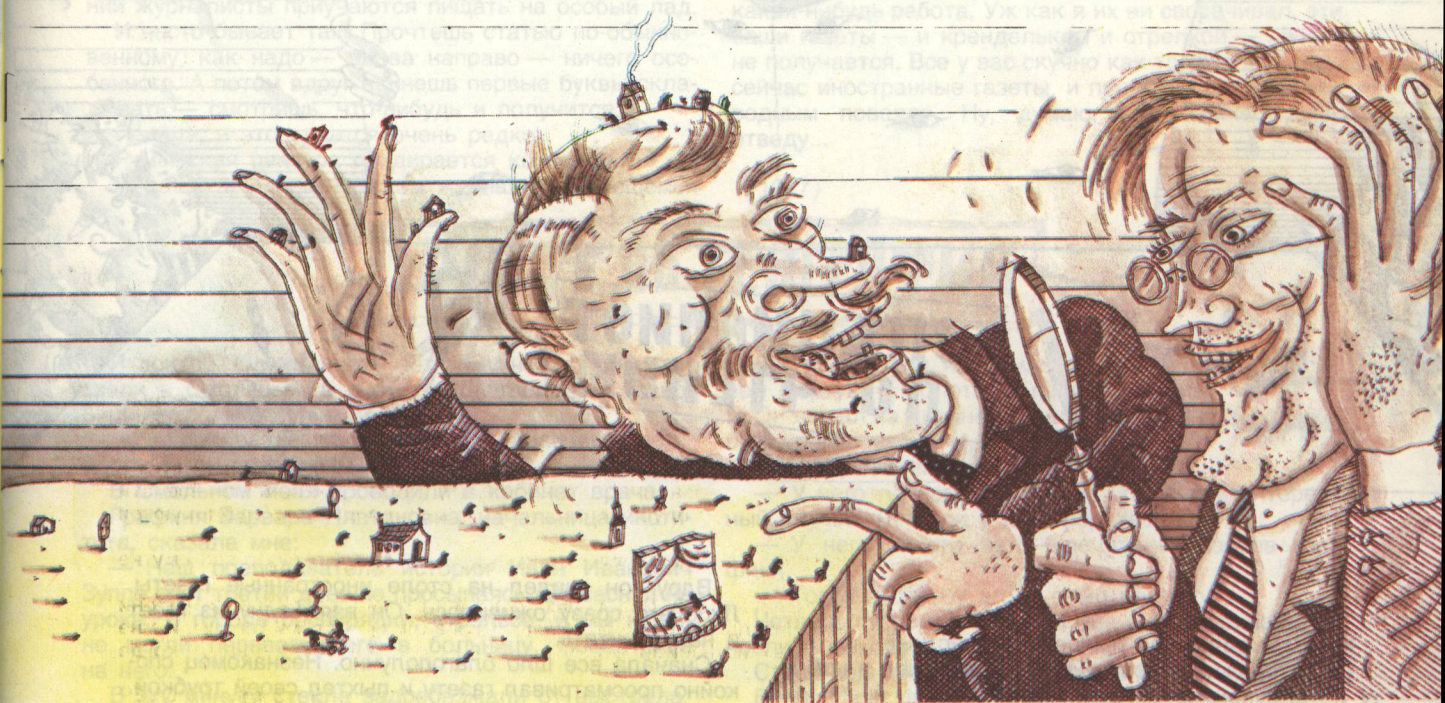
— Но у меня нет блох, — опять обиделся я.

— Ну, не у вас, у ваших знакомых, — все равно.

Так вот, ваша блоха — бандит, разбойник, потому что она без разбору бросается на всех и кусает. Моя же блоха незнакомых людей кусать не будет. Вы можете мою блоху посадить к себе на руку и держать ее у себя хоть целый день. Она вас ни разу не укусит.

Блошинный учитель помолчал немного и добавил:

— Да вообще мои блохи когда попало есть не будут. Они привыкли есть 8 раз в сутки, через каждые 3 часа. В остальное время они и смотреть не хотят на еду.

— А кто же их кормит?

— Я сам. Я их сажаю к себе на руку, и они пьют мою кровь.

Блошинный учитель взял со стола другой ящичек, поднес его к моим глазам и сказал:

— Здесь у меня живет очень нервная блоха. Зовут ее «Кусачка». Она боится сильного света. Если ее посадить около электрической лампочки, у нее сейчас же начинается лихорадка, и она тогда ничего не может делать.

Потом блошинный учитель показал свой театр.

Он дал мне увеличительное стекло, и я увидел на столе крохотную мебель — стулья, столы. На одном стуле сидела блоха. Сидела она важно, словно человек. На голове у нее была маленькая зеленая шапочка из папиросной бумаги.

Вдруг к ней подскочила другая блоха поменьше и спихнула ее со стула.

— Это они шалят пока представление не началось, — ласково сказал учитель.

После этого началось представление.

Я видел блоху, которая ходила по ниточке тонкой, как блошиная нога. Потом пять блох качались на качелях. Блошинный учитель тихо-тихо заиграл на дудочке, и вдруг одна из блох начала под музыку перекидываться на качелях и делать гимнастику. Потом одна блоха, одетая в голубой костюмчик, гонялась за другой блохой с кинжалом, сделанным из крохотного соломенного прутика.

— Это они пьесу играют, — объяснил учитель. — Вы не смейтесь, — сказал он, увидев, что я улыбаюсь, — я однажды отнял роль у одной блохи и передал ее другой, так что же вы думаете? После представления обиженная блоха кинулась на свою соперницу и загрызла ее!

Блошинный учитель показал мне еще несколько номеров.

— А как же вы их учите? — спросил я на прощание.

Он взял со стола красную круглую коробочку со стеклянной крышкой и подал ее мне.

— Вот моя школа, — сказал он.

Я с удивлением осмотрел коробочку.

Блошинный учитель улыбнулся и сказал:

— Прежде всего дикую блоху надо отучить прыгать. Для этого я сажаю ее в коробочку. Блоха хочет выпрыгнуть из коробки и больно ударяется о крышку. Попрыгает так денек два, набьет себе спину — и уж после этого боится прыгать. Это — первый курс обучения. Потом я ее учу ходить в упряжи. Видите, вот ее тележка. Первое время она еще скачет, хоть и не так высоко, как дикая. Я привязываю к ее ногам цепочки и маленькие гири. Блоха уже не скачет, а ходит. Потом я ее учу поднимать тяжести, ходить по канату, ложиться в кровать. Через месяц блоху не узнаешь — это уже сознательная блоха.

Когда я уже уходил, он вдруг шепотом сказал мне:

— Вы сколько весите?

— Четыре пуда.

— А сколько одной рукой можете поднять?

— Два пуда.

Блошинный учитель отскочил и громко закричал:

— Какое вы слабое существо! Знаете ли вы, что моя блоха раз в полтора раза сильнее вас?

— Блоха сильнее меня?

— Да, моя блоха «Геркулес» поднимает и тащит тяжесть в 80 раз тяжелее ее тела. Вот вам и блоха!

(1930)

1

К нам в редакцию пришел неизвестный.

Он осторожно открыл дверь, тихо вошел в комнату и, ни с кем не здороваясь, сел.

Вдруг он увидел на столе иностранные газеты. Лицо его сразу оживилось. Он взял одну из газет и начал читать.

Сначала все шло благополучно. Незнакомец спокойно просматривал газету и пыхтел своей трубкой.

Но потом... потом началось что-то странное. Сперва нам показалось, что незнакомец показывает фокусы.

Он свернул газету в трубочку и стал смотреть в нее одним глазом. Потом посмотрел ее на свет, разорвал на две части, начал складывать петушков.

Тут уж мы не выдержали:

— Что вы делаете? — спросил редактор.

Неизвестный поднял голову и спокойно произнес:

— Как что? Разве не видите: читаю!

2

Мы все были поражены.

А незнакомец, не смущаясь, пояснил:

— Ведь это иностранная газета. Поэтому я ее так и читаю.

— Очень странно, — пробормотал редактор. — По-вашему, раз газета иностранная, значит, ее и читать надо как-то по-иностранному. Так, что ли?

— Напрасно вы смеетесь, — печально сказал незнакомец. — Если бы знали, кто я такой...

— Кто же вы такой? — нетерпеливо закричал редактор.

— Я? Ведь я специалист по чтению.

3

Через полчаса мы узнали всё.

Оказывается, есть такая страна, где «специалист по чтению» — это вроде какой-то должности.

Эта страна — Румыния.

Таинственный незнакомец всего лишь месяц тому назад приехал из Румынии. Он по происхождению русский и жил все время в Бессарабии.

В Румынии, оказывается, газеты действительно надо уметь читать, и не всякий это может.

Дело в том, что в Румынии все запрещено. И не только коммунистические газеты. Где уж там! Меншевицкие и даже многие буржуазные газеты, и те не могут пикнуть.

Кто-то сказал однажды:

— Не свобода печати, а свобода пиццати.

И вот, чтобы правда дошла до читателей, в Румынии журналисты приучаются пиццати на особый лад.

И часто бывает так. Прочтешь статью по-обыкновенному, как надо — слева направо — ничего особенного. А потом вдруг начнешь первые буквы складывать, — смотришь, что-нибудь и получится.

Правда, и это удается очень редко.

Румынская цензура придирается ко всему.

Недавно в одном детском журнале, издающемся

на русском языке, была напечатана картинка: снежная баба тает под лучами солнца.

— Я не могу пропустить этого рисунка, — сказал цензор. — Под бабой вы подразумеваете Румынию. У нее лицо слегка похоже на нашего премьер-министра. А вот у нее правый бок отваливается. Это вы на Бессарабию намекаете.

4

Лет двадцать тому назад был в Петербурге такой случай.

Один художник нарисовал стадо ослов и принес в редакцию журнала. Рисунок взяли, провели через цензуру и положили «в запас», на всякий случай.

Через некоторое время в Москве собрался дворянский съезд. Редакция вспомнила о запасных ослих и решила их поместить в журнале. Так номер и вышел с ослими.

На следующий день взбешенный цензор вызвал к себе редактора.

— Это вы что же, — сказал он, — оскорблять дворянское сословие? По-вашему, выходит — дворяне ослы? Нет, это вам так не пройдет.

Пожожее происходит сейчас в Румынии.

Там цензура запрещает подписи под самыми простыми рисунками.

Поэтому в Бессарабии «специалисты по чтению» пользуются почетом и уважением.

Их приглашают в гости, поят чаем, дают взаймы.

Зато и «специалисты» до тонкости знают свое дело. В иной картинке ничего, кажется, нет, кроме деревьев да водички. А специалист возьмет журнал, перевернет раз четыре — смотришь, и уже никаких деревьев нету. Вместо них нарисована страшная рожа какого-нибудь генерала или министра.

5

«Специалист по чтению» рассказывал очень долго.

Вдруг он омрачился и со вздохом сказал:

— А плохо все-таки у вас в России. Для меня плохо. Я первые дни, как только приехал, на здешние газеты накинусь. Думал, что тоже найдется какая-нибудь работа. Уж как я их ни сворачивал, эти ваши газеты — и крендельком и стрелкой, — ничего не получается. Все у вас скучно как-то. Вот я увидел сейчас иностранные газеты, и прямо на меня чем-то родным повеяло. Ну, думаю, хоть сейчас душу отведу...

(1927)

УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ

Я доктор. Одиннадцать лет тому назад меня вызвали в Смольный, в институт благородных девиц. Было это зимой, шел снег.

По улицам разъезжали казаки, трамваи не ходили, мосты были разведены.

В Смольном меня проводили в кабинет врача.

Графиня Варвара Платоновна, начальница института, сказала мне:

— Наш преподаватель истории Иван Иванович Зуппе спит третий день не просыпаясь. Он заснул на уроке. В городе беспорядки, стрельба, и мы никак не могли перевезти его в больницу. Посмотрите на него.

В эту минуту стекла задребезжали от выстрела.

Все вздрогнули, кроме маленького человечка в синем сюртуке с золотыми наплечниками.

Он лежал на диване, раскинув руки. В правой руке был крепко зажат кусок мела.

Я выслушал его и сказал:

— У него летаргический сон. Это очень интересный случай. Есть ли у него родственники?

— У него никого нет, — печально сказала графиня.

— Тогда я отвезу его в свою клинику.

Четверо сторожей подняли Ивана Ивановича и понесли к выходу.

С тех пор прошло одиннадцать лет.

Вчера Иван Иванович проснулся и спросил у меня:

— Какой сегодня день?
— Среда.
— Батюшки! — воскликнул Иван Иванович. — По средам ведь я обедаю в Смольном, у графини Варвары Платоновны.

Потом он оглядел меня, комнату, шкафы с приборами и спросил:

— Простите, с кем имею я честь говорить и где я нахожусь?

— Я доктор Крылов, а это клиника, которой я заведую. У вас случился обморок, и я перевез вас сюда.

Иван Иванович надел шубу и вышел из больницы. Я незаметно последовал за ним.

Недалеко от больницы находился кооператив с вывеской Петрорайрабкооп.

Это была первая вывеска, которую увидел Иван Иванович. Он остановился в изумлении и стал читать.

— Петро... рай... рай... раб... петрорай... рабрай... край...

Иван Иванович не дочитал. Он увидел рядом с вывеской красный флаг и сразу замолчал.

В это время из ворот вышел мальчик.

— Что это за флаг? — спросил Иван Иванович. — Кто его повесил?

— Мой отец.

— А кто твой отец?

— Дворник.

— Твой отец с ума сошел! — закричал Иван Иванович. — Позови его сейчас же сюда.

— Да его сейчас дома нету.

— А где же он?

— Он к брату поехал в Смольный.

— Ага, это очень интересно, — сказал Иван Иванович, доставая записную книжку. — Как фамилия

твоего брата? Я сегодня в Смольном с ним сам поговорю. Он кто, швейцар что ли?

— Нет, командующий Балтийским флотом.

— Ты что врешь? — закричал Иван Иванович. — Отец твой — дворник, а брат — адмирал. Как твоя фамилия? Где ты учишься?

— В 245-й советской трудовой школе имени Максима Горького.

— Такой школы нет, — сказал Иван Иванович.

— Как же нету? — обиделся мальчик.

— На какой улице? — строго спросил Иван Иванович.

— На улице Красных Командиров.

— А где эта улица?

— В Ленинграде.

— А Ленинград где?

Мальчик засмеялся.

— Вы уж, если начали экзаменовать, так хотя бы вопросы-то потруднее выдумали. Ленинград находится в СССР.

— Это что за СССР?

Мальчик рассердился.

— Ну, мне некогда, — сказал он, — я пойду.

— Постой, постой, а кто хозяин этого дома и кто хозяин магазина?

— Хозяин дома Жакт, а хозяин магазина — Петрорайрабкооп.

Иван Иванович задумчиво посмотрел на вывеску.

— Петрорай... рабкооп, — запинаясь, повторил он. — Почему же он свою фамилию без твердого знака пишет? Ты его имя-отчество не знаешь?

— Да вы что, псих что ли? — сказал мальчик. — Ну вас!

И он убежал.

Иван Иванович постоял минутку, потом пошел к трамвайной остановке.

— Скажите, пожалуйста, — вежливо улыбаясь, обратился он к милиционеру, — где тут городской? Милиционер вынул записную книжку и сказал:

— Платите штраф, гражданин.

— За что?

— За хулиганство.

Иван Иванович рассвирепел.

— Где тут городской? — грозно повторил он.

— Вы не смеете оскорблять, — сказал милиционер и взял Ивана Ивановича за рукав.

— Городской! — заорал Иван Иванович.

Милиционер свистнул. Издали бежал другой милиционер. Дело кончилось бы плохо, если бы не вмешался я.

— Это больной, — сказал я милиционеру. — Не трогайте его. Я доктор Крылов, заведующий клиникой имени Жертв Революции.

Иван Иванович с испугом посмотрел на меня.

— Доктор, я ничего не понимаю! Кто этот человек в красной шапке? Почему жертвы революции? Почему нету твердых знаков?

— Поедьте лучше в Смольный, — сказал я. — Я вас провожу.

— Да, да! — обрадовался Иван Иванович. — Я хочу к Варваре Платоновне.

Мы сели с ним в трамвай.

Вдруг с улицы послышалась песня:

*Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон...*

— Что это такое? — растерялся Иван Иванович и выглянул в окно.

По улице шли люди с красными знаменами.

— Куда они идут?

— В Смольный, — ответил сосед Ивана Ивановича.

— В Смольный? А почему у них красные знамена?

— По случаю Октября.

— Какого октября?

— Да седьмого ноября.

Иван Иванович побледнел и схватился за голову.

— Октября, ноября...— ничего не понимаю.

— Вот и Смольный,— сказал я.

Иван Иванович попрощался со мной и вышел.

Я спрыгнул с площадки и стал издали наблюдать за ним. Я видел, как он с недоумением смотрел на новую арку у Смольного. Потом он остановился у памятника Ленину и обошел его со всех сторон.

— Варвара Платоновна принимает? — растерянно спросил он, войдя в подъезд.

Никто ему не ответил.

Иван Иванович быстро побежал по лестнице, но его остановили на площадке в третьем этаже.

— Пропуск,— сказал красноармеец.

— Какой пропуск? Я сегодня здесь обедаю.

— Столовая внизу.

— Ты ошибаешься, братец,— сказал Иван Иванович,— графиня живет наверху. Я всегда обедаю у нее по средам. Я преподаватель истории и географии, статский советник Зуппе. Пустите меня.

Красноармеец преградил ему дорогу штыком.

Тут я подошел к Ивану Ивановичу, взял его за руку и сказал:

— Дорогой Иван Иванович, не спорьте. Графиня Варвара Платоновна — давно уже не графиня, а вы

не статский советник и не преподаватель истории и географии. История теперь другая и география другая. Вы проспали в моей клинике одиннадцать лет.

Сегодня мы с Иваном Ивановичем обедали. Когда подали суп, Иван Иванович спросил:

— Что это такое?

— Суп.

Иван Иванович обрадовался.

— Суп? — переспросил он. — Так и называется — суп?

— А то как же иначе? — удивился я.

— Я думал,— сказал Иван Иванович,— что у вас все называется по-новому. Так вы говорите, это суп?

— Да, суп.

— А это салфетка?

— Да, салфетка.

— А это ложка?

— Да, ложка.

— А как вы думаете,— сказал Иван Иванович,— дадут мне теперь какое-нибудь место? Ну, скажем, почтальона?

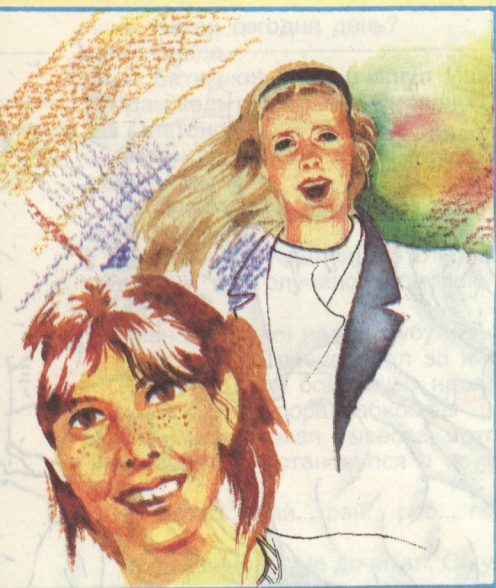
— Отчего же,— сказал я.— Но для этого вам надо основательно изучить названия городов и улиц.

— Постараюсь,— сказал Иван Иванович.

И начал грустно есть суп.

(1928)

Подготовил к печати Владимир ГЛОЦЕР.

ЧТОБЫ МЫ ЗАДУМЫВАЛИСЬ...

Лия СИМОНОВА

Обзор откликов на повесть Лии Симоновой «Круг»
(«Пионер» №№ 1 — 3, 1989 г.).

Напоминаем содержание повести. В школе, которую в городе считают показательной, возникает конфликт учеников с учителями. Новый директор по просьбе ребят назначает классным руководителем молодого учителя истории Анатолия Алексеевича. Но желанный покой не наступает. Оказывается, что ребята едины только в бунте против учителей. Не все в порядке у них и в отношениях друг с другом. Идет борьба за лидерство, сталкиваются различные точки зрения на понимание истории, сегодняшней жизни, человеческих ценностей. Новому классному не хватает времени предотвратить беду...

Моя повесть «Круг», опубликованная в журнальном варианте в трех первых номерах «Пионера» этого года, ушла к читателям, а я каждый день заглядывала в отдел писем, чтобы узнать: нет ли вестей? Друзья сочувственно улыбались, а потом стали передавать мне письма — десятками, пачками, много писем. Я не считала их, я же не собиралась устанавливать рекорд. Мне, как и всякому писателю, важно и дорого было понять: удалось ли мне своими смятенными мыслями пробудить ответную мысль в тех, для кого я писала? Отозвалась ли тревогой, сомнением моя боль, мое беспокойство в душах тех, кто на перепутье между детством и взрослостью, кому, по глубокому моему убеждению, труднее всех в непростом сегодняшнем времени?.. «...Я и все ребята нашего класса с большим волнением прочитали повесть «Круг», — написал Валерий Гупало из деревни Рухча Брестской области. — В ней о жизни, о сверстниках, о проблемах времени. Мы обсуждали повесть на уроке русской литературы, и каждый высказал свое мнение...» «Вы, наверное, сами не представляете, как это интересно. Это жизнь, школа, любовь. Мы с нетерпением ждали следующего номера, жадно глотали главы и обсуждали...» (Оля Романова, пос. Подтесово, Красноярский край). «Три первых номера ходили по рукам, все мои друзья читали повесть...» (Лариса Минкевич, пос. Дальнегорск, Приморский край). «Повесть «Круг» прошла по нашему классу из рук в руки, пока все не прочитали. Все в восторге!» (Елена Малихина, пос. Ува, Удмуртская АССР). «К вам обращаются работники центральной библиотеки имени Гайдара города Витебска. Повесть «Круг» произвела большое впечатление на наших читателей... Мы решили провести обсуждение...»

Среди этих ободряющих откликов было и сердитое длинное письмо от Людмилы Ивановны Быковой

из Свердловска: «...Дети только строят свою совесть, им нужны примеры со знаком плюс... Можете назвать меня ханжой, у нас плюрализм... Мне 40 лет. Нас, таких ханжей, наберется вместе с бабушками и дедушками больше половины населения... Так что, уважаемый друг, держай со своей перестройкой со знаком минус, авось получатся положительные результаты».

Что ж, я разделяю тревогу Людмилы Ивановны за будущее детей, своих и всех других. Когда перестраивается жизнь, обновляется дом, детей никак нельзя упускать из виду. И положительные примеры во все времена необходимы растущему человеку для подражания, верно. Но верите ли вы, Людмила Ивановна, что ваша дочь столкнется в жизни только со знаком плюс, а окружать ее будут исключительно положительные герои, всякий день совершающие достойные подражания поступки? Подумайте, имеем ли мы право отправлять наших детей в трудную, полную неожиданностей дорогу в розовых очках и белых перчатках? Не боязно ли за них, если в жизни подлинной, непридуманной и неприукрашенной столкнутся они со многими минусами и по нашей вине окажутся к ним не готовыми. Не слишком ли долго усыплялись мы ложью, которую дети нам не прощают?! И не простят, если даже в сегодняшнем стремлении к правде мы станем на пути их желания разобраться в себе и в том, что происходит вокруг. Только в реальной ситуации, войдя в нее вместе с детьми нашими, мы можем помочь им увидеть себя со стороны, понять и оценить действия свои и тех, кто рядом, определить для себя, что достойно, а что заслуживает осуждения. Только так, прислушиваясь к ним и проявляя сопричастность к их радостям и тревогам, мы сможем уберечь их от ожесточения, черствости и равнодушия. Только приблизившись, а не осуждая, хоть как-то объясним им свою жизнь,

свое прошлое и настоящее, во имя общего будущего! Другого пути к нашим собственным детям нет!.. Письма, которые я получила, убеждают в этом.

«Спасибо за правду!» — так написали многие (Виктория Шевелькова из пос. Нефтяников, Таджикской ССР, Ольга Зубарева и Лена Лаптева из Ташкента, Света Кравченко из Тбилиси, Ира Г., как и некоторые другие, не называя полностью фамилию, из Ленинграда, Паша Шестаков из Красноярска).

«Я впервые прочитал про нас всю правду, все про наши переживания и беды, как будто сам присутствовал при происходящем, — поделился с нами Олег К., семиклассник из г. Кумертау, БАССР. — Надо больше таких повестей, чтобы мы задумывались!..» А восьмиклассница Оля Антипина из г. Ирбита Свердловской области так выразила себя: «Давненько я искала такую правдивую повесть, которая помогла бы мне взглянуть со стороны на себя и своих друзей. Спасибо!» «Читая повесть, — рассказала Вика Барышева из г. Кустаная, — я анализировала поступки героев, пыталась разобраться в связи прошлого и настоящего». «Думаю, прочитав повесть «Круг», я не совершу ошибок героев повести» (Марина Ширманова, г. Темиртау). «Я поняла, что можно избежать конфликтов, если прислушиваться друг к другу. Стану учительницей, постараюсь не орать на учеников, а раскрывать в каждом из них личность» (Дарья А., г. Минск). «Мне 17 лет, будут и у меня дети. Все сделаю, чтобы они считали меня лучшей подругой» (Таня Курносова, г. Лукьянов, Горьковская обл.). «Читая «Круг», я первый раз в жизни ощутила жалость, у меня сами навертывались слезы» (Аня Савинова, с. Учалы, БАССР). «Прочитала «Круг» и не выдержала, разревелась, значит, не у всех людей моего поколения сухие глаза...» (Светлана Т., г. Вологда). «Повесть меня по-

трясла, чисто человеческая повесть про нас... Дочитала до конца, и что-то во мне перевернулось... Может, пережив потрясение, мы что-то поймем?... Мы ведь сами в себе не можем разобраться...» (Лена Жулябина, г. Ижевск).

Среди всех многих писем, которые я получила после публикации повести «Круг», я не нашла ни одного письма от подростков, которое могло бы показаться незрелым, непродуманным или даже беззаботно ироничным. Писали единомышленники, в возрасте от 11 до 18 лет, умные, трезво смотрящие на жизненные сложности, стараясь найти себя, свою позицию, свое место в настоящем и будущем. Несколько проблем, тревожащих вас, ребята, по-прежнему остаются и моей болью, хотя, скажу честно, не всегда зная, как помочь вам.

«В вашей повести, — пишет Лена Кравцова из Москвы, — действительность жизни, трудной во всех отношениях... Спасибо, что заглянули в душу подростка! Мы оторваны от взрослых, нам трудно найти общий язык... И на душе такая ярость, что не объяснить». Такую же мысль высказывает Лена О. из Мелитополя: «Хоть один взрослый понимает нас по-настоящему! Мы как прочитали с ребятами «Круг», господи! Да про нас же! Родители у нас уважаемые люди, а любим мы не то, что им хочется. И попробуй им наперекор, пойдет скандал от школы до милиции... Смотрят-то они на нас только с худого боку, а в душу подростка залезть им некогда. От этого у нас злость закипает...»

Как же быть? Как преодолеть непонимание между подростками и взрослыми? Обязательно, юные мои друзья, идти навстречу старшим, искать в старших друзей, пытаться и для них стать друзьями, близкими. Знаю, вы можете встретить усталые глаза, от вас, случится и такое, откажутся или не согласятся с вами. Но вы не отступайте, проявляйте такт и терпение, пытайтесь заинтересовать своими делами, включить в свои заботы и волнения. Поверьте, без домашнего тепла, без опоры в семье, без понимания близких, человеку холодно и неуютно в жизни. Непонимание всегда ведет к одиночеству, к черствости, к неустойчивости.

Больше тридцати лет я как журналист и писатель работаю для подростков. Я хорошо представляю себе, как непросто вам живется. Знаю, что вы страдаете от бессилия, не умея справиться с общей атмосферой жизни. И даже, если очень постараетесь, не по плечу вам остановить механизм огромного колеса, которое вращает вас вместе с собою. Ваши исповеди усиливают мою тревогу, но смогу ли я помочь вам советом?..

«Сейчас все говорят «панки», «рокеры», мол, сидят в подъездах, шляются по подвалам. И вообще, говорят, молодежь распустилась. А в наше-то время...» В ваше время, товарищи взрослые, вы стремились

к чему-то, у вас была цель в жизни. А у нас? Что же не позаботились вы, чтобы и у нас оставались идеалы?! Что же с таким возмущением вопрошаете вы: «Почему у вас все не как у нормальных людей?» А кто эти нормальные люди?» (О. К., семиклассница из г. Боярка Киевской обл.). «Хоть я давно не пионерка, но «Пионер» читаю. Очень понравилась мне повесть «Круг», там все как есть о жизни и все похоже на мою жизнь!.. А как мы живем? Дома и в школе конфликты, отец не хочет понять, да и разговаривать с ним не о чем, понимает меня мой мальчик, он состоит на учете в милиции. И каждый день одно и то же: вечером будет дискотека, будут кафе и бары, будут драки наших мальчишек с другими районами, будут вино и сигареты — и все...» (Анжелика, г. Новосибирск). «Безрадостно мы живем. Утром под надзором чиштишь зубы, потом отсиживаешь уроки, моля, чтобы не спросили. Врывается староста, объявляет о классном часе, тащишься, а дома уже ждет записка от мамы: «Вымой посуду, вынеси ведро, сходи в сад за сестренкой, уберись...» Только зачитаешься, влывает бабушка: «Ты уроки сделала?» Назло включаю музыку! Приезжает папа из командировки, радуюсь, вместе садимся ужинать, а он: «Покажи дневник! Опять тройки! Что случилось?» Да, ничего не случилось, надоело! Глаза мои не смотрели бы на вас. Ложусь спать и думаю, думаю и постепенно внутри умираю» (Ира М., пятиклассница, Московская обл.). «Все, что описано в повести, происходит и со мной. Меня выбрали старостой по принципу «абы кто, лишь бы не я» в мое отсутствие. Друзей у меня нет. Был один, но когда я поделился с ним тем, что на душе, попросил о помощи, получил удар в спину. Дома я тоже не нужен. Мать меня не слышит, у них с отчимом свой рай. Я стал терять веру в жизнь. Стали проявляться синдромы нервного перенапряжения, и, может, скоро все кончится. А так хочется жить...» (Валерий Павленко, третьекурсни́к техникума, г. Харьков).

Я привожу выдержки из рассказов ребят, надеясь, что их прочтут и взрослые. И тоже задумаются. И тоже шагнут навстречу своим детям. Ну, а пока этого не случилось, прошу вас, юные мои друзья, помните, что и в себе всякий человек таит огромный, неисчерпаемый мир, и многое можно и нужно искать внутри себя, заставляя душу и мозг неустанно трудиться, развивая свои возможности, чтобы стать личностью. Личности не страшно то, что кому-то не по силам. Личность не участвует в процессе, если он ее не устраивает. И если не в состоянии противостоять, то хотя бы сохраняет независимость!

Что же, что у кого-то нет идеалов, а я ищу! Пусть другие идут стенка на стенку, курят, пьют и таскаются по подвалам, а я не хочу! И не буду! У меня свои интересы, свое любимое дело, свои планы.

Скверно, когда не понимают родители, предадут друзья. Но я сам стану для родителей опорой, для сверстников незаменимым другом, преодолею монотонность жизни, ложь и неверие, потому что я — личность! Вот такая позиция — мой совет вам...

И еще об одном, что тоже кажется мне очень важным. В нескольких письмах ребята пытались меня, кого из героев повести я считаю положительным, а кого отрицательным. «Если автор повести, — пишет Т. П. из Новосибирска, — считает Дубинину и Прибаукину положительными героями, то я в этом сомневаюсь. Я читала конец и чуть не редела: ну зачем этим «положительным героям» надо было так жестоко поступить с Киссицкой?..» «Оля Киссицкая была в повести не очень положительным героем, но все же мне ее жалко...» (Аня Андреева, г. Красноярск) «Чем-то я похожа на Холодкову — Сократа, вы считаете ее положительным героем?» (К. Д., г. Москва).

Такие вопросыстораживают меня, ребята, и вот почему. Очень долго мы делили мир на черное и белое, не стараясь признать, что есть и полутона. Люди для нас делились на героев и негероев, на врагов и неврагов, на положительных и отрицательных. А в жизни все гораздо сложнее, многообразнее и интереснее, если научиться анализировать, смотреть и видеть. В каждом человеке много всего намешано и хорошего, и дурного. И к жизни в общении можно вызвать и то и другое. В атмосфере дружелюбия, добросердечия, порядочности, интеллектуального, интеллигентного общения и не очень хороший человек становится лучше. А в ситуации жестокости, травли, равнодушия и грубости и самый прекрасный человек может открыться не с лучшей стороны. Вы, наверное, это заметили. И, я надеюсь, учтете в своем дальнейшем образе жизни.

Личность, человек достойный, интеллигентный всегда создает вокруг себя особую атмосферу, где многое просто не позволишь, а будешь тянуться, стремиться к достоинству... Пожалуй, ничего нет ценнее свежести, искренности и правдивости атмосферы, в которой ты живешь. Однажды поняв это, мне кажется, человек всегда будет создавать и оберегать такую атмосферу. Очень многое зависит от нас самих, поверьте на слово!..

Я желаю вам всем добра и радости!

Я благодарю вас всех за теплые слова и доверие. Я тревожусь за вас и хочу вас видеть только счастливыми.

Мне жаль расставаться с вами, и поэтому всем, кто, как Наташа Шинкаренко из Ворошиловградской области, спросил: «Где можно прочитать повесть полностью?» — отвечаю: книга выйдет в издательстве «Детская литература» в 1990 году. А я пишу для вас уже новую книгу. Так что, до новых встреч!..

КРЕМЛЬ. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Ю. НАГИБИН

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Кремль не только историческое ядро столицы, но и ее символ, шире — символ всего Советского государства. К кремлевскому времени, которое отбивают часы на Спасской башне, прислушивается мир. Здесь работает высший законодательный орган нашей страны — Верховный Совет СССР, здесь собираются съезды партии, встречаются главы государств, подписываются международные договоры, вручаются правительственные награды.

И в старое, допетровское время Кремль был средоточием русской государственности, тут жили цари и правили в белокаменных палатах свое державное дело с боярской думой. Петр основал Петербург на плоских невских берегах и перенес туда столицу, но коронование русских государей по-прежнему свершалось в Москве, в Успенском соборе, тем отдавалась дань великой заслуге Москвы — собирательницы земли русской.

На Красной площади, у Кремлевской стены стоит Мавзолей Владимира Ильича Ленина. К Мавзолею непрерывно течет людская река от подъема к Троицким воротам, по Александровскому саду и навздым к торцам Красной площади. Как двинулся этот поток лютой зимой 1924 года, когда «семь ночей и дней не спали, из-за того что он уснул», так и не прекращается в десятилетиях шествие к тому, кто был творцом революции.

Москва измучена очередями. Как выстроились они сразу после революции, так, лишь изредка укорачиваясь, подтаивая, протянулись через всю нашу жизнь. Очереди эпохи «военного коммунизма», очереди поры коллективизации, скорбные очереди войны, злые, но бодрые от натренированности очереди последующих лет. А сейчас верится, что если не мы, то идущее на смену поколение доживет до того светлого дня, когда обломятся унизительные «хвосты» у магазинов, в которых даром растрачивается жизнь. Но задумчивая, тихая очередь к Мавзолею останется навсегда.

Москва началась Кремлем. Как обнесли деревянным тыном кучу строений у впадения речки Неглинной в реку Москву, так и возник город, и название он принял от реки, уже имевшей имя. А что значит «Москва», никто до сих пор не знает. Зато доподлинно известно, что долгое время Москва вся помещалась в Кремле, а потом вышагнула за стены и стала обрастать ремесленными и прочими слободами.

Огородил же свою усадьбу князь Юрий Долгорукий и в 1147 году пригласил в гости князя новгород-северского на «обед силен», с этого первого письменного упоминания о Москве повелся отсчет ее исторической жизни. И была та Москва много меньше нынешнего Кремля. Потомок Юрия князь Иван

Калита (калита — это поясной мешок для денег) заменил истлевшую городьбу новой, дубовой, охватив ею куда большую площадь. Тогда-то и возникло само слово «кремль», о происхождении которого до сих пор спорят. Убедительнее других версия филолога Кубарева: «кремль» происходит от греческого «кремн» — крутая гора над оврагом.

Калита правил во времена татарского ига. Человек ловкий и умелый, он вошел в такое доверие к хану Золотой орды, что стал собирателем дани со всех русских князей. Немалая часть прилипала к ладням московского князя. На эти деньги он прикупал земли и строил. Первые приземистые, неуклюжие каменные церкви в Кремле были построены Иваном Даниловичем Калитой, и носили они те же названия, что и заменившие их впоследствии великолепные храмы: Успенский, Архангельский, Благовещенский.

В 1366 г. митрополит Алексей, предчувствуя большую распрю с литовским князем Ольгердом, благословил спешную постройку каменных стен вокруг Кремля, тем паче, что дубовые, воздвигнутые Калитой, сильно пострадали во время огромного пожара. Полтора года из подмосковной Мячниковской каменоломни возили камень, и уже в 1368 году постройка была завершена. Стены эти были из белого камня, отсюда и пошло Москва-белокаменная. Вот так строили наши далекие предки. Для сравнения вспомним, что ремонт и реконструкция старого здания МХАТа потребовали десяти лет.

Едва поднялись стены, как их сразу испробовали на прочность. Три дня стоял под Кремлем опытный воитель князь Ольгерд и, не взяв крепости, отступил. Через два года он повторил нападение и столь же неудачно, после чего сам запросил мира.

Академик Забелин, самый крупный историк Москвы, говорил, что постройка каменных стен имела большое психологическое значение, свидетельствуя о силе и богатстве строителей; стены подняли, возвысили у москвичей чувство независимости и стойкости в борьбе с врагами, укрепили веру в непобедимую силу Москвы и ее дела, породили естественное ощущение твердой опоры и безопасности, когда кругом стояла нескончаемая вражда и усобицы.

Лишь раз стены не спасли москвичей — во время нападения хана Тохтамыша. Но не штурмом одолела их татарская рать, а коварством, найдя предателя в русском стане.

Самый значительный период становления Московского Кремля приходится на княжение Ивана III, первым из великих князей назвавшего себя «государем». У него были для этого основания: он покончил с татарским игом и заложил основу могучему, независимому русскому государству, установившему равные отношения с Западной Европой. В сознании

своего достоинства Иван повелел величать себя Иоанном, и титул его звучал торжественно и пышно: «Мы, Иоанн, Божью милостью государь всея Руси и великий князь Владимирский и Московский и Новгородский и Псковский и Тверской и Угорский и Вятский и Пермский и Болгарский и иных». Не тщеславие двигало этим умным, терпеливым и неуклонным в достижении больших целей государем: надо было заставить уважать Русь, ставшую Третьим Римом после падения Второго Рима — Византии, захваченной турками.

Конечно, Ивана не устраивал старый, обветшалый, с осыпавшимися стенами Кремль, приземистые церковки, бедный, обшарпанный дворец и неопрятные деревянные службы. Он решил дать Кремлю иное обличье и начать с возведения нового Успенского собора. Для сего дела призвали двух доморощенных умельцев — Василия Ермолина и Ивана Голову. Но мастера вскоре рассорились, и строительство продолжал один Голова с помощью своего отца Валерьяна Ховрина. Когда церковь уже обозначилась «чудна вельми и превысока зело» и оставалось замкнуть своды, стены рухнули. Московские патриоты объяснили несчастье землетрясением, но вызванные из Пскова эксперты установили, что причина в извести, которая «жидко растворялась и была не клеевита».

Вот так. Хотелось возвести торжественный храм своими силами, но в который раз подвело отсутствие знаний и «расчета сил» — лесковское выражение — у отечественных мастеров. Вот и гениальный Левша так ловко подковал аглицкую блоху, причем на глаз, без мелкоскопа, что она не смогла больше прыгать и «дансе танцевать». Иван пригласил группу фряжских (итальянских) мастеров во главе со знаменитым зодчим Аристотелем Фиоравенти, работавшим в Венеции. Именем величайшего греческого мыслителя называли Фиоравенти за его искусство и многосторонние познания.

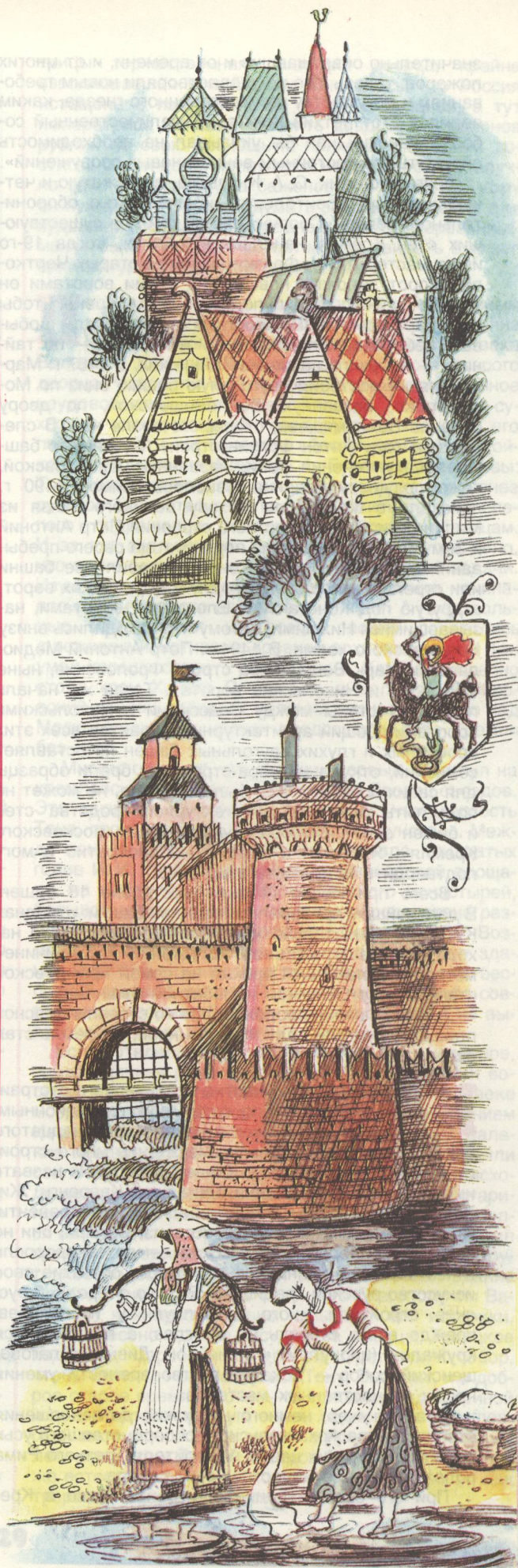
Аристотель, подобно псковским знатокам, весьма одобрил кладку рухнувшей постройки, но, помимо плохого раствора, узрел и другую причину неудачи: нельзя такой храм строить из мягкого камня, тут нужен кирпич. Поскольку ему ставили условием воздвигнуть храм, схожий с Владимирским собором, он съездил посмотреть его, пришел в неописуемый восторг, но предложил свое, самостоятельное решение. Он хотел поставить храм еще величественнее.

Глину брали под Андрониевым монастырем, там же и кирпичный завод учредили. Подготовив все для постройки, Аристотель в первый год вывел стены из земли, на другой год подвел их под кивоты, на третий здание было достроено до подсводной части. Через четыре года Успенский собор стоял во всей красе. «И была та церковь,— пишет летописец,— чудна вельми величеством и высотой и светлостью и звонностью и пространством».

Через семь лет после завершения постройки Успенского собора великий князь повелел Марку Венецианцу поставить палаты для торжественных приемов и дворцовых церемоний. Так возникла Грановитая палата, которой мы любимся и в наши дни.

А там замахнулись и на большой дворец каменный. Его построил Алевиз Медииоланец. От этой постройки остались три нижних этажа Теремного дворца.

Но я забежал вперед, ибо куда раньше было начато обновление стен и обновление самого Кремля. Историк Забелин — мы еще не раз будем обращаться к нему — писал: «Старые стены

значительно обветшавшие и от времени, и от многих пожаров, теперь уже не удовлетворяли новым требованиям и могуществу государственного гнезда, каким являлся этот ветхий Кремль. А величественный собор Успенский как бы указывал на необходимость окружить его достойным венком новых сооружений».

Другой историк, С. А. Князьков, дал сжатую и четкую картину строительства кремлевского оборонительного пояса: «Сооружение до сих пор существующих стен Кремля началось в 1485 г., когда 19-го июля мастер Антон Фрязин на месте старых Чертковых ворот заложил новые; под этими воротами он устроил тайник, тайный подземный ход к реке, чтобы дать гарнизону возможность в случае осады добывать себе воду. Впоследствии эти ворота — по тайнику — получили название Тайницких. В 1487 г. Марко Фрязин построил наугольную башню вниз по Москве-реке, названную Беклемишевской, по двору боярина Беклемишева, стоявшего возле нее. В следующем году Антон Фрязин строит наугольную башню вверх течения реки, названную Свибловской, тоже по двору боярина Свиблова. Зимой 1490 г. приехали в Москву по вызову великого князя из Милана мастера крепостного строения Петр Антоний и Зам Антоний. В течение первого года своего пребывания в Москве Петр Антоний построил две башни или стрельницы со стеной, одну у Боровицких ворот, а другую под Константино-Еленскими воротами, называвшимися Нижними, потому что находились внизу Кремлевского холма. В 1491 г. Петр Антоний Медиоланец и Марк Венецианец строят Фроловские, ныне Спасские, и Никольские ворота... Тогда же начали постройку стены между Спасскими и Никольскими воротами. Общий архитектурный характер всех этих проездных и глухих наугольных башен не оставляет сомнений, откуда мастера-строители брали образцы для своих построек. Кто был в Милане, не может не подметить близкого архитектурного родства стен и башен замка Сфорца с укреплением московского Кремля». Я бывал в Милане неоднократно и могу подтвердить истинность этих слов.

Всего при Иване III было построено 18 башен. В дальнейшем прибавились еще две башни: отводная Кутафья, удивительно красивое строение, ныне находящееся в угрожаемом положении «по причине» метро, и маленькая Царская на самой кремлевской стене между Спасской и Набатной башнями.

Алевиз Фрязин проложил ров со стороны Красной площади, пустили воду из Неглинной, и Кремль стал островом.

Надо сказать, что участие итальянцев в отстраивании России стало с тех пор традиционным: и в восемнадцатом, и в начале девятнадцатого века талантливые итальянские зодчие много строили в Петербурге, Москве, Киеве. Достаточно назвать имена Растрелли, Трезини, Ринальди, Кваренги, Жиларди, Росси. Как и давние предки их, Фиоравенти, Петр Фрязин, Петр Антоний, Алевиз, Солари, они не были гастролерами на русской земле, а проросли в нее корнями, прониклись ее духом, обогатив свое искусство русской традицией. В свою очередь, и русские строители много почерпнули у итальянцев, прежде всего строить не на глаз, а пользоваться циркулем и линейкой. Дивный Благовещенский собор — доказательство зрелости умения наших отечественных мастеров.

Иван III умер, немного не дожив до завершения строительства Архангельского собора, ставшего усыпальницей русских царей. Устроителя Третьего Рима положили в еще недостроенном соборе.

При его сыне Василии III строительство в Кре-

мле продолжалось. Архитектор Фрязин Бон возвел одно из самых замечательных и любимых москвичами сооружений — колокольню Ивана Великого.

В звоннице, примыкающей к телу Ивана и построенной Петроком Малым, находились главные колокола, во второй — Филаретовой — звоны помельче. Мощный глуховатый, низкий гуд большого колокола Ивана будил все остальные сорок сороков Москвы.

Следующее большое строительство в Кремле было предпринято при Петре Великом. Петр не любил Кремля, связанного для него с тяжелыми впечатлениями детства: стрельцами бунтами, убийством его родичей, но все же затеял там строить арсенал, поручив это дело русскому мастеру Иванову и саксонцу Кундерату под общим наблюдением художников Салтанова и Чоглокова. Но поскольку царь был равнодушен к этому строительству и строго за него не спрашивал, отвлеченный другими делами и северной своей Пальмирой, работы велись кое-как, нынешними темпами и растянулись на пятнадцать лет. Завершал их знаменитый зодчий князь Ухтомский, начальник московской архитектурной команды, уже в царствование Анны Иоанновны. Здание сочетает изящество с монументальностью, чудесно чередование парных окон и гладких проемов меж ними.

На Арсенальной площади народоволец Каляев взорвал самодельной бомбой генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича. А в дни Октябрьской революции проникшие в Кремль юнкера разоружили солдат Арсенала и расстреляли их. Сытин пишет: «В ночь на 3 ноября 1917 г. революционные войска и рабочие отряды штурмом взяли кремлевские ворота и водрузили над древним Кремлем победное знамя социалистической революции. Арсенальная площадь явилась первой кремлевской территорией, завоеванной революцией».

Эпоха Екатерины украсила Кремль одним из красивейших и значительнейших по исторической судьбе зданий, которое долго называли Сенатом. Здесь действительно находились два его департамента. Матвею Казакову пришлось решать сложнейшую задачу: построить здание в пустое пространство в форме неправильного треугольника, образованное другими кремлевскими зданиями. Само по себе это не так уж трудно для такого мастера, но ведь здание должно быть достойным кремлевского ансамбля, и чтобы не чувствовалось втискивающего насилия. Казаков решил задачу с присущим ему блеском. Сенат стал одним из украшений Кремля, даже требовательные современники называли его «мастерским произведением вкуса и изящества».

В этом здании с переездом Советского правительства в Москву разместился Совет народных комиссаров, тут же находилась и квартира Владимира Ильича, ставшая после его смерти музеем. Кто не знает этого скромного и опрятного жилища с мебелью в белых чехлах, жилища, где не было ничего лишнего, никаких украшений, лишь самое необходимое для жизни и работы.

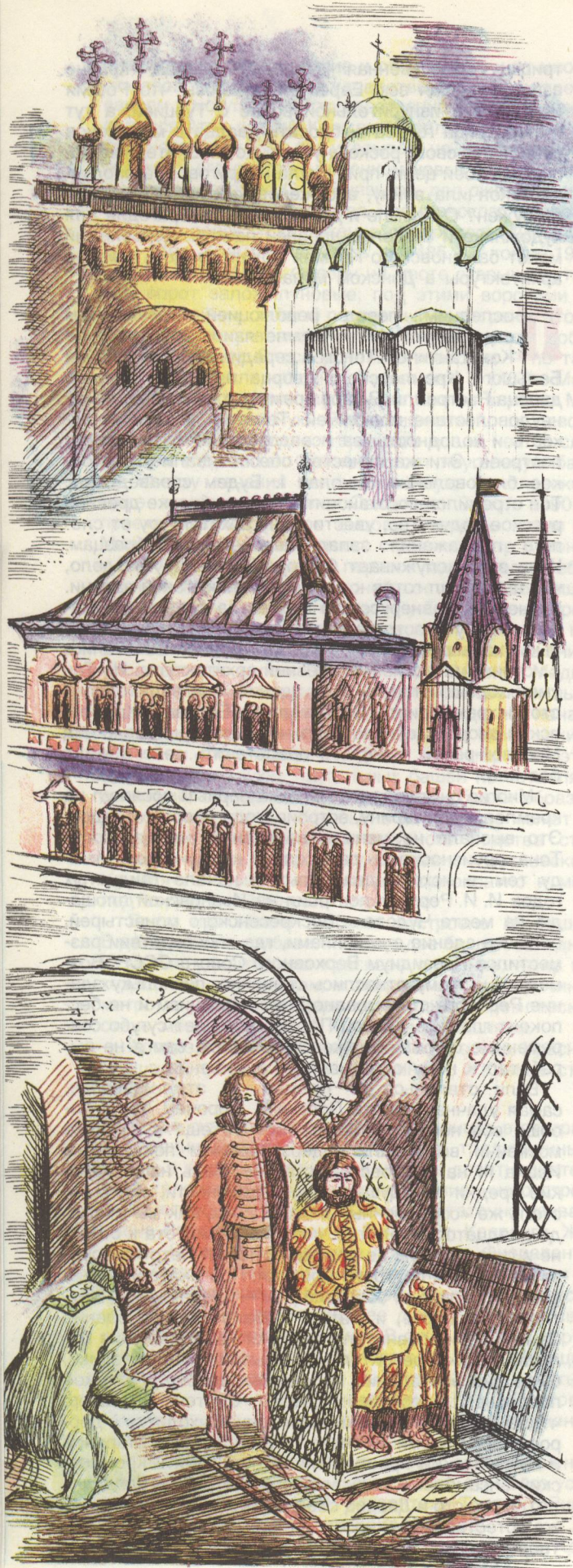
В екатерининские дни над Кремлем нависла грозная опасность. Императрица решила кардинально перестроить Кремль и поручила это гениальному и безудержному Василию Баженову. Проект его был грандиозен, предерзостен, невероятно талантлив и ужасен, ибо уничтожал исторически сложившийся ансамбль Кремля. Вместо стен, служивших оградой дворцам и храмам, и всех башен, Баженов спроектировал сплошной ряд зданий и как бы стер с московского неба дивный силуэт Кремля. Расчищая место для строительства, снесли много прекрасной старины: Кирилловские и Крутицкое подворья, все здания коллегий. Была произведена в присутствии импера-

трицы торжественная закладка дворца, крайне взволновавшая всю Европу. Считалось, что Россия истощена в изнурительной войне с Турцией, а тут императрица готова выбросить двадцать миллионов рублей на свою роскошную прихоть. Екатерина достигла своей цели: припугнула недругов, благополучно закончила войну, а баженовский проект — кому он нужен? О Кремле и думать забыли. Трагедия для художника и спасение древней памяти. Деревянный макет баженовского Кремля можно увидеть в музее архитектуры в Донском монастыре.

Последним перед революцией масштабным строительством в Кремле явилось возведение Константином Тоном в середине прошлого века Большого Кремлевского дворца на месте старого дворца Растрелли. В свое время это вызвало шумное неудовольствие москвичей. Тона не любили за сухость и холодность, за псевдорусский характер его построек. Эти же качества обеспечивали ему стойкое благоволение Николая I. Будем справедливы: Тон стремился восстановить в новом блеске древнее русское зодчество, увести нашу архитектуру от слепого подражания западноевропейским образцам. И за это заслуживает благодарности. Другое дело, что он не был готов к осуществлению такой задачи. Изучение древнерусского зодчества только начиналось, и ему просто не хватало знаний. А произвольные измышления не всегда ловко сочетались с истинными мотивами древней архитектуры. Но Тон умел хорошо ставить свои здания. Как великолепно стоял храм Христа Спасителя, и Большой Кремлевский дворец добирал величия вознесенностью над Москвой-рекой, и нельзя представить себе Кремля без него.

Многие считают, что Посохин первым посягнул на кремлевскую старину, встроив сюда Дворец съездов. Это вызвало не меньше нареканий, чем дерзость Тона, произносилось даже слово «кошунство». Между тем в исходе двадцатых — начале тридцатых годов И. И. Рерберг построил на Ивановской площади, на месте Чудова и Воскресенского монастырей, большое здание с колоннами, где впоследствии разместился Президиум Верховного Совета СССР. Возможно, к этому отнеслись спокойно, поскольку здание Рерберга стилизовано под классицизм и не беспокоит глаза. А дворец Посохина являет сугубо современные формы. Должен признаться, сам я не выработал к нему однозначного отношения.

Если отвлечься от Кремля, то это, наверное, самая удачная работа Посохина. Впрочем, тут и вообще все непросто. Вспомним, что еще в XV веке москвичи возмущались дерзновенным покушением Ивана III на московскую старину. Ведь наши далекие предки не ощущали своей древности, они были столь же «современны» в своих днях, как мы в исходе двадцатого столетия, исполнены пиетета к старине и гнева против ее разрушителей. И Петр покусился на Кремль, построив Арсенал. При Екатерине был снесен последний боярский дом — Шереметева, Крутицкое подворье, и Матвей Казаков возвел здание Сената. При «ревнителе казенного благополучия Валуеве», как презрительно называют его историки, было снесено здание государева дворца, Троицкое подворье, Царев Borisов дворец, Сретенский собор, чтобы было где размахнуться Тону. Выходит, и в доброе старое время не очень-то тряслись над стариной и не считалось преступлением подновлять кремлевский ансамбль. А ведь мы не в претензии. Глядишь, лет через сто и Дворец съездов будет казаться столь же естественной и необходимой частью Кремля, как творения Казакова и Тона.

Кремль — не создание единой воли, раз и навсегда определившей его форму, и этим резко отличается от Миланского дворца. Каждая эпоха накладывала на него свой отпечаток, в нем достойно представлены разные периоды русской жизни. Тем и ценен этот единственный в своем роде ансамбль, что он являет собой не окаменелость, а подвижный образ времени: от Успенского собора, утвердившего значение Москвы как первого града на Руси, до Дворца съездов, в чьих прочных ребрах — мощь социализма.

Все сказанное справедливо, но живое чувство не дает заговорить себе зубы. И когда ходишь по Кремлю, то стараешься не глядеть в сторону посохинского творения.

Не стану касаться необъятной темы кремлевских сокровищ, собранных в Оружейной палате, но коротко скажу о двух дивах: царе-колоколе, не издавшем ни единого звона, и царе-пушке, ни разу не выстрелившей. Эти бесплодные великаны как-то странно ассоциируются с крошечной аглицкой блошкой, которую подковал Левша, отчего она прыгать перестала. Там русский гений подвела малость предмета, тут — громадность. Колокол был отлит отцом и сыном Маториными в 1733 году, но когда его собрались поднять на Ивановскую колокольню, случился пожар. Огонь истребил подмости, на которых лежал колокол, он рухнул на землю, и при падении от него отбилась край. Существует и другая версия, что он лопнул от жара. Лишь через сто лет Монферан, создатель Исаакиевского собора, поднял инвалида и поставил на гранитный пьедестал. Колокол украшен искусным фризом с изображением святых и царей.

Царь-пушка была отлита в 1586 году литейным мастером Андреем Чоховым. Не знаешь, чему больше удивляться: величине орудия или замечательным барельефным изображениям, ее украшающим. Стрелять из пушки даже не пытались. Название пушки объясняют кто величиной, кто портретом царя Федора Иоанновича на дульной части. Мировлюбивое орудие вполне отвечает кроткому нраву богобоязненно-го царя.

Соединив в своем рассказе Красную площадь с Кремлем, я допустил некоторую натяжку: территориально Красная площадь входит в Китай-город. А когда-то принадлежала ему и своей сутью торжища. Тут находилась самая большая ручная торговля в городе. Причем торговля эта все время стремилась осесть, и периодически на площади высыпали, как грибы после дождя, бесчисленные лавки. Однажды торговля яблоками так распространилась, что стала застить Василия Блаженного. Очередной царев указ согнал лавочников прочь, расчистив место для легкой лоточной торговли.

Конечно, площадь и прежде служила не только торговым целям, здесь происходили торжественные шествия, цари являлись народу, который не всегда безмолвствовал, с Лобного места объявлялись царские указы, здесь же вспыхивали бунты, здесь же и завершались печально. Помните знаменитое полотно Сурикова «Утро стрелецкой казни» — как щемяще отсвечивает пламя зажатой в руке свечи на белом полотне рубашек смертников!

На Красной площади стоит величайший памятник древнего московского зодчества — Покровский собор, более известный под именем Василия Блаженного. Легенда утверждает, что, награждая строителей, царь велел их ослепить, чтобы они никогда больше не создали подобного чуда. При всем соответствии с характером Ивана Грозного это лишь метафориче-

ское выражение восторга: и Барма и Постник продолжали работать, но второго такого озарения у них не было.

Любопытно, что обновитель архитектурных форм, наш современник Ле Корбюзье, восторгаясь храмом, сравнил его... с горой овощей. Его поражал невероятный замысел зодчих, создавших несказанную красоту из хаотического нагромождения архитектурных элементов и ярчайших красок, нарушившего все каноны зодчества.

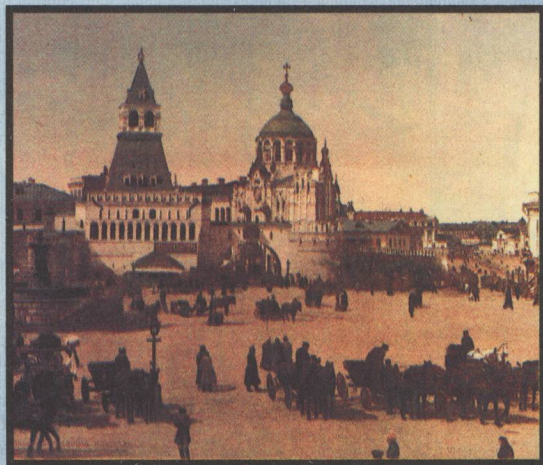
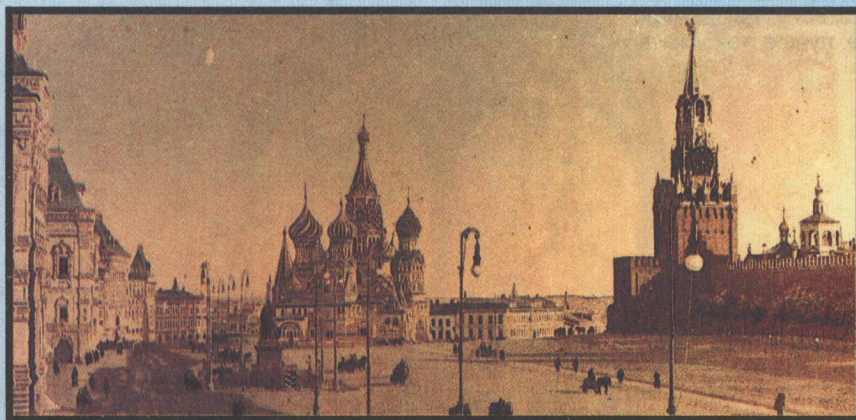
Лобное место имело наибольшее значение для московского населения в допетровское время. К нему направлялся из Кремля крестный ход; во время хождения «на ослати», когда царь вел в поводу осла, на котором восседал патриарх, «святитель подымался на Лобное место и раздавал освященные вербы царю и боярам». Отсюда пошел обычай «вербного гулянья» на Красной площади, один из самых любимых москвичами весенних праздников. Возле Лобного места валялся обезображенный труп Лжедмитрия I с маской, дудкой и волынкой — так черный юмор предков заклеил зловеще-шутейную авантюру Гришки Отрепьева.

В 1612 году через Красную площадь въехали в Кремль во главе войска и народного ополчения Минин и Пожарский, освободившие Россию и ее столицу от иноземных захватчиков. Всем известен памятник Ивана Мартоша: нижегородский мещанин Козьма Минин призывает к подвигу смелого, закаленного, но несколько вялого воина князя Дмитрия Пожарского.

А как не сказать о кремлевском времени! Часы в веках не раз меняли местонахождение, прежде чем

утвердились окончательно на Спасской башне. Раньше они играли «Коль славен» и «Преображенский марш», а с 1918 года, когда по распоряжению Ленина мастер Беренс исправил пострадавший при обстреле Кремля механизм, часы стали играть «Интернационал». Теперь после полночного боя передают Государственный гимн Советского Союза. Мы упоминали о торговых заботах Красной площади. Неутомимый Китай-город изо всех сил старался превратить ее в торжище, с чем так же упорно боролись русские правители. Борьба шла с переменным успехом, то верх брали торгоши, то власть теснила мытарей. И лишь в последнем десятилетии прошлого века торговля была окончательно упрятана в каменные ряды: Верхние (архитектор Померанцев) и Средние (архитектор Клейн). Обе постройки выдержаны в главенствующем стиле того времени — русском или теремном, равно как и замыкающее площадь на северо-западе здание Исторического музея. Грандиозный пассаж Верхних рядов и сейчас трудолюбиво несет свою торговую службу под именем ГУМ. Но вершит он свои обороты с улицы 25 Октября (быв. Никольская) и по проезду Сапунова, со стороны Красной площади ГУМ делает вид, будто он никакого отношения к торговле не имеет. Он, и правда, больше похож на музей.

Мы начали сегодняшний рассказ с Мавзолея, им и кончим. 24 июня 1945 года во время Парада Победы вдруг оборвалась музыка и в цепенелой тишине к подножию Мавзолея были сброшены знамена разгромленного вермахта. И первым упал на торцовую мостовую личный штандарт Гитлера. Упал к ногам Ленина...

Старая Москва. Какая она была? Кто ответит на вопрос лучше старых фотографий? На этих изображено то, что стало почти неизвестным или исчезло вовсе. Красная площадь. Она совсем иная. На другое место перенесен памятник Минину и Пожарскому, исчезла Иверская часовня. Нет монастыря на Лубянской площади, да и площадь теперь называется иначе. Храм Христа Спасителя. На его месте уже давно плещется бассейн «Москва». И ничто здесь не напоминает об этом величественном храме, построенном на деньги народные. Все это могло бы жить вечно, но...

Старые фотографии. Согласитесь, все-таки с грустью мы смотрим на них.

ИТАЛЬЯНСКАЯ

Николай ГОЛЬ

СЖАЖКА

Флоренции, но памятника нет, потому что мы оказались в самом начале нашей истории о Пиноккио. Тогда и его самого еще не было, не то что памятника!

ВПЕРЕДИ — СВОБОДА!

Идет 1848 год. По флорентийской дороге, выходящей среди итальянских сосен — пиний, шагает небольшой отряд. За спиной — солдатские ранцы. Пылью покрылись в нелегком пути форменные куртки.

— Ать-два, — командует капрал. — Поторапливай-тесь!

Вместе со всеми марширует по проселку двадцатидвухлетний доброволец Карло Лоренцини, сын по-

В Италии, в одном из пригородных парков Флоренции, можно, беспечно прогуливаясь, набрести вдруг на один не совсем обычный памятник. Это памятник кукле — несуразному долговязому человечку с тонкими руками и ногами, с длинным-предлинным носом. На голове — лихо заломленный колпачок. Если бы мы с вами оказались однажды в том парке и увидели эту скульптуру, то, конечно, сразу воскликнули: «Вылитый Буратино!» А если бы мы еще знали итальянский язык, то прочли надпись на пьедестале: «Бессмертному Пиноккио — благодарные читатели от 4 до 70 лет».

Давайте считать, что все так и есть: мы во Флоренции около памятника... А еще лучше так: мы во

вара и горничной из маленького местечка Коллоди. Ему оставаться дома? Как бы не так! Италия ведет освободительную войну против австрийских захватчиков, какой же итальянец может остаться в стороне? Уж, во всяком случае, не он, начинающий литератор Карло Лоренцини! А литературные дела пока подождут. Он опубликовал уже немало революционных статей — теперь пора послужить свободу жизнью! Он молод, он смел, он принесет еще славу родине, и, может быть, сам Гарибальди, национальный герой, пожмет ему руку или даже подарит красную блузу — традиционную одежду гарибальдийцев; их так и называют: краснорубашечники.

Вдаль идет солдатский строй в зной и непогоду. Пыль клубится за спиной. Впереди — свобода. Ружьецо через плечо... Маршируйте в ногу! Впереди у нас еще долгая дорога.

Коль застрелят наповал — песни нас прославят. «Нам еще, — сказал капрал, — памятник поставят!»...

Мы-то знаем: статуя — это дело пятое. Для людей любой страны, каждому народу меньше статуи нужны, чем нужна свобода!

ШИШКА ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Война оказалась трудным и тяжким делом. И неудачным для революционной Италии. Вслед за героическими победами начались поражения в неравной борьбе. Австрийские войска заняли Флоренцию. Итальянской освободительной армии не стало. Всего год назад уходил на войну доброволец Карло Лоренцини — и вот его не стало тоже: домой возвратился писатель Карло Коллоди — такой псевдоним он выбрал себе, чтобы увековечить место рождения своей

обожаемой матушки. Ведь наверняка он станет более известным, чем эта деревня!

Карло Коллоди сидит за столом в своей комнате и пишет рассказы, фельетоны, забавные сценки для журнала, который сам организовал. А за окном носятся неукротимые флорентийские мальчишки. Прокказники! Как увидят солдата в австрийской форме — свистят, улюлюкают, швыряют шишками пиний...

А знаете, как такая шишка называется по-итальянски?

ПИНОККИО!

Как бы сделать, чтоб мальчишки, о приличьях помня, не бросали в старших шишки, ветки, камни, комья? Как бы сделать, чтоб мальчишки, помня о порядке, целый день читали книжки и вели тетрадки и себя вели потише, мудро и солидно? А не то ведь на мальчишек и глядеть завидно!

НЕПОСЛУШНЫЙ ПИНОККИО

Писатель Карло Коллоди скоро стал в Италии довольно известен. Имя его то и дело мелькало на газетных и журнальных страницах. Но главная его книга была еще впереди. Даже начав ее писать, он не подозревал, что она главная.

На первых страницах этой своей будущей главной книги Карло Коллоди рассказал о том, как старик Джеппетто взял в руки полено, провел по нему ножом, и оно вдруг завизжало. Джеппетто от страха полено выронил и даже ногой пнул...

Хорошо спалось колоде. Разбудил пинок ее — так и вышла у Коллоди сказка про Пиноккио: он на сказочных страницах не по правилам живет,

он не вовремя ложится и не вовремя встает.

Он на горе папе послан, у него мильон затей, он не слушается взрослых — так же, впрочем, как детей. Ни один совет ни разу он не принял на веку — вот за это и наказан, крепко схвачен, прочно связан и повешен на суку!

Именно так собирался Карло Коллоди окончить сказку о непослушном вздорном и глупом мальчишке. Окончил — и отправил издателю журнала с письмом: «Посылаю тебе этот детский лепет. Поступай с ним по своему усмотрению, но, если будешь печатать, заплати получше, чтобы у меня было желание продолжать». Сказку напечатали. Неизвестно, сколько заплатили автору, но продолжить ее все равно пришлось. Читателю так понравился непослушный Пиноккио, что редакцию буквально засыпали письмами с просьбами и требованиями спасти деревянного человечка и продолжить историю о нем. Карло Коллоди хотел в сказке достойно наказать непослушание, но герой оказался таким живым, таким обаятельным!

Пришлось автору его оживить. И Пиноккио натворил еще много разных безобразий, но в конце концов исправился и превратился в настоящего мальчика из плоти и крови. И читатели остались очень довольны.

ЕСЛИ БЫ ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ...

В Италии сказку окончили печатать в январе 1883 года. А в России в январе того же года родился Алексей Николаевич Толстой. И ничего особенного не было бы в этом совпадении, если бы через полвека он не написал историю про Буратино — такого похожего на Пиноккио сорванца. Такого похожего — и непохожего. Интересно, что было бы, если бы Пиноккио и Буратино встретились?

Представьте себе: однажды Пиноккио пригласил Буратино в гости:

Оба с носом длинным-длинным,
оба тонконогие...

— Как делишки, Буратино?

— Хорошо, Пиноккио!

Только мучат нас, невинных,
разными уроками...

— Убежать бы, Буратино!

— Убежим, Пиноккио!

Но, родимый дом покинув,
станем одиночками...

— Разберемся, Буратино!

— Справимся, Пиноккио!

— Из всех ремесел мне только одно действительно по душе, — сказал бы Пиноккио, — есть, пить, спать и с утра до вечера бродяжничать!

— Больше всего на свете я люблю страшные приключения! — подхватил бы Буратино.

— Недаром мы с тобой на одно лицо, — промолвил бы Пиноккио, — прямо как в зеркало смотришься!

А Буратино наклонился бы к нему и прошептал: — Ты не знаешь, где золотой ключик?

Пиноккио бы очень удивился:

— Золотой ключик? А зачем он?

— Скажешь тоже! — рассердился бы Буратино. — Золотой ключик — это самое главное. Он всем поможет!

— Мне, например, поможет фея. И спасет от всех бед! — ответил бы Пиноккио. — Прекрасная добрая фея с голубыми волосами. Только надо во всем ее слушаться.

— Это Мальвина, что ли? — рассердился бы Буратино. — Ее, что ли, слушаться? Она, что ли, спасет от Карабаса-Барабаса?

Тут Пиноккио удивился бы:

— Не знаю никакой Мальвины! Какой такой Карабас-Барабас?

— Директор кукольного театра.

— Встречал я одного директора кукольного театра. Его звали Манджафоко. Он ничего плохого мне не сделал, — вспомнил бы Пиноккио.

— Карабас-Барабас хочет отнять золотой ключик! — принялся бы объяснять Буратино. — И никто, кроме него, не попадет тогда в волшебную страну!

— Конечно, в волшебную страну попасть очень хочется, — признался бы Пиноккио. — Она называется страна Развлечений. Все дети, которые туда попадают, ничего-ничего не делают.

— Совсем ничего?

— Совсем-совсем! И это очень весело! — сказал бы Пиноккио.

— Нет, скучно! — сказал бы Буратино.

— Нет, весело!

Тут Буратино, наверное, полез бы в драку, но Пиноккио и сам в этом деле мастак.

— Как сейчас ногою двину!

— Вот как нос раскокаю!

— Получай же, Буратино!

— Получай, Пиноккио!

— Я ему ударю в спину!

— Я ударю в бок ему!

— Эй, сдавайся, Буратино!

— Лучшие ты, Пиноккио!

Но тут наверняка прибежали бы папаша Джеппетто и папа Карло, добрая фея с голубыми волосами и нравоучительная Мальвина, вежливый пудель Медоро и бесстрашный пудель Артемон — и помирили бы их. Потому что кому как не Буратино с Пиноккио пристало дружить друг с другом в Италии и в России, в Африке и Америке, в Азии и в Австралии — повсюду, где читают на всех языках бесчисленные издания «Приключений Пиноккио» Карло Коллоди и «Золотого ключика» Алексея Толстого!

УМЕЙ СКАЗАТЬ «НЕТ»

Странная жалоба пришла к нам в редакцию.

«Пишет вам мама Димы Корпачева. Моя жалоба на сына состоит в том, что он растет слишком послушным, никогда не перечит ни в чем, учителя его хвалят, а на сердце тревожно. Даже самое глупое поручение, от которого можно отказаться, он выполняет. Если скажешь: «Что же ты как робот безотказный?» Он смеется: «Ничего не понимаете, — так проще! Что, хотите, чтобы я без конца в истории какие-нибудь ввязывался?» Вот такие у нас родительские трудности. Корпачева Т. М., г. Калининград».

...Очень трудно было решить: что же ответить тов. Корпачевой Т. М.? И на что ей жаловаться? Тут бы, как говорится, жить да радоваться, без хлопот и лишних неприятностей...

Но вскоре пришло еще одно письмо, вроде бы никак не связанное с этой странной жалобой. Не связанное — но только на первый взгляд.

«Уважаемая редакция! Я пишу из Амурской области. Учусь в седьмом классе. У нас первый год преподают «Основы производства». Сначала ездили на экскурсии разные, по предприятиям. Нас даже брали в море, в рыболовный рейс, в тайгу мы тоже выходили. Потом пришла новая учительница. И заявила, что мы должны выписывать самое главное из «Материалов XXVII съезда КПСС» и заучивать наизусть. А записи одного урока едва умещаются на два листа. Я наизусть ответила вопрос, но вторую половину пересказала своими словами. И получила двойку. Попросила еще что-нибудь спросить, а она говорит:

«Нет, что поделаешь — судьба!» Дома все стали возмущаться, зачем зубрежка. Но отец в конце концов сказал: да выучи, и пусть отвяжется, — попадешь еще в историю! Рассуди, редакция. Кто прав?

Амурская область,
семиклассница Ольга».

...Сначала очень пожалели мы, что Ольга не стала называть свою школу. Вот тут бы и вмешаться нам, редакции, — способны ли такие учителя вести ребят по жизни. Не по зубрежке. Но это только одна сторона.

А другая? Послушный Дима, безотказная Оля вместе со всем своим седьмым! Почему так страшно это — «ввязаться в историю»? Возмутиться? Вспомнишь, что есть такое слово, упрямое и трудное: «НЕТ!» Хлопот с ним много, но на него у каждого есть право...

Стали мы думать: что же это у нас так много писем, где жалоба на жалобе? Учителя плохие, ребята плохие, порядки вообще кругом плохие-преплохие. Что же это никто ни на что не решится? Вот смотрите.

«Недавно у нас к школе пришла «скорая». Девочки Вика и Люся из шестого «Б» подрались из-за мальчика. Они ходили всегда вдвоем, хотя считалось, что это Викин парень. И тут увидел кто-то его и Люсю в обнимку. Они дрались за школой, мало кто видел, только их друг стоял и смотрел, кричал: «Давай, Горилла!», хотя мы не знаем, кому. Победила Вика, а Люсе, когда ее нашли, вызвали «скорую», на всякий случай. Прибежала завуч, сказала: «Ну вот, толпу собрали! Не говорите, что это наша ученица,

а то от комиссий не отобьемся». Ученики. г. Москва».

И никто не сказал: «Нет, мы не будем молчать, — нельзя!»

«...К нам на школьный стадион (мы только свежую травку наладили) ходят со всего района пацаны, даже свою таблицу игр сочинили. Но наш физрук установил дежурство — чужих гонять. А где у нас лишнее время?»

И никто не сказал: «Нет, пусть играют, не жалко».

«...Мне совестно все время просить у родителей деньги. То 50 копеек «на спасение Байкала», то на горшки для цветов, то 30 рублей на прощальный вечер. Родители удивились, но дали. Теперь хотят классной руководительнице цаплю фарфоровую на день рождения. На это совсем стыдно просить, и цапля дурацкая, похожа на бульдога на длинной ноге. Я сказал, что стыдно просить, а они говорят: стыдно, так собери бутылки около универсама.

Толя Калюжный,
г. Иркутск».

...Только не говорите, что и тут не пригодилось бы слово «нет»!

И захотелось нам объявить АНТИКОНКУРС для любителей не ввязываться ни в какие истории. Победителей не ждут призы! Просто мы НАПЕЧАТАЕМ самые интересные истории, в которые ребята ввязались, желая совершить в жизни свой первый решительный шаг, разумеется, справедливый и, разумеется, немножко отчаянный. Потому что такое время!

На конверте напиши: «Поступок».

По «Узлу связи» дежурила
А. БЕЗБОРОВОДА.

Саша ЖУРАВЛЕВ, 12 лет. «ВЕЧЕР».

Серёжа ДЕМЬЯНЕНКО. «ОПЯТЬ ДВОЙКА».

Гале ГРИЦОВОЙ 11 лет, живет она в Краснодарском крае, в станице Родниковской. Учится в школе № 15, в шестом классе.

Завтра в школу!

Яркое солнце потухло,
Холодом в окна пахнуло.
Окна закрыли.
Минут через пять
Свет потушили,
Легли отдыхать;
Завтра ведь в школу
Рано вставать!

Наташа СУХИХ — рижанка, учится в школе № 40, в восьмом классе.

Осень пришла

Вот неба лазурь голубая
Сменилася серою мглой.
Летят запоздавшие стаи
И солнце уносят с собой.

Бика ВЕТРОВА — пятиклассница московской школы № 1264.

Дождь

Мир окутав в туман,
Дождь превратился в плен:
Двери закрыл в домах,
Окна смахнул со стен.

Пол усыпан листвою,
Капает с потолка,
Осень над головой
В пенистых облаках.

Кажется, рядом лес,
Только подать рукой,
Может, страна чудес
Спряталась за спиной?

Но неуютно тут,
В доме, где нет окон.
Серые тени лгут,
Будто все это сон.

Дождь улетел, звеня,
Солнце взошло опять.
Дом отпустил меня,
Я побегу гулять!

Новый день

Родился самый первый луч
На утренней заре,
В его руке искрился ключ,
Чтоб дверцу отпереть.
За этой дверцей — добрый дом,
И пахнет теплым молоком.

* * *

Кто придумал лебедей?
Для чего они на свете?
Независимы, как ветер,
А живут среди людей.

Так придумано хитро
Для того, чтоб на планете
Посредине лихолетья
Люди помнили добро.

«Родился я в Иркутске, но могу смело считать себя северянином, так как живу в нашем городке 12 лет, почти с его основания. Места наши хоть и глухомань — одни лиственницы, походящие на серые лучины, да пестрый мох, удивительным ковром раскинувшийся под ногами, — все равно, где бы я ни был, тянут меня к себе...» — так написал «Кораблику» четырнадцатилетний житель города Удачно-го Якутской АССР Леонид ВОЛКОВ. В письме он описал землю, а в стихах — полет в небеса.

Икар

Я рву последние оковы,
Меня прижавшие к земле,
Я в небо подымаюсь снова!
Лечу! Как будто бы во сне!
Мои крыла поют свободу,
И море бешено бурлит,
Вздымая волны

к горизонту.
Меня пучина не страшит!
Огонь! Я вижу солнца
пламя!
Я вижу, я кричу: «Ура!»
Но вдруг зажглись,
обмякли крылья...
Но вдруг надвинулась
земля...

Я падаю? Огонь
взбешенный
Крыла бездвижные обжег!
Пучина!

Волны,
волны,
волны!
Я падаю! Последний вздох!
И взгляд, в пучину
обращенный.
Разжечь, разжечь
души пожар
Прошу, о боги!!!

Волны,
волны...
«Усни, мой странник,
спи,
Икар».

В холле американской школы во время перерыва на завтрак.

Три недели в американской школе

В этом году сотни американских школьников побывали в Советском Союзе, а сотни наших — в Соединенных Штатах Америки. Среди них была и группа ребят из московской школы № 29. Почти месяц провели они вдали от дома. Побывали в штате Вирджиния и в столице страны Вашингтоне, а потом отправились в город Альбукерке штата Нью-Мексико. Жили в обычных американских семьях и каждый день ходили в обыкновенную американскую школу. Еще перед поездкой за океан мы договорились с Женей Лученковым, что после возвращения он расскажет читателям «Планеты детей» о своих впечатлениях.

Время близилось к полуночи, когда мы приземлились в Альбукерке. В пути мы с самого утра, и, естественно, у нас одно желание — скорее бы нас «разобрали» по домам. Но не тут-то было: чуть ли не у самого трапа в лицо нам ударил яркий свет юпитеров: нас снимали сразу несколько телекомпаний. Еще немного — и мы увидели оживленную толпу с плакатами, некоторые из приветствий написаны по-русски. Корреспонденты пытались взять интервью, встречающие, родители и школьники, выясняли наши имена, кто-то дарил цветы, а наша

руководительница была в отчаянии, боясь потерять кого-либо.

Следующий день, воскресенье, каждый провел в «своей» семье, отдыхая с дороги и привыкая к общению с новыми друзьями. А в понедельник начались наши три недели в американской школе.

Естественно, мы волновались: как нас примут, как отнесутся к нам американские ребята? Но, войдя в школу, ничего необычного не заметили. Школа эта рассчитана на две с половиной тысячи человек и по размерам довольно таки внушительна, поэтому на новеньких и не обратили внимания.

В дирекции нам выдали учебники, вручили расписание и объяснили порядки, существующие в школе. Потом мы пошли на уроки, и так получилось, что все попали в разные классы. Тут уж наше появление не осталось незамеченным, и первые часы мы не учились, а отвечали на вопросы американцев.

В конце второго урока, когда все уже собрали свои вещи, вдруг заработало школьное радио. Ребята дружно поднялись и, повернувшись лицом к американскому флагу (а флаг есть в каждом кабинете) и прижав правую руку к сердцу, начали повторять слова, звучавшие по радио. Позже мы узнали, что это ежедневная кля-

тва флагу, к которой большинство относится очень серьезно.

Официально нас представили всей школе во вторник, на общешкольном собрании. И тут выяснилось, что мы не первые зарубежные школьники, приехавшие сюда по обмену. Здесь уже были ребята из Японии, Австралии, из скандинавских стран и еще откуда-то, я уже не помню. Но из Советского Союза мы были первые.

В школе, куда мы попали, учатся те, кому от четырнадцати до восемнадцати лет. Учеба начинается в 7.45 и заканчивается в 14.30. Независимо от возраста у всех ребят по шесть уроков. В американской школе учащимся предлагают определенный набор дисциплин, а в каком порядке их изучать, каждый решает сам. Раз в полгода школьники выбирают шесть предметов и в течение нескольких недель после начала занятий могут их поменять. Но если уж выбрал, то необходимо уроки посещать. Расписание у них проще нашего: изо дня в день те самые предметы, что каждый выбрал себе на полугодие. Такая учеба иногда надоедает, но зато быстро можно пройти, скажем, полный курс химии или фотодела. Правда, все науки преподаются здесь в познавательном смысле, только основы. Я заметил, что нам, десятиклассникам, на уроке физики

приходилось знакомиться с материалом, который мы прошли еще в седьмом или восьмом классе. Американская школа, как нам объяснили, не столько дает знания, сколько учит учиться. Хотя каждый вправе выбрать и углубленную программу изучения того или иного предмета.

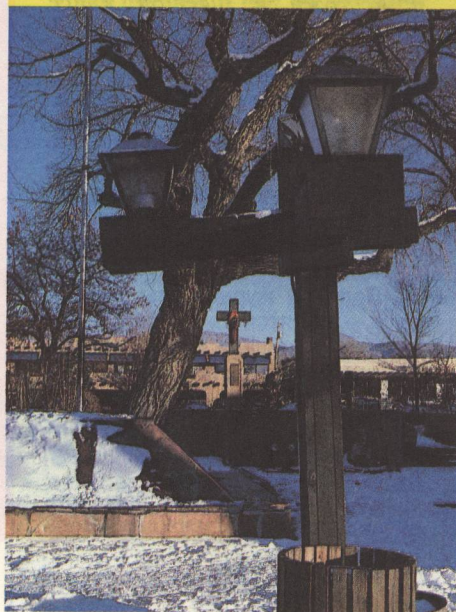
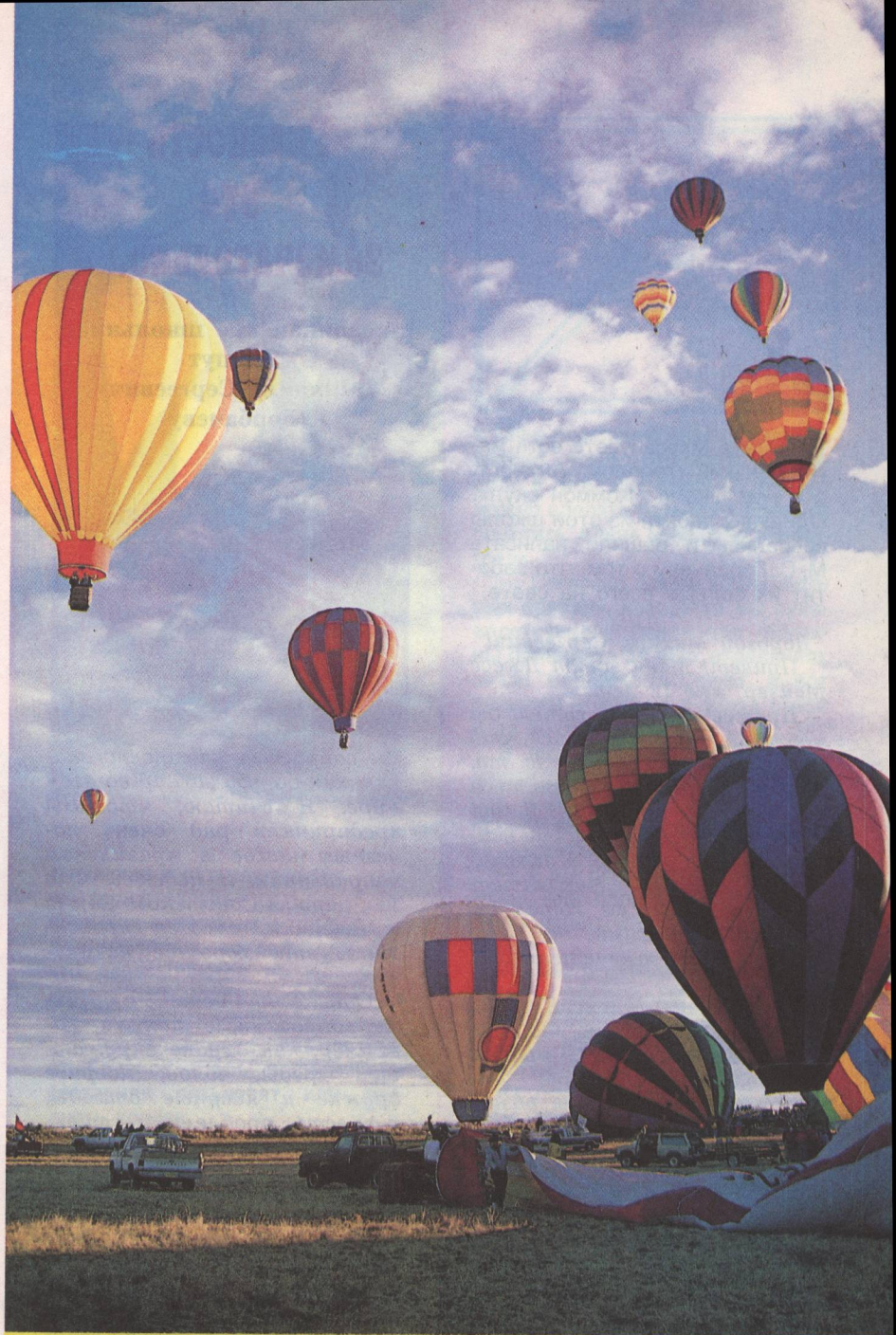
В середине учебного дня делается часовой перерыв на завтрак. Это не значит, что нужен целый час, чтобы перекусить. За это время можно отдохнуть от уроков, поговорить с друзьями, подышать свежим воздухом. К услугам школьников многочисленные буфеты в холле и большая столовая. Но половина ребят предпочитает приносить завтрак с собой: одни говорят, что домашняя пища более здоровая, другие берегут время, чтобы не стоять в очереди в столовой.

Мы много общались с американскими школьниками — и на уроках, и в семьях. Вопросы в основном задавали они: как учимся, где, как проводим свободное время. Каждый американец, наверное, слышал слово «перестройка», но среди ребят встречались и такие, которые вообще не знали, что Горбачев приезжал в Америку. Однако в целом все относились к нам дружелюбно и с любопытством — ведь они не знают о нас почти ничего.

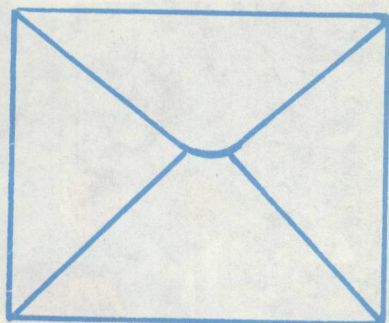
После школы все свободное время проводили в семье. Но дома сидели редко. А в конце нашего пребывания в Альбукерке нам сделали настоящий подарок — показали праздник воздушных шаров и даже дали самим попробовать полетать на них. В этом городе есть традиция несколько раз в году устраивать нечто вроде фестиваля воздушных шаров. Иногда, рассказывали нам, в нем участвует несколько тысяч летательных аппаратов. Правда, при нас взлетало всего несколько сотен, но все равно впечатление было сказочным. Всевозможные краски, которыми светились шары, много возбужденных людей и земля с высоты птичьего полета — все это было прекрасно.

Таким замечательным зрелищем закончился наш последний день в Альбукерке. Три недели пролетели, как одно мгновение, и в аэропорту у многих были слезы на глазах. Как ни малы три недели, а мы друг к другу уже привыкли. И это самое главное в школьном да и в любом обмене: чтобы люди лучше узнавали жителей других стран и чтобы были такие слезы при расставании.

Е. ЛУЧЕНКОВ

Катание на воздушных шарах.
В столице штата Нью-Мексико
Санта-Фе.
Жилища индейцев в окрестностях Альбукерке.

«Гласность — это замечательно...»

Американские школьники
пишут
Михаилу Сергеевичу
Горбачеву.

В штате Массачусетс есть маленький городок Амхерст, а в нем школа «Коммон скул». Однажды ребята из этой школы собрались и решили написать М. С. Горбачеву о том, что забочит их больше всего на свете.

Дорогой Михаил Сергеевич!
Привет! Меня зовут Джесс Мейзер, мне 12 лет.

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Вас за все, что Вы сделали, особенно за то, что помогаете избавиться от ядерного оружия. Я думаю, что ядерное оружие действительно ужасно, и замечательно, что Вы избавляетесь от него. Я также хотел бы поблагодарить Вас за гласность — это замечательно.

Меня зовут Алекс Каплан. Мне 12 лет. Я думаю, то, что Вы делаете в СССР, — просто великолепно. Особенно мне нравится то, что Вы позволяете все большему числу граждан выбирать, где они хотят жить и что они хотят делать. Было бы хорошо, если бы Вы уделяли в своей стране больше внимания окружающей среде и, может быть, помогли бы сохранить тропические леса в Южной Америке.

...меня очень волнуют мно-

гие вопросы, в частности такие, как борьба за мир во всем мире. Я считаю, что Вы предприняли ряд очень полезных шагов в правильном направлении. Я надеюсь, что мы, народы Советского Союза и Америки, сможем продолжить эти хорошие начинания.

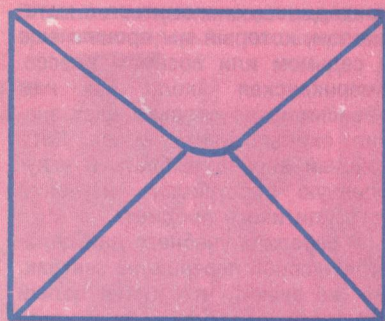
Однако что делать с другими вопросами, с такими, например, как охрана окружающей среды, голод, ядерное оружие и ядерные отходы, то есть проблемами, стоящими перед нашим обществом?

ДЭВИД КОЭН, 12 лет.

Уважаемый
Михаил Сергеевич!

Привет! Меня зовут Фиби. Мне одиннадцать лет, и я хожу в шестой класс школы «Коммон скул».

В прошлом году я ездил

в Москву на три месяца. Я ходил в школу № 4 в течение четырех дней. Потом я сильно заболел московским гриппом, и меня перевели в англо-американскую школу. Я встретил много новых друзей, в том числе тех, кто не говорил по-английски. Я выучил много русских слов...

Я хотел бы поздравить Вас с Вашей деятельностью в качестве президента СССР. Я видел, как Вы осуществляете перемены, когда я был там, и я вижу их сейчас. Меня особенно тронуло то, что Вы незамедлительно покинули Нью-Йорк, когда произошло землетрясение в Армении.

Хотя я был разочарован исходом выборов в Америке, я по-прежнему надеюсь на то, что Вы и президент Буш подтвердите хорошие отношения между двумя нашими странами. Ученики нашего класса написали письма президенту Бушу, изложив свои взгляды на многие вопросы, такие, как международные отношения и защита окружающей среды. Некоторые из нас получили ответы, в которых говорится, что наши взгляды приняты во внимание...

Искренне Ваш
ФИБИ ТАУБМАН.

ПОЧТА «ПЛАНЕТЫ ДЕТЕЙ»

ИНДЕКС:

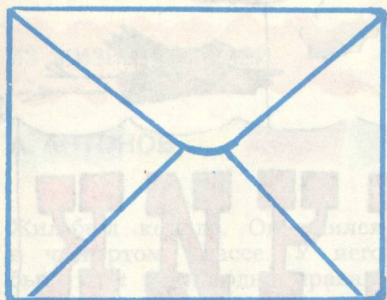
Несмотря на разъяснения, которые были напечатаны в 3-м номере «Пионера» за этот год, вопросов о международной переписке в почте «Планеты детей» не стало меньше.

«Получив журнал, мы огорчились, — делятся своей бедой две подружки из села Березовка Воронежской области. — Ведь там написано про марки. А мы написали два письма в Австралию, а марки не наклеили. Что нам делать?»

Что делать? Впредь посылать письма только с марками. Ведь

марка не украшение конверта, это плата за услуги, которые оказывает нам почта, доставляя письма адресатам.

«А какую марку надо наклеивать? Почтовую?» — спрашивает Асель Б. из Кустанайской области. Вопрос можно было бы принять за шутку, если бы в почте не оказалось письма Маши В. из Москвы, которая наклеила на конверт марку добровольного спортивного общества профсоюзов. К сведению Асель, Маши и всех других ребят: для оплаты почтовых услуг годятся только почто-

вые марки. Они продаются в любом отделении связи и в киосках «Союзпечати».

«Сколько в среднем идут письма из Советского Союза в ЧССР и обратно? Артем Андреичев, г. Нефтеюганск». «Почему наши письма до Польши идут по месяцу, а иногда и по полтора, хотя от нашего города до Польши ехать четыре часа? Александр Ивахненко, г. Калининград».

Вопросы простые, а ответить на них никто не берется. Видимо, потому, что ясно: современные транспортные средства способны за одну-две недели доставить посылание в любую точку земного шара. Поэтому, если оно находится в пути месяц, два и более, это, конечно, ненормально.

А теперь перейдем к письмам, которые требуют консультации специалиста. На этот раз ребятам отвечает дежурный администратор Московского международного почтамта Елена Вадимовна Бушуева.

— «Несколько дней назад,— сообщает Люба Нерознак из Синегорска Кустанайской области,— я опустила в почтовый ящик письма моим друзьям из ГДР и ЧССР, но они вернулись ко мне. И на них написано, что нужны международные конверты».

— Видимо, на местах есть еще почтовые работники, которые пользуются устаревшими правилами. Никаких специальных конвертов для пересылки писем в социалистические страны не требуется.

— Много жалоб на неразбериху с марками. Оля Чепинога из Каменска-Уральского Свердловской области пишет: «В нашей городской газете «Каменский рабочий» было объявление, что международные письма (весом до 20 г, естественно) с адресом в социалистические страны принимаются в специальных конвертах с маркой 45 копеек».

— Неверно это. Во все социалистические страны письмо до 20 граммов оплачивается маркой стоимостью пять копеек. И только для отправок в капитали-

стические и развивающиеся страны тариф выше — пятьдесят копеек для авиаписем и тридцать — для наземных, то есть для тех, что пересылаются по железной дороге или морем. Сколько при этом будет наклеено марок, одна или несколько, значения не имеет. Главное, чтобы в сумме они составили пятьдесят или тридцать копеек.

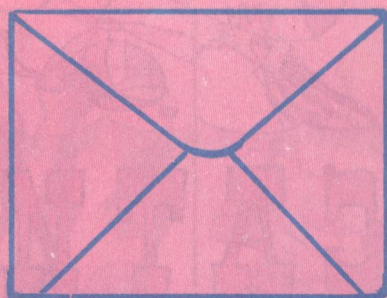
— А нужно ли указывать индекс, и какой?

— Да, нужно. На всех письмах, отправляемых за рубеж, независимо от страны, в специально отведенных для этого клетках необходимо указывать индекс 500000. В этом случае письмо быстрее попадет к нам на международный почтамт, а мы уже отправим его за границу.

— «А можно ли в письма вкладывать маленькие книжечки, ведь они плоские? Наташа Рогова, г. Зеленодольск».

— Нет, нельзя. Помимо письменных сообщений, в конвертах можно пересылать фотографии, открытки, наклейки, календарики, переводные картинки. А книги, газеты, журналы, мелкие сувениры,— например, матрешки — нужно отправлять бандеролями.

— Кстати, о бандеролях и посылках спрашивают многие. «Можно ли посылать бандероли в социалистические страны из поселков, деревень, станций? Алена Рюрикова, ст. Каргала Оренбургской области». «Когда я пошла

в 230-е отделение связи Невского района, чтобы отправить бандероль в НРБ, мне сказали, что это можно сделать только на главном почтамте. Алена Миронова, Ленинград».

— Согласно статье 206 «Почтовых правил», которыми мы руководствуемся, бандероли обязаны принимать во всех отделениях связи Советского Союза, а вот посылки — только в узлах связи и на почтамтах.

В ваших письмах, ребята, содержится масса мелких вопросов, и ответить на все в журнале просто невозможно. И тогда Елена Вадимовна предложила:

— А вы дайте читателям «Пионера» наш справочный телефон. Пусть звонят, мы готовы ответить всем.

Что мы с удовольствием и делаем. **СООБЩАЕМ ТЕЛЕФОН СПРАВОЧНОЙ СЛУЖБЫ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЧТАМТА: 114-46-45.**

На этом можно было бы поставить точку. Но в почте «Планеты детей» есть еще такие письма:

«Мы уже долгое время переписываемся со своими сверстниками из ЧССР. Имеем ли мы право пригласить их к себе или по их приглашению поехать к ним? Таня и Вика Солнцева, г. Кривой Рог».

«Наш класс переписывается с американцами. Одной девочке пришло письмо с долларом, другой с монетами. Можно ли из СССР пересылать копейки или рубли в США. Это ведь как сувенир... Аня Соловьева, г. Чита».

«Хотелось бы обмениваться марками с ребятами из других стран. Что для этого нужно? Андрей Асавкин, г. Заволжье Горьковской области».

«Что можно посылать в посылке? Я узнала, что за рубеж нельзя посылать изделия из дерева и хлопчатобумажные изделия, а также шоколадки, конфеты, пряники и др. Наташа Мирушкина, Тульская область».

Ответы на эти вопросы читайте в нашем журнале в начале 1990 года.

САТИРИКОНЧИК

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

С. АВДЕЕНКО

ПОД... ДВЕРЬЮ

- За что, Егоров, тебя выставили из класса?
- За плюрализм мнений.
- Объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду?
- Учительница заявила, что я мешаю ей проводить урок. Но я так не считал и сказал об этом вслух. Каждый гражданин у нас в стране имеет право на собственное мнение. Об этом даже в Конституции записано. Меня же, когда прибегаю к гласности, выгоняют из класса.
- Что теперь собираешься делать?
- Протестовать против произвола.
- Каким образом?
- Объявлю забастовку. Перестану ходить на уроки.
- А как, думаешь, отнесутся родители к твоим действиям?
- Думаю, не поймут. Они ведь воспитывались в застойный период. Отец по привычке схватится за ремень, мать, как всегда, в слезы. Но я все равно не отступлюсь от своих требований.
- Что бы ты хотел сказать в заключение интервью?
- Мы, дети периода перестройки, решительно требуем отказаться в школе и дома от командно-административных методов воспитания и перейти к демократическим. Мы настоятельно требуем, чтобы наши педагоги и родители прониклись ответственностью момента и широко распахнули окна навстречу новым веяниям.
- Спасибо тебе, Егоров. А теперь — к директору! Срочно велел явиться. Зачем? Да уж наверняка не за ватрушками. Держись, Егоров. Желаю удачи!

АБЗАЦ

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Однажды на уроке Васе Смелому захотелось зевнуть — и он зевнул! Потом ему захотелось откусить от бублика — и он откусил! Потом ему захотелось сходить в туалет — и он сходил. Потом ему захотелось сделать одно «па» из брейка — и он сделал. Потом ему сильно захотелось послать записку Ленке — и он послал. Потом ему захотелось поговорить с Колькой — и он поговорил. Потом ему страстно захотелось пнуть Генку — и он пнул... Тут желания у Васи кончились, а до конца урока оставалось еще целых ССССО-О-О-ОРРРРОК минут!!!

А. АНТОНОВ

Жил-был король. Он учился в четвертом классе. У него было три руки: одна правая, другая левая, а третья тоже левая. Правой рукой он царством управлял, одной левой уроки делал, а второй левой — в носу ковырялся... И все успевал!

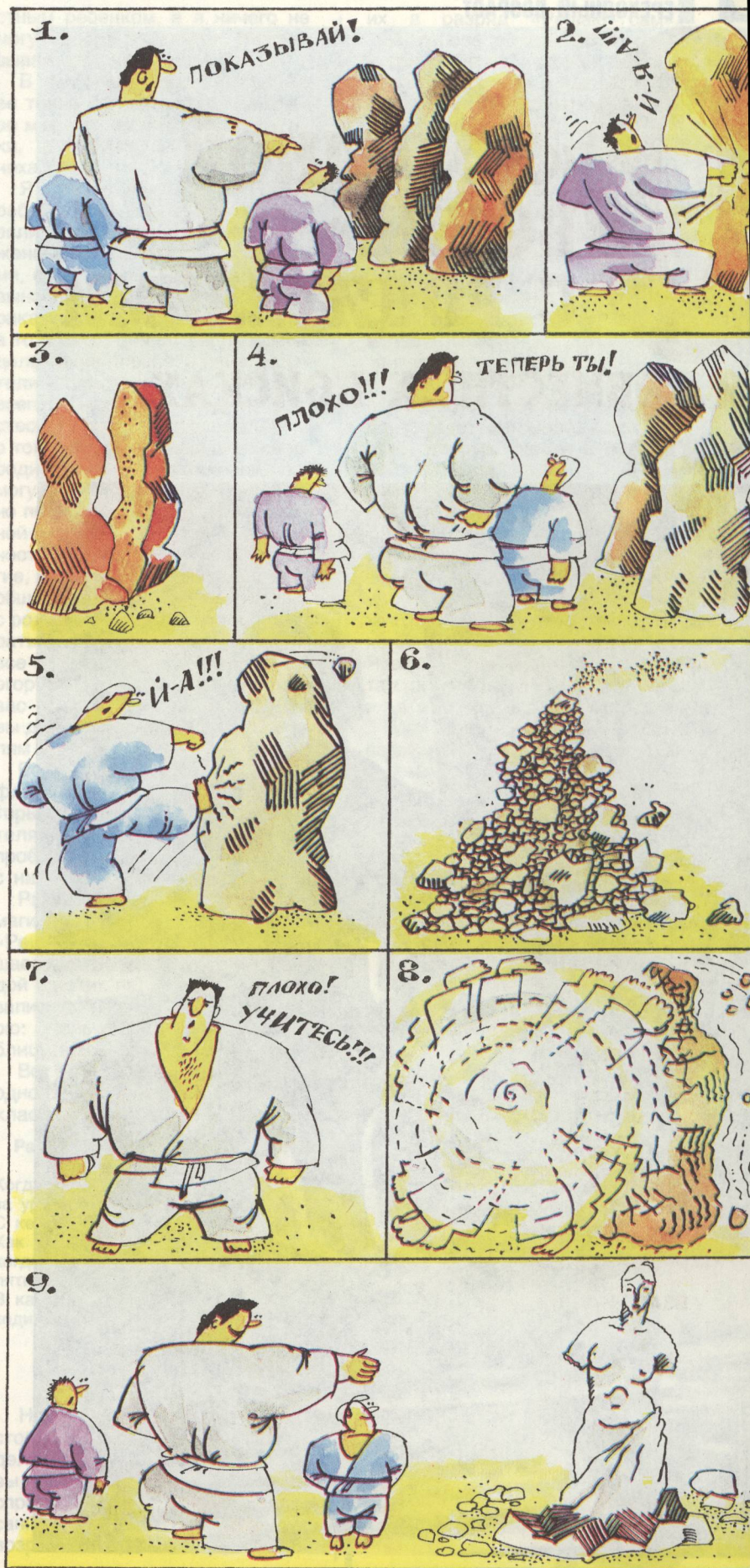
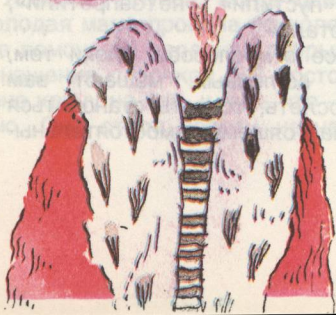
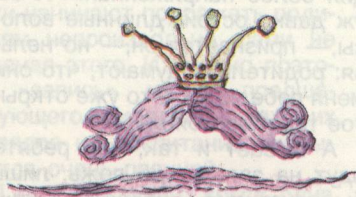
Жил-был король. Он учился в пятом классе. Однажды ему на нос упала капля.

— Что же это такое! — возмутился король. — Падают на нос разные капли! — И запретил в своем королевстве дожди. А они все равно шли и шли — затопили все царство. Король бедный чуть не утонул — еле доплыл до шестого класса. И с тех пор никогда больше дожди не запрещал!

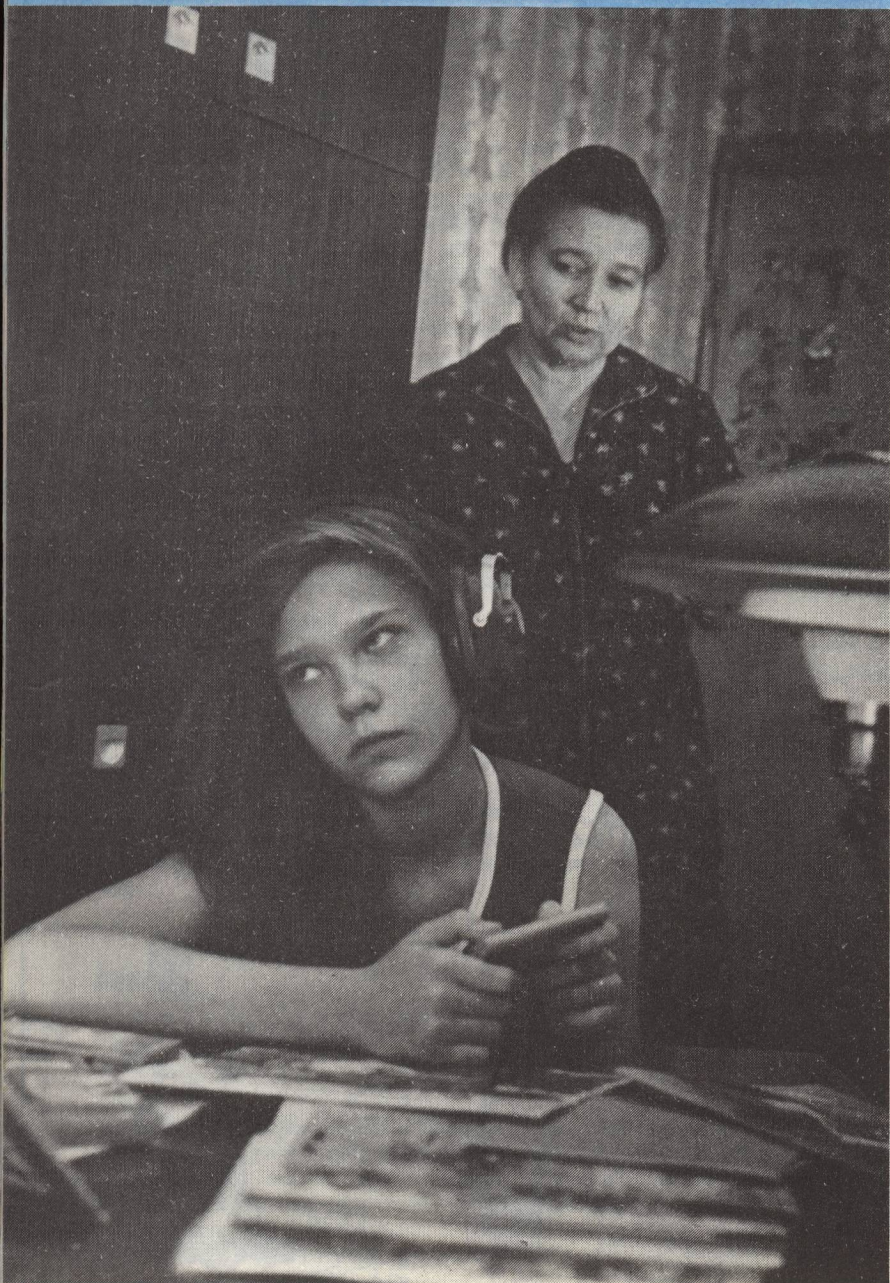
Жил-был король. Он учился в шестом классе. Его звали Ваше Величество. Но ребята называли его просто Васька — они его совсем не уважали, даже списывать не давали — это королю-то!

Жил-был король. Он учился в седьмом классе. И вот захотелось ему жениться. Но жениться можно было только после десятого класса — что делать? И король придумал! Привели к нему директора школы, а король ему говорит: — Давай мне аттестат зрелости, как будто я уже десять классов кончил, а не дашь, я тебе голову отрублю!

Дал ему директор аттестат, и король женился — но неудачно... Хорошая-то девушка разве пойдет за такого!

О «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ» С РОДИТЕЛЯМИ И СОВМЕСТНЫХ ПОИСКАХ МИРА

Сегодня мы поговорим о ваших отношениях с родителями, ребята. Эти отношения не всегда складываются благополучно. Вы стали чаще спорить со взрослыми, обижаться на них, «взрываться».

«Родители никак не отвыкнут считать меня маленьким, — пишет двенадцатилетний Андрей. — Все диктуют, учат, проверяют. Утром — «вставай, а то опоздаешь», вечером — «ложись, а то не выспишься», «читай эту книгу, она по программе», «выключи телевизор, садись за уроки». А вчера, когда за мной зашли ребята, мама при них надела на меня шарф. Мне стало стыдно перед ребятами, и я ей нагрубил. Правда, потом снова стало стыдно за то, что я ее обидел. Но должна же она понимать, что я уже не маленький, давно сам все знаю!»

«Я стараюсь позже приходить из школы домой, потому что чувствую себя угнетенным, неполноценным человеком. Я часто спорю с родителями, пытаюсь что-то доказывать, но они меня ни во что не ставят. Иногда я не сдерживаюсь, завожусь...» (Лена В., 14 лет).

Могу сказать, что за этими жалобами видна одна особенность подросткового возраста — стремление к независимости и самостоятельности. Вы жаждете права самим решать свои дела. Но часто это право приходится у родителей отвоевывать.

Все ваши хитрости и способы «невидимой войны» мы, взрослые, знаем.

Вот, например, Миша звонит Сергею:

— У тебя когда родители приходят домой?

— В седьмом часу.

— И у меня тогда же. Давай закругляйся скорее с уроками, смоемся, пока не поздно!

Это способ еще довольно безобидный: «брать свободу» в каждый удобный момент. А у моего знакомого Пети ситуация более напряженная: «Я бы уж давно остриг длинные волосы, — признается он, — но нельзя: родители подумают, что они меня победили». Это уже открытое противостояние.

А бывает и так, что ребята идут на заведомую ложь, лишь бы «пустили», «не запретили», «отстали».

Все эти способы плохи тем, что, во-первых, мешают вам взрослеть, то есть становиться по-настоящему самостоятельными.

ми; во-вторых, приводят к конфликтам с родителями.

Я не хочу сказать, что в этих конфликтах бываете виноваты только вы. К сожалению, и взрослые не всегда правильно выбирают формы обращения с вами. Многие ребята пишут, что родители на них постоянно кричат, а некоторых и бьют.

В своих письмах вы спрашиваете, почему родители вас не понимают? И главное — как исправить положение?

Давайте сначала посмотрим на все глазами взрослых.

Говорит мама 12-летнего подростка: «Алеша только ростом стал большой, а психология все та же, детская. Не проследишь, и учебу запустит, и без шапки на улицу выскочит, или, чего доброго, не в ту компанию попадет!»

Родителям бывает трудно расстаться с мыслью, что вы уже не маленькие, и они по-прежнему считают, что за вами нужен глаз да глаз.

Вот и получается противоречие: вам важна **самостоятельность**, а родителям нужна **уверенность**, что с вами ничего плохого не случится. Если вы начинаете настаивать на своем и не слушаться, родители усиливают нажим, и все кончается криками, ссорой и наказанием.

Но и взрослым от ссор с вами отнюдь не сладко. Они живут в постоянном напряжении, огорчаются, плохо спят по ночам. Но как иначе с вами справиться — не знают.

А еще психологи обнаружили, что способы общения с детьми передаются в семье от одного поколения к другому. Например, если дедушка был строг к отцу, когда тот был маленьким, отец будет так же строг к своему сыну, то есть будет выговаривать сыну как бы голосом своего отца. Если строгий тон, резкие фразы «записались» в душе твоего папы, теперь он использует их против тебя. Такая «запись» происходит очень рано, еще в дошкольном возрасте. Дети начинают подражать родителям произвольно, сами не замечая этого. И именно поэтому «запись» манер предыдущего поколения и даже их взглядов на воспитание оказывается очень прочной.

Я помню случай, когда одна молодая мама просила психологов помочь ей наладить добрые отношения с дочкой. «Я постоянно кричу на нее, и чуть что — бью. Она стала совсем несча-

стным ребенком, а я ничего не могу с собой поделать». Рассказывая это, мама плакала.

В разговоре выяснилось, что ее точно так же «воспитывала» ее мать, то есть бабушка девочки, а бабушку — суровая ма- чеха.

Я говорю вам это для того, ребята, чтобы вы не думали, что если у вас складываются напряженные отношения с родителями, если они называют вас «невynosимыми», «эгоистами», «дураками», отталкивают от себя, а то и бьют, значит вы на самом деле такие плохие, а ваши родители — жестокие люди. Скорее всего у них было трудное детство. Попросите их вспомнить о том, как с ними обращались их родители. Эти воспоминания помогут им понять, что они невольно попали в «ловушку» неприятной психологической закономерности. Понять — и поискать другие, «человеческие» способы общения. Только для разговора с родителями постарайтесь выбрать такой момент, когда в доме все спокойно. Скажите, что вы огорчены тем-то и тем-то, что вас обижает то-то и то-то, что вы догадываетесь, что и родители не лучше.

Если предмет ваших конфликтов и споров — дела, в которые, по вашему мнению, родителям не надо вмешиваться, попробуйте составить вместе с ними такую таблицу.

Разделите пополам лист бумаги и наверху слева напишите: «Решаю сам», а справа — «Решаем вместе». А потом под каждой из этих надписей в столбик запишите несколько дел. Повторю: очень важно составить таблицу **вместе с родителями**.

Вот как это сделали в семье одного моего знакомого шестиклассника.

Решаю сам	Решаем вместе
Когда садиться за уроки.	Какой самый поздний час возвращения домой.
С кем дружить.	На что тратить карманные деньги.
Как одеваться, когда иду гулять.	Что делаю по дому.
В какой кружок ходить.	Куда иду после 8-го класса.

Не смущайтесь, если в левый столбец попадет сначала мало дел. Когда родители увидят, что вы успешно и без напоминаний справляетесь с делами, записанными справа, они не будут возражать против перенесения

их в разряд «Решаю сам».

А теперь я хочу обратиться к тем ребятам, которые больше всего нуждаются в нашей помощи. Если все попытки заключить с родителями мир терпят крах? Если «холодная война» зашла уже так далеко, что ни вы, ни родители не можете остановиться? Тогда вашей семье нужна помощь со стороны. Но ни в коем случае не отчаивайтесь. Постарайтесь найти близкого человека среди родных или друзей, такого, которому все можно рассказать. Не таитесь, облегчите душу.

В заключение хочу привести выдержки из письма Яны З. Оно показывает, как много в вас, ребята, добрых чувств и природной интуиции.

«Мне 14 лет, я учусь в 8-м классе.

Я считаю, что в жизни ребенка очень много значат отношения внутри семьи. Например, у нас в классе много ребят растет без отцов, многие постоянно конфликтуют с родителями. Я всегда стараюсь таким ребятам помочь, как-то поддержать их в моральном смысле.

Может им пригодятся мои советы, как улучшить отношения в семье.

Если родители ссорятся, ни в коем случае не поддерживай ни одного из них. Но и не оставайся в стороне. Предложи им всей семьей сделать что-нибудь полезное для дома или прогуляться. А проще всего сказать

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

маме и папе, что ты их очень любишь и поцеловать сразу обоих.

Если родители тебя обидели, не старайся им ответить тем же. Это приведет к огромной ссоре. Но и делать вид, что ты не обиделся, не нужно. Иначе родители привыкнут, что им все прощается. Просто надуй губы и скажи, что ты очень расстроен. Тогда мама или папа подойдут к тебе и поцелуют в макушку.

Если ты нагрубил родителям, не жди, когда они простят тебя сами. Обиды накапливаются, и потом их забыть все труднее. Подойди к родителям и скажи: «Извините меня, пожалуйста». Через некоторое время они остынут и в семье у вас будет мир».

Спасибо тебе, Яна, я охотно подписываюсь под всем, что ты сказала. Хочу выразить также глубокое уважение твоим родителям, которые передали тебе свою чуткость.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Вы самые близкие люди вашим детям. Поэтому вы можете быть для них источником как огромной радости, так и большого горя. Помните, что подросткам важно не столько то, как вы решаете их проблемы, сколько в **каком тоне** вы объявляете им свое решение.

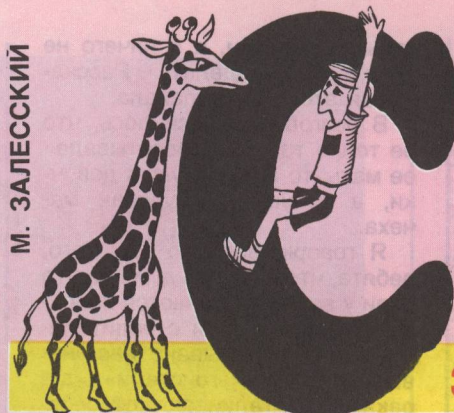
Юлия Борисовна ГИППЕНРЕЙТЕР,
доктор психологических наук.

Эти автомобили выпускают в Италии. Небольшие двухдверные машины очень современны, у них исключительно мощные двигатели и очень высокая скорость, до 250 километров в час. Разгоняет машину двигатель мощностью 225 лошадиных сил. Расход топлива 20 литров на 100 километров пробега.

СЕНТЯБРЬ

пн. 4 11 18 25
вт. 5 12 19 26
ср. 6 13 20 27
чт. 7 14 21 28
пт. 1 8 15 22 29
сб. 2 9 16 23 30
вс. 3 10 17 24

М. ЗАЛЕСКИЙ

СЕКРЕТЫ РОСТА

ЗАНЯТИЕ СЕДЬМОЕ

«**В**от повезло! — думают, наверное, многие из «самых маленьких» в классе, глядя на высокорослых сверстников и сверстниц. — Мне бы таким (такой) быть!»

А хорошо ли в самом деле быть высоким? Представь себе, не очень. Иначе не приходили бы в редакцию «Пионера» письма, в которых черным по белому написано: «Не хочу больше расти, помогите остановиться».

Чем же «недовольны» обладатели (обладательницы) большого роста? Ну, во-первых, конечно, тем, что они «длинные и худые как жерди», во-вторых, «нескладные и угловатые», в-третьих, «кому же понравится, когда тебя обзывают жирафом, каланчой и даже шваброй». Есть у высокорослых и более серьезные причины для недовольства. Они быстрее устают, чем ребята «нормального» роста, нередко уступают им и в скорости реакции, и в ловкости, и в выносливости, чаще болеют и хуже переносят физические нагрузки. Короче, те, «кто так высок...», тоже нуждаются в помощи, и сегодня речь пойдет именно о них.

Начну со случая, который произошел в ту пору, когда я был начинающим спортивным врачом... Присматриваясь к старшеклассникам, я обратил внимание на то, что в спортивных секциях занимаются, как правило, самые высокие и самые плечистые из них. «Наверное, только таких и записывают в секции, а остальных отсеивают», — подумал я и спросил у одного известного детского тренера:

— Почему допускается такая несправедливость?

— Никакой несправедливости нет, — ответил он. — Мы берем в секции из младших классов всех желающих, лишь бы вы, врачи, разрешили им заниматься. Есть среди них и низкорослые, и узкоплечие, и сутулые. Но после

пяти-шести лет регулярных занятий физкультурой и спортом, к окончанию школы, они нередко и в высоту и в «ширину» обгоняют своих неспортивных товарищей.

Мои наблюдения подтвердили слова тренера. Действительно, одни виды спорта фигуру как бы «вытягивают», а другие «расширяют», делают более коренастой, плотной, могучей.

Какие же упражнения направляют рост «в ширину» или, иными словами, чем полезнее всего заниматься «длинным и худым»? Думаю, нужно отдать предпочтение тем видам физкультуры и спорта, где основное — силовые нагрузки. В этом отношении мальчикам повезло. Они могут заниматься тяжелой атлетикой, вольной и классической борьбой, толканием ядра, атлетической гимнастикой, боксом и другими «мужскими» видами спорта.

Девочкам значительно труднее, хотя именно среди них большинство тех, кто переживает из-за своего большого роста. Что же «силовое» им посоветовать? Можно, конечно, записаться в секции акробатики, легкоатлетических метаний, культуризма, ушу или дзюдо, но, мне кажется, лучше начать с упражнений, которые предлагает известная американская киноактриса Джейн Фонда. Она возглавляет в США очень популярное физкультурное движение «боди билдинг», что означает «строительство своего тела». Комплексы упражнений «боди билдинг» делают фигуру более пропорциональной, гармоничной, изящной. Один из таких комплексов я рекомендую выполнять тем девочкам, которые растут «только вверх».

А теперь разберемся, почему высокорослые быстрее устают и чаще болеют. Оказывается, у них не все системы организма поспевают за бурным ростом тела. Но что значит «не поспева-

Рисунки Т. ИЛЬИНОЙ.

ют»? Значит, сердцу и сосудам труднее снабжать организм кровью, легким — кислородом, эндокринным железам — гормонами, иммунной системе — защитными веществами, нервной системе — приказами. Вот и результат...

Где же выход? И опять... на выручку приходят физические упражнения. Они-то и позволяют сердцу, легким и другим органам подрасти, окрепнуть, повысить работоспособность. Такие упражнения должны быть длительными, непрерывными и не слишком

интенсивными, можно даже сказать, спокойными. Выполнять их надо на пульсе примерно в 90—110 ударов в минуту или чуть больше. Упражнений очень много, но из всех возможных вариантов я бы предпочел такой: зимой — лыжные прогулки, летом — поездки на велосипеде или пешие туристические походы с рюкзаком. Еще раз подчеркиваю: во время прогулок, поездок или походов не надо торопиться, не надо превращать их в спортивные соревнования, а вот на что

следует обратить внимание, так это на их продолжительность (свыше двух-трех часов).

Помогут вам и плавание, гребля, катание на коньках. Занимаясь ими «для роста», надо также стараться выполнять их не в очень высоком темпе, но зато длительно. Именно такие «спокойные» длительные тренировки помогают сердцу, легким, мозгу и прочим органам «поспеть» за ростом тела.

Однако на этом проблемы высокорослых не заканчиваются. Им еще надо как-то справиться с тем, что они «нескладные и угловатые», что там, где требуются поворотливость и ловкость, им приходится сложнее «малышей».

Помнишь, у С. Я. Маршака:

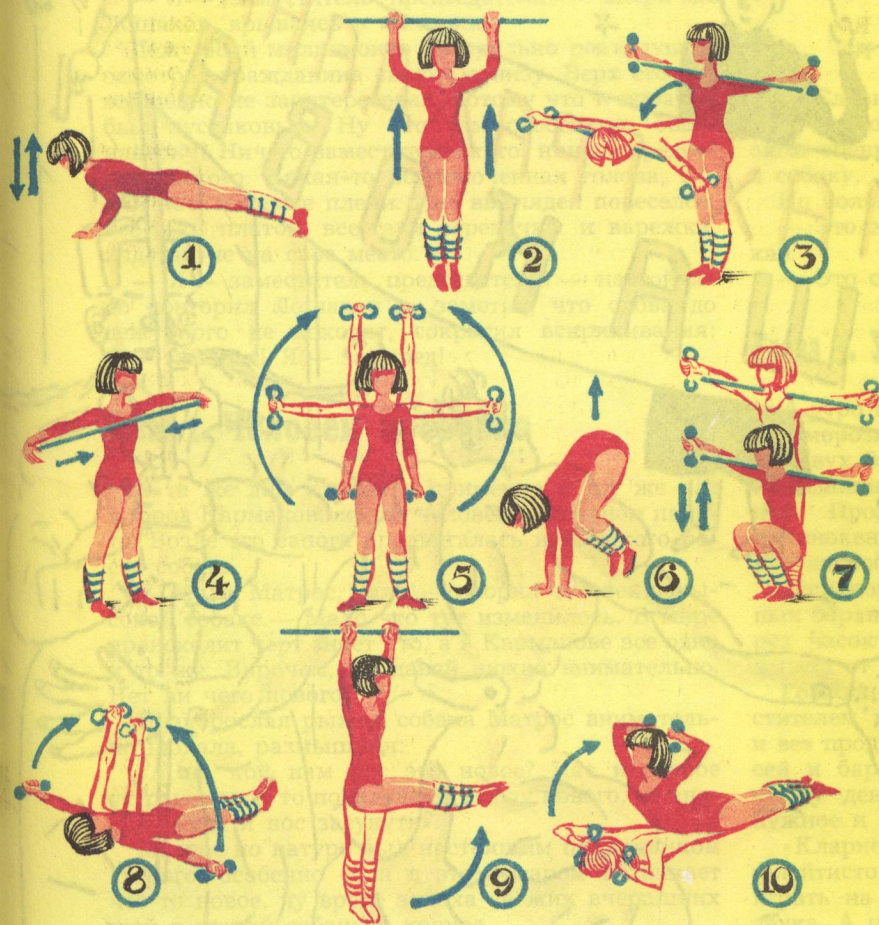
*Рвать цветы легко и просто
Детям маленького роста,
А тому, кто так высок...*

Сложности высокорослых связаны в данном случае с непропорциональностью роста отдельных частей тела, со «слишком длинными рычагами»: руками, ногами, шеей, с «торчащими» локтями, коленками, головой.

Можно ли со всеми этими «неудобствами» бороться? Можно, и снова при помощи специальных физических упражнений, тех, которые улучшают координацию движений, быстроту реакции, ловкость. Такими замечательными свойствами обладают игровые виды спорта. Однако баскетболом или волейболом желающим не расти вряд ли стоит заниматься. На мой взгляд, следует отдать предпочтение пинг-понгу, бадминтону, теннису, водному поло или хоккею.

Таким образом, используя различные виды физических упражнений, можно тем, кому «мешает» слишком большой рост, успешно справиться со многими трудностями. Что же касается обидных прозвищ... Когда у тебя под влиянием тренировок сформируется красивая, ладно скроенная фигура, прозвища отпадут сами собой.

А теперь обещанный комплекс упражнений из арсенала Джейн Фонда. Перед началом комплекса сделать обычную трех—пятиминутную разминку. Число повторов каждого упражнения в первые недели не больше пяти раз, постепенно увеличивая до указанного количества. Необходимый инвентарь: перекладина, палка длиной 1,3 метра, гантели по 3 килограмма, коврик.

1. Отжимание от пола. До 20 раз.
2. Подтягивание на перекладине с широко расставленными руками. До 10 раз.
3. Наклоны с палкой и гантелями. До 15 раз.
4. «Сжимать» палку изо всех сил по 3—5 секунд. До 15 раз.
5. Подъем и опускание гантелей через стороны вверх и вниз. До 15 раз.
6. Оперевшись о пол руками, поднять ноги и удерживать их до пяти секунд в указанном на рисунке положении. До 10 раз.
7. Приседания с палкой и гантелями. Спину держать прямой. Ступни ног не отрывать от пола. До 20 раз.
8. Лежа на коврике, прямыми руками поднимать и опускать гантели перед собой. До 15 раз.
9. В висте на перекладине сделать ногами прямой угол. До 10 раз.
10. Лежа на коврике и держа гантели за головой, максимально приподняться с ними от пола. До 10 раз.

ШУРА +
ВАСЯ

ЗДЕСЬ БЫЛ
ВАСЯ!

ЮРИИ КОВАЛЬ

ПРОМАХ ГРАЖДАНИНА
ЛОШАКОВА

ПОВЕСТЬ

КАРМАНОВ

ПСК

КУ

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Глава 1. Заместитель председателя

Гражданин Лошаков бежал босиком по голому снегу.

Он направлялся в город Курск.

В чистом поле, кроме снега, не было ни души.

На левую пятку гражданин Лошаков натянул беспалую варежку, а правую укутал носовым платком и подвязал веревочкой. От частых подпрыгиваний веревочка развязывалась, и тогда приходилось останавливаться. Приседая и подвязывая, гражданин шепотом ругал веревочку.

Впереди наметились контуры Курска.

— Я — заместитель председателя! — вскричал Лошаков, врываясь в милицию.

Дежурный милиционер Загоруйко равнодушно осмотрел гражданина сверху донизу. Верх его совершенно не заинтересовал, потому что и вправду был пустяковым. Ну что там особенного было наверху? Ничего заместительского, ничего председательского. Какая-то всклокоченная голова, синий нос, покатые плечи. Низ выглядел повеселее: все-таки платок, все-таки веревочка и варежка, надетая не на свое место.

— Я — заместитель председателя! — настойчиво повторял Лошаков и, заметив, что слова до дежурного не доходят, сократил вскрикивания: Я — зампред! Я — зампред!

Глава 2. Человек и собака

В те же дни и годы и примерно в тот же час в город Карманов входил человек в кожаном пальто. Возле его сапога продвигалась невысокого роста собака.

— Мало, Матрос, мало, — говорил человек невысокой собаке. — Мало что тут изменилось. В мире происходит черт знает что, а в Карманове все одно и то же. Впрочем, ты давай нюхай внимательно. Нет ли чего нового?

Низкорослая рыжая собака Матрос внимательно нюхала, размышляя:

«А на кой нам пес это новое? Нас и старое устраивает. А то понаделают всюду нового, не знаешь, куда и нос засунуть».

Матрос по натуре был настоящим поклонником старого, особенно если в этом старом возникает что-то новое, ну вроде запаха свежих вчерашних щей в старой собачьей конуре.

Жители города Карманова — кармановцы и кармановки — осматривали человека с собакой, прикидывая, где они могли его видеть. Один специалист по кожаным пальто, которого звали Сыроежка, отметил в своем блокноте появление на улице нового изделия из кожи.

Возле магазина «Наручные и карманные часы» человек в кожаном пальто остановился. Он долго рассматривал часы, выставленные в витрине.

— Нету, Матрос, нету, — сказал человек собаке. — Ничего подобного нету.

С этими словами он вынул из кармана собственные часы, щелкнул крышкой, и тут же раздалась мелодия:

*Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.*

— Славный бимбар, — послышалось за его спиной. Сыроежка заглядывал сбоку, наметанным оком оценивая все сразу: пальто, часы, человека и собаку.

Но больше его все-таки интересовало пальто.

— Это хром? — спросил он, щупая ногтем рукав.

— Это сталь, — ответил человек с часами.

Глава 3. Утро гражданина Лошакова

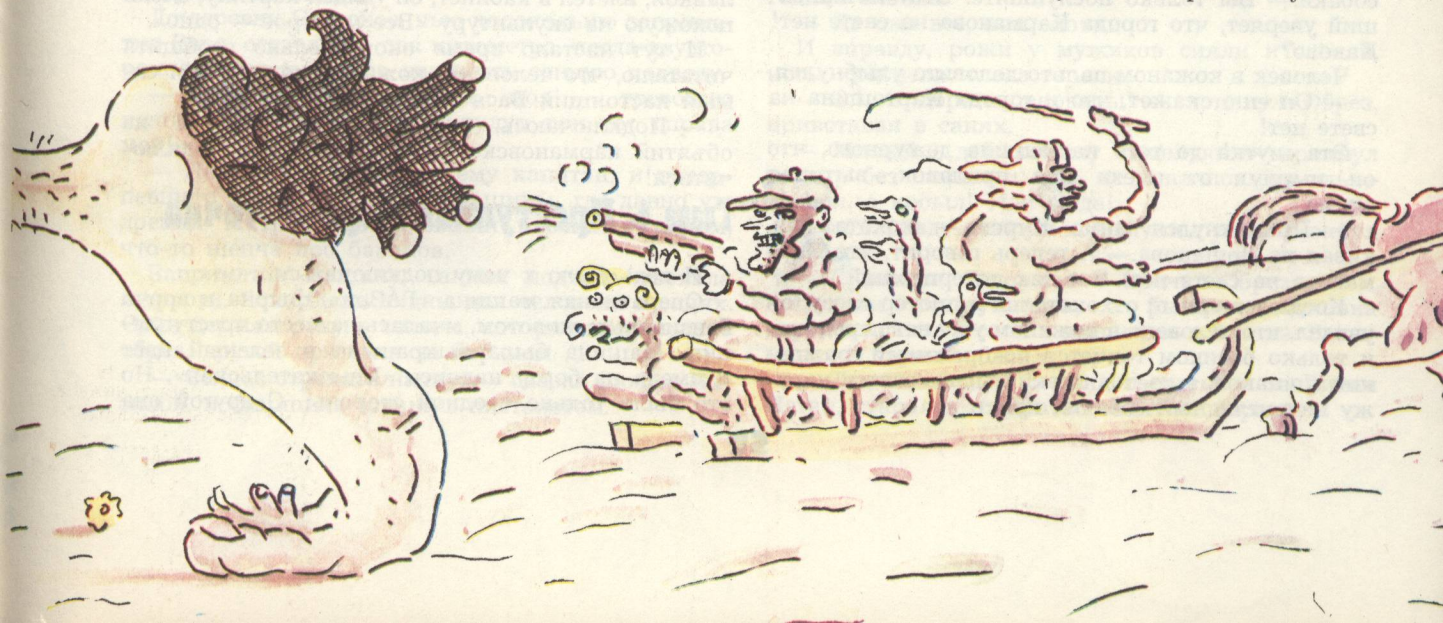
А утро в тот день выдалось великолепное. Доброе морозное утро: солнце и снега хруст.

«Двух баранов и четырех гусей, — думал утром гражданин Лошаков. — Воскресенье, день базарный. Продам гусей: Сидора, Никифора, Савву и Иннокентия и двух баранов, не имеющих имени. Гусака Зобатыча пока приберегу».

Лошаков надел сапоги и тулуп, кинул связанных баранов в сани, запряг кобылу Секунду и через часок был уже в чистом поле, километрах в пяти от родной деревни Болдиново.

Гражданин Лошаков был действительно заместителем председателя колхоза «Великие Лучи» и вез продавать колхозные принадлежности — гусей и баранов. Он надеялся выручить крупную сумму денег и купить для колхоза что-нибудь нужное и мощное, скажем, духовой оркестр.

«Кларнетистом назначим Мишку Дудкина, флейтистом счетовода, а сам я, как зампред, буду играть на геликоне — все-таки размер и густота звука. А председатель пускай в барабан стучит».

Секунда бежала, снежок хрустел, сани скользили, гуси взгатывали в мешках, а сам Лошаков щекотал баранов и думал о своей будущей игре на геликоне. Он даже надувал щеки, заранее прицеливаясь, как выдуть из геликона ноту.

— А ну-ка стой, мужик! — услышал вдруг он.

— Тпру... — сказал Лошаков, выбираясь из мечтаний и щекотания баранов.

Секунда стала.

Лошаков глянул вправо и увидел дуло нагана, глянул влево и заметил еще одно дуло, неприятное — большое и черное. Это было дуло обреза.

«Неужели бандиты?» — подумал Лошаков.

— Вылазь из саней! — сказали неизвестные, которые готовились пристрелить его на месте.

— Вы что, товарищи? — спрашивал Лошаков, вылезая.

— Скидай шубу и сапоги! Скинул?

— Скинул, скинул... скидаваю...

— А теперь скажи «спасибо», что живым оставили.

— Спасибо, — сказал Лошаков.

— Ноо-о-о, дохлятинка!

Гражданин Лошаков остался стоять на снегу босиком и сквозь глупые слезы следил, как два незнакомых разбойника уезжают на его санях, увозя безымянных баранов, не говоря уж о шубе, сапогах и гусаках.

«Хорошо хоть Зобатыча дома оставил», — думал Лошаков; поджидая, пока грабители отъедут подальше, и примериваясь бежать в город Курск.

Глава 4. Промах гражданина Лошакова

— И тогда я побежал в город Курск, — рассказывал Лошаков дежурному милиционеру Загорулько, притопывая босиком перед желтыми перилами.

— В Курск? — переспросил дежурный. — Вы пробежали мимо. Промахнулись.

— Как это так?

— Уж не знаю как. Очевидно, Курска вы не заметили. А это город Карманов.

— Какой еще Карманов? Никакого Карманова на свете нет.

Дежурный засмеялся, и в самый разгар его смеха в милицию вошел человек в кожаном пальто, а за ним и собака, которая сразу же спряталась под лавку.

— Подслушайте, товарищ!! — воскликнул Загорулько, обращаясь к вошедшему и не замечая собаки. — Вы только послушайте. Этот потерпевший уверяет, что города Карманова на свете нет! Каково?

Человек в кожаном пальто деловито улыбнулся.

— Он еще скажет, что и города Картошина на свете нет!

Эта шутка до того насмешила дежурного, что он нырнул от смеха под прилавок, вытирая слезы.

— Промахнулся мимо Курска, — хохотал он, кивая на Лошакова. — А теперь говорит, что Карманова на свете нет! Вот так потерпевший!

Когда дежурный отхохотался и протер слезу, он увидел, что человека в кожаном уже нет перед ним и только босиком топчется по-прежнему гражданин Лошаков, а из-под лавки высовывается наружу неприглядный собачий хвост.

Глава 5. Оперативное совещание

— Как хотите, а я этого больше не потерплю! — говорил капитан Болдырев, расхаживая по кабинету. — Они уже не то что выросли! Они — распространились! Рас-про-стра-нились! Немедленно удалите!

— Товарищ капитан! — оправдывался старшина Тараканов, сидя на огромном сундуке, который имел пятерное дно и был взят недавно как вещественное доказательство. — Товарищ капитан, войдите в мое положение.

— Не войду, — жестко отрезал капитан. — Немедленно сбрызнуть. Прямо сейчас, на моих глазах.

Капитан открыл стол, вынул из ящика опасную бритву, мыльный крем и помазок, которые, кстати сказать, скрывались в свое время на третьем этаже сундучного дна.

Старшина Тараканов потрогал печальным пальцем свои роскошные рыжие усы. Кажется, на этот раз защитить их не удавалось.

— Но есть еще доводы в пользу усов, — повторял он однообразно, отодвигаясь от бритвы, которую ему подсовывал капитан.

И капитан подsunул бы эту бритву, и пришлось бы старшине проститься со своим любимым телесным украшением, если б не скрипнула дверь и не заглянул без стука в кабинет человек в кожаном пальто.

— Вам кого, товарищ? — раздраженно спросил капитан. — Здесь оперативное совещание. Закройте дверь.

— Нет, нет! — вскричал старшина. — Совещание уже кончилось. Заходите!

— А я говорю: закройте дверь!

Товарищ в кожаном некоторое время слушал эти препирательства и наконец сказал:

— Приехал подключаться.

— Что такое? — не понял капитан, вглядываясь в посетителя. — Подключаться? Позвольте, это не вы проходили по делу о краже мешка картошки?

— А также по делу о хищении теленка гражданина Курицыной, — подтвердил вошедший, — а также по делу об убийстве инкассатора картошинского банка, а также...

— Василь Феофилич! — взревел капитан. — Неужто?

Старшина Тараканов, бледнея, поднялся с сундука и раскрыл объятия:

— Вася!

Тут капитан, старшина и человек в кожаном слились воедино в дружеском порыве, и когда милиционер Загорулько, возмущенный хвостом под лавкой, влетел в кабинет, он увидел картину, очень похожую на скульптуру «Все мы трое — одно».

И тут настало время окончательно сообщить читателю, что человек в кожаном пальто был самый настоящий Вася Куролесов.

— Подключаюсь, — говорил он, выходя из объятий кармановской милиции, — хочу подключиться!

Глава 6. Преступная черная точка

И ведь было к чему подключаться.

Оперативная машина «ГАЗон», фырча и ворча бензиновым животом, мчалась на место преступления. Машина была выкрашена в зеленый цвет и имела на борту надпись «Изыскательская». Но это было только с одной стороны. С другой она

была покрашена в синий и надпись имела «Сантехника».

Шофер Басилов жал на педали, рядом с ним трясся капитан. Гражданин Лошаков, к которому очень подходило слово «потерпевший», мучительно вздрагивал на заднем сиденье рядом с Васей и Таракановым. Потрясенный бандитским ограблением, он был еще дополнительно ошеломлен тем, что попал в город Карманов.

«Как же это я промахнулся мимо Курска?» — мучительно раздумывал он.

— Вот оно! — закричал Лошаков. — Вот оно, место преступления!

Машина остановилась, и место преступления чуть-чуть отодвинулось, не давая колесам себя изгадить.

В чистом поле, в чистом снежном поле лежало, как известно, место преступления. Ничтожной одинокою точкой под бесцветным небом. И ничего особенного на этом месте, конечно, не было. Только босые следы Лошакова, которые направлялись в город, как они думали, Курск, и следы санных полозьев, которые двигались в другую сторону.

— В город Картошин, — сказал старшина. — В Картошин поехали на рынок баранов продавать.

Машину развернули и поехали по следам санных полозьев в город Картошин, а место преступления осталось лежать в чистом поле под серым небом. Когда-нибудь послезавтра пойдет снег, занесет следы босых ног, растают к весне снега, вырастет на месте преступления клевер и ромашка девичья, и никто уже не узнает, что над ромашкою когда-то с гражданина Лошакова сняли сапоги.

«Вот так и ходи по земле, — размышлял Вася, — кто знает, простая ли это земля? А не место ли это простого преступления?»

Вася глядел на белые поля, на дальние деревни и видел там, вдаль за снегами, колокольню, а под нею какую-то черную точку. И поля, и деревни, и колокольня, и особенно эта черная точка казались ему связанными с различными преступлениями.

— Точка, — сказал он, поднимая палец, — возможно, преступная.

— Что еще за точка? — заворчал капитан. — Где бинокль?

Бинокль вытащили из-под сиденья, стерли с него, так сказать, машинное масло и направили окуляры на точку, возможно, преступную.

— Санная подвода, — сказал капитан и передал бинокль потерпевшему. — Гляньте, не ваша ли?

Потерпевший долго пристраивал бинокль к носу, крутил его и вертел.

— Не пойму, моя ли кобыла? Хвост вроде тот, а баранов не видно.

До деревни Спасское, чью колокольню заприметил Вася, оставалось два километра, когда двусторонняя машина стала настигать санную подводу.

— Моя кобыла Секунда, моя! — тревожно шептал потерпевший. — И тулуп вон тот справа мой!

— Ложись! — приказал ему капитан, и потерпевшего затолкали на дно машины, где давно уж дремал Матрос. Потерпевший съехался рядом, что-то шепча про баранов.

Заприметив машину, санная подвода съехала с дороги. Ясно были видны два человека в санях. Один держал руку в соломе, которая прикрывала обрез, другой прятался за бараном.

— Сейчас стрелять начнут, — сказал шофер Басилов, и старшина клацнул пистолетом.

«Вот тебе и подключился, — думал Вася. — Сейчас так ляпнут пулею в лоб — сразу отключишься... Эх, оружия у меня нет! Что делать? Остается одно — гипноз. Буду их гипнотизировать!»

И тут Вася предельно напряг свою переносицу, впился глазами в санную подводу, и его огромный гипноз устремился к бандитам.

Волны гипноза потянулись над снежным полем, поплыли медленно, опутали санную подводу невидимой нитью, и немедленно заснули в санях два гусака, зевнул баран...

— Слушай мою команду! — сказал капитан.

Глава 7. Варвары

— Кажись, погоня... зря мы того лопоухого живым оставили, настучал.

— Да нет, это не погоня. Это какой-нибудь председатель колхоза едет на скотный двор.

— А я говорю: погоня! Главное — стреляй первым. Как только машина встанет — сразу по стеклам!

— Съедем с дороги в сторону... в сторону! Тпру, дохлятинка!

«ГАЗон» настигал. Ржавый снег летел из-под его бензинового брюха. Секунда прыгнула влево, и сани врезались в снег. «ГАЗон» с ревом промчался мимо. Он ворчал и ворчал, удаляясь.

— «Сантехника», а ты говорил — погоня.

— Пронесло... — вздохнул Обрез, переводя дыхание. — Тыфу, черт, не пойму, что это в воздухе, нитки какие-то?!

— Паутина, что ли? — сказал и Наган, обтирая нос и лоб.

— Откуда зимой паутина?

Так и не разобравшись, откуда взялась паутина, и, конечно, не догадываясь, что это следы Васиного гипноза, они снова выбрались на дорогу и поехали к деревне Спасское. Миновали первые баньки и сараи, занесенные снегом. В деревне гоготали гусаки, а гусаки из мешков сдержанно им отвечали.

Было воскресенье, из-за сарая доносилась песня:

*Сладку ягоду ели вместе,
Горьку ягоду я одна.*

На дорогу вывалились три мужика в валенках и полушубках. Они шатались и горланили про сладку ягоду. Один шапку где-то потерял, размахивал руками, оступался и падал, его кое-как подымали. Под ногами пьяных крутилась собачонка. Она повизгивала и лаяла, недовольная хозяином.

— Во ведь пьяный, — сказал Обрез, — как новогодняя елочка.

— Да они все, как елочки.

И вправду, рожи у мужиков сияли и сизели, носы краснели, глаза горели.

— Эй, с дороги, варвары! — крикнул Обрез, приставая в санях.

— Милый... дай кобылу поцелую! — крикнул варвар без шапки и чуть не упал под лошадь. — Кобыл, а кобыл! Иди сюда!

И он вправду схватил кобылу под узду, чмокнул в нос.

— С дороги! С дороги! — кричал Обрез.

Пьяные раступились, а рыжая собачонка вдруг вскочила в сани и вцепилась в барана. Безымянный баран заблеял.

— Ты что это, а? Барана трогать! — закричал Наган, стараясь отодрать собаку от барана.

— Нет, я все-таки тебя поцелую! — услышал он в левом ухе и почувствовал, как его охватили ласковые милицейские руки, а собственные его руки оказались скрученными в один миг.

— Тпрру... приехали! — послышалось и в правом ухе, и Наган увидел, как обнимают варвары Обреза-напарника, а один из них с длинными рыжими усами тычет в нос Обрезу наган.

В город Карманов все отправились уже на двусторонней машине.

Гражданин Лошаков плелся следом за машиной на своей Секунде. Обрез все старался высунуться из окна и плюнуть в потерпевшего.

— Прекратите! — строго одергивал его старшина. — Это некультурно.

Глава 8. Стрелять только в лоб и по делу

Да, так уж сложилось дело. Обогнав бандитов, капитан Болдырев спрятал машину в деревне, за сараями. У какой-то бабки раздобыли валенки, у какого-то дедка — рваный полушубок, переоделись и вышли на дорогу встречать бандитов. Тут надо заметить, что всю операцию капитан продумал быстро и точно, но никак не ожидал, что старшина Тараканов затынет вдруг «Сладку ягоду» и станет целовать кобылу.

— И Матрос, конечно, меня удивил, — сказал капитан, когда они снова собрались в кабинете. — С чего он кинулся на барана? Это в план вроде бы не входило.

— Да нет, он кинулся на того, с наганом, —

сказал Вася, — а по дороге баран его отвлек. А вот вы, товарищ капитан, здорово придумали, я готовился брать их прямо в поле.

— Да ведь глупо: стрельба, жертвы. Проще было обогнать их и подождать в деревне.

— А я-то уж и гипноз приготовил. И уже начал, да вы мимо проехали.

— Какой гипноз?

— Свой собственный. У меня в голове гипноз очень сильный. Кого хошь могу загипнотизировать. На маму Евлампьевну бывало гляну, а она уж и на печку лезет. Трактористы тоже засыпают все подряд. Так и спят вповалку, пока не разбужу. Но в таком деле, как сегодня, гипноза, конечно, мало. Наган нужен, вы бы мне уж выдали наган, товарищ капитан. Да вы не беспокойтесь, я зря стрелять не стану. Я так размышляю: если уж стрелять — только в лоб и по делу.

— Кому же это ты будешь в лоб-то стрелять?

— Ну, не знаю, кому надо. По делу.

— Ты ведь в милиции не работаешь. В штат к нам не зачислен, какой же тут наган?

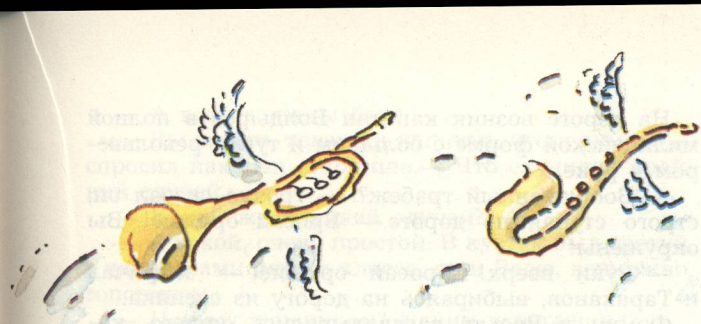
— Да я мучаюсь, — вздохнул Вася. — Я ведь в колхозе тоже нужен, механизаторов не хватает.

— У Васьки все ж таки специальность, — поддержал Тараканов. — Его надо понять. Но и в милиции, конечно, преимущества, проходишь всюду без очереди.

— Ладно, хватит болтовни! — сказал капитан. — Хочешь у нас работать — приходи и оформляйся. Не хочешь — гипнотизируй трактористов. Подключать тебя к серьезным операциям я больше не буду. Не имею права.

— Да как же, товарищ капитан? У меня же отпуск! Меня председатель отпустил, я всю техни-

ку отремонтировал. Весь отпуск буду с вами.

— Не знаю никакого отпуска, — сказал капитан, отвернувшись к несгораемому сейфу. — Только идиот проводит отпуск в отделении милиции.

Поезжайте в Сочи, гражданин. Или — в Сычи.

И тут Вася окончательно обиделся, что его называли «гражданином», хотя в этом слове нет, конечно, ничего плохого — только хорошее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАПИРОСЫ ПЯТОГО КЛАССА

Глава 1. Секретный пост

У лесной дороги, что вела из города Карманова в город Картошин, в густом кабаньем ельнике лежал капитан. По другую сторону дороги, в барсучьем сосняке тайлсы Тараканов.

Все это называлось «секретный пост».

«Что нам известно? — вспоминал капитан, глядя на дорогу. — А ничего нам неизвестно. Но только известно, что какие-то типы нападают в лесу на прохожих, отбирают колбасу и деньги. Колбасу тут же и съедают, а огрызки на месте бросают».

По огрызкам капитан вычислил место для секретного поста. Его это сильно раздражало, потому что любому неприятно работать с огрызками. Правда, кроме огрызков, найден был и обрывок бумаги, на котором сохранились печатные буквы: «Пап... осы... я... к... асс».

Капитан даже вздрогнул от возмущения, когда вспомнил, какую расшифровку, недолго думая, предложил Тараканов: «Папа и осы взяли кассу»!

— Какой еще папа? — сердился капитан. — Откуда осы?

— Чего плохого в «папе»? — спорил Тараканов. — А осы — это банда.

После дешифровки удалось установить, что это был обрывок от пачки папирос «Беломор», на которой, оказывается, и написано: «папиросы пятого класса».

— Ну, не знаю, — сказал на это Тараканов. — Я в пятом классе «Астру» курил.

Все эти воспоминания сердили капитана, но пожалуй, более всего волновало, что опять на шею ему навязался Куролесов. Позавчера приехал из деревни Сычи, дескать, окончательно решил вступить в ряды милиции и тут же упросил взять его с собою в засаду. Якобы он давно не сиживал ни в каких засадах и с детства мечтает в них посидеть.

«Мягкотелый у меня характер! — досадовал капитан. — Зачем я снова подключил его? Зачем?»

Конечно, капитан Бодырев сам на себя наговаривал. Характер у него был твердый, а Васю Куролесова он просто очень любил и знал, что на него можно положиться. Во многих делах именно Куролесов выручал капитана.

Сейчас Вася лежал в березнячке и дремал, рядом с ним спал и Матрос. Так они спали и дремали, пока не послышался в лесу какой-то треск.

«Тараканов, что ль, усами трещит?» — подумал Вася, но тут же усомнился в возможности треска усов, прислушался.

Из глубины леса к дороге пробирались люди. На

дорогу они не стали выходить, а улеглись в кустах. Как потом подсчитали, они лежали от Васи в шести метрах.

— Васьк, — услышал вдруг Вася, — Васьк!

Куролесов уже было приоткрыл рот, чтоб гаркнуть «А?», но в последний момент удержался и приложил палец к носу Матроса.

— Васьк, — послышалось снова, — а сколько их идет?

— Воруйнога и две вороны, — ответил в кустах голос какого-то другого Васьки.

«Сколько же Васек на белом свете! — подумал Куролесов. — Никогда не пересчитать. Бывают Васьки хорошие, а бывают и плохие. Вот, скажем, я. Какой я есть такой Васька? Уж, пожалуй, не хуже этого, что в кустах лежит. Голос-то у меня понежнее будет. А у этого — насморк. Смешно: два Васьки в одних кустах лежат».

— Васьк, — послышалось снова. — А чего они несут?

— Узлы, Фомич, узлы.

— А чего у них в узлах-то? — допытывался надоедливый Фомич. — Хорошо бы колбаса. Я уж очень колбасу люблю.

— Ну, ты, Фомич, не прав, буженина лучше.

— Мы уж сразу здесь, на месте, перекусим, а то Харьковский Пахан все отнимет. Ему припасы нужны, уходить хочет вместе с Зинкой.

— Куда?

— В Глушково, наверно, к Хрипуну, там спокойней... тише, тише, доставай дуру.

В кустах послышался какой-то черный лязг, и Куролесов понял, что это лязг нагана, когда взводят курок.

Глава 2. «Ридикюльчик»

По лесной дороге шли три человека: две бабы в черных платках, сильно, и вправду, смахивающие на ворон. С ними стучал пестылем и размахивал авоськами одноногий инвалид, которого называл Васька «Воруйногой». Все они тащили узлы и рюкзаки, разные сумки. Как видно, в Карманове они славно потрудились, походили по магазинам, потолкались в очередях и теперь возвращались домой, в деревню.

— Ты чего несешь в узле-то, Натоллий Федорыч? — спрашивала одна ворона Райка у Воруйноги. — Колбасу, что ли?

— Ага, Райка, колбасу вареную. Я ее уж очень люблю. А ты чего несешь?

— И я вареную. Потом баранки, пряники. Я это все тоже очень люблю.

Другая ворона Симка в разговор не встревала, но тоже несла в узле баранки и колбасу вареную и тоже все это любила. Еще она несла, прошу заметить, сумку, в которой была бутылка постного масла. Эту сумку ворона Симка для чего-то называла «ридикюльчик». В ней, кроме постного масла и пряников, лежал остаток в двадцать рублей.

Так, любя колбасу вареную и баранки, они шли через лес и забот не знали.

Как вдруг заботы дали о себе знать.

Из кабаньих еловых кустов на дорогу выскочили два человека, один с наганом, а другой с дубинкой в руках.

— Стой! Руки вверх!

— Ой, батюшки-радители! — заголосила ворона Райка.

— Не ори! — прикрикнул на нее Фомич и показал дубинку. — Чего в узлах? Колбаса?

— Колбаса, вареная, — испуганно пояснила Райка.

— А у тебя чего в портфеле? — сказал Фомич, щупая «ридикюльчик».

— Чего? — мрачно отвечала Симка. — Чего надо! — А ну, открой портфель, спекулянтка! Скорее открывай, а то сейчас пулю в лоб получишь.

И Вася с насморком погрозились наганом.

— Да на, смотри, грабитель, шелудивый пес! Смотри!

И ворона Симка вынула бутылку постного масла, и Фомич сунул свой нос в «ридикюльчик». Он живо выхватил оттуда облитой пряник, сунул его в рот и принялся жевать, продолжая рыться в «ридикюльчике». Пряник был облеплен какими-то нитками и крошками. Фомичу приходилось отплевываться:

— Тьфу-тьфу...

Глава 3. Бутылка постного масла

Куролесов по-прежнему таился в траве.

— Появись в крайнем случае, — сказал ему капитан.

— А какой же случай будет крайним? — спросил тогда Вася.

— Сам соображай.

И вот теперь Вася лежал и соображал, какой сейчас происходит случай? Вроде бы два негодяя отнимают колбасу у честных тружеников — явный крайний случай. Ну а вдруг потом будет еще и другой случай, еще крайнее?! Очень может быть. Если так уж твердо рассуждать, то за всяким крайним случаем обязательно лежит другой, еще крайнее, и к нему обязательно надо готовиться, а то, если первый крайний случай тебя не возьмет, следующий доконает.

Вася ясно видел, как ворона Симка открыла свой «ридикюльчик», как Фомич сунул туда нос, как зажевал пряник. Этот случай пока еще не был крайним, жевание пряника — дело житейское.

— Ого! — сказал Фомич. — Тут и денежки имеются! Двадцатка! — И он вынул двадцатку из «ридикюльчика» и сунул в карман.

В этот самый момент послышался железный голос, который прозвучал в специальный звукоусилитель — мегафон-двадцать четыре:

— Это что за безобразие???

Слово «безобразие» в исполнении усилителя прозвучало особенно страшно: «безо-зобо-барази-рази-азие»!

На дороге возник капитан Болдырев в полной милицейской форме с большим и тугим револьвером в руке.

— Вооруженный грабеж?! — грозно сказал он, строго ступая по дороге. — Бросай оружие! Вы окружены!

— Руки вверх! Бросай оружие! — закричал и Тараканов, выбираясь на дорогу из сосняка.

Фомич и Вася заглядывались, ничего, кажется, не соображая.

— Двое сбоку! — закричал Фомич. — Наших нет!

И в этот момент Симка подняла в воздух бутылку постного масла и грянула Фомича по башке. Бутылка кокнулась, и Фомич пал на дорогу, безвольно дожевывая пряник.

Вася с наганом стал нажимать курок, да что-то заело, выстрел никак не раздавался. Он явно забывал смазывать оружие. Воруйного звучно хрякнул и ударил по нагану костью.

— Взяли нас! Взяли нас, Фомич! — закричал Вася, падая на колени.

И тут их вправду взяли, и Вася Куролесов видел, как их повели, и слышал, как ворона Райка говорит:

— У меня тоже есть постное масло, да я достать не успела.

— Ты уж мне отлей хоть с четвертинку, картошку не на чем жарить, — ворчала Симка. — Я своим постным маслом вашу жизнь защищала.

«Пожалуй, дело кончено, — думал Куролесов. — Крайнего случая больше не представится. Надо выходить».

В кустах позади него хрустнула веточка. Вася оглянулся.

Глава 4. Придирки капитана

— Запропастился! — сказал капитан. — Просто запропастился! Другого слова не подберешь.

— Куда девался Вася? — тревожно шевелил усами Тараканов. — Куда запропастился?

Капитан нервничал, и в такие минуты его особенно начинали сердить усы Тараканова. Так и сейчас он прошелся по кабинету и вдруг остановился возле усов.

— Пора, кстати, вернуться к разговору насчет ваших усов, — сказал он. — Опять они были не к месту.

— Да как же так?

— А так. Мы с вами на дороге должны были появиться одновременно, а вы задержались на пять секунд.

— Да, наверно, часы...

— При чем здесь часы? Я сам видел, как вы зацепились усами за сосенку и выпутывали их пять секунд. Я нарочно засек время. Да вон и сейчас в них еще торчат сосновые иголки.

Усы старшины немного подернулись золотой смолой и смахивали издала на сосновую ветку, подсвеченную солнцем.

— Так это же нарочно, товарищ капитан, — оправдывался Тараканов. — Это же маскировка, военная хитрость.

— Сосновая ветвь в милицейской фуражке — дикое и тупое зрелище, — перебил его капитан.

Несколько секунд они молчали, и старшина виновато вынимал из усов иголки специальными щипчиками для колки сахара.

— Вы проверили, что курят задержанные?

— Проверил. «Памир» и «Астру». Папирс пятого класса нету.

— А ведь должны быть!

— Вы знаете, товарищ капитан, что я думаю? — спросил наконец старшина. — Что случился крайний случай.

— Какой же крайний случай?

— А такой, очень простой. В кустах был третий, с папиросами пятого класса, и он Васю, возможно, топориком.

— Почему топориком? Каким топориком?

— Не знаю, но мне почему-то кажется... топориком.

Глава 5. Крайний случай

Тень, какая-то тень скользила от сосны к сосне, доплыла до елочек, легко поползла к дороге.

Человек с квадратной головой, как потом подчитали, прополз от Васи в двух шагах, дополз до пня и, прикрываясь обломком сосновой коры, выглянул на дорогу.

Медленно, неторопливо, обстоятельно он вынул из-за пазухи пистолет, положил его на пенёк и стал целиться в кого-то на дороге.

С дороги между тем доносились слова:

— Все постное масло об него изгадила.

«Какая башка квадратная, — думал Вася, — пожалуй, это и есть тот Харьковский Пахан, про которого Фомич говорил. Вот он, крайний случай. Надо прыгать!»

И Вася сжался в тугую милицейскую пружину и уже чуть-чуть разжался и даже почти полетел по воздуху, чтоб рухнуть на плечи квадратной головы, но тут квадрат убрал пистолет, бесшумно плюнул и пополз обратно через лес. От сосны к сосне, от березы к березе он переполз весь перелесок, пересек на четвереньках гороховое поле и очутился на окраине города Карманова на улице Сергеева-Ценского, дом 8. Через три минуты, как потом подчитали, возле этого дома был и Вася Куролесов, а с ним молчаливая собака Матрос.

Дом номер 8 выглядел одноэтажно, с терраской. Откуда-то из форточки сильно пахло табаком, пожалуй что и пятого класса.

Матрос, который все это время помалкивал, неожиданно заскулил, закрутился у Васиных ног, не желая, чтоб хозяин заходил в этот дом.

А занавесочка-то, занавесочка! Занавесочка с плюгавенькими рыжими цветочками на окошке дома вдруг шевельнулась, и какой-то сорочий глаз из-за этой выглянул занавесочки и вперился в Васю. И тут Вася шепнул потихоньку Матросу:

— Беги в отделение!

Ну что тут оставалось делать собаке? И Матрос побежал исполнять этот тихий приказ.

Конечно, любая другая собака на месте Матроса стала бы спрашивать: зачем да почему? Возникла бы перепалка хозяина с собакой, что нередко еще бывает на улицах Карманова и других соседних городов. Это всегда выглядит как-то неприлично, стыдно становится и за хозяина, и за собаку.

А Матрос не стал спорить. Отбежав на другую сторону улицы, он, шмыгая носом, наблюдал за своим хозяином.

Вася пошел к калитке, не зная и не соображая, что будет сейчас делать. А сорочий-то глаз тянул, притягивал, манил из-за этой поганенькой занавесочки.

Понимал, конечно, Василий Куролесов, что идет он к дому напрасно и зря, что на самом-то деле надо бы ему, а не Матросу бежать в отделение

и рассказать капитану про Зинку и Харьковского Пахана. Да ведь «они» могут за это время из дому уйти, а то, что в доме, от которого пахло папиросами пятого класса, были «они», Вася не сомневался.

И он стукнул в дверь. Подробно стукнул. Условным как бы стуком.

Дверь сразу открылась, и баба с вострым носом и сорочьим глазом сказала:

— Ну?

— Зинка? — так же прямо и грубо спросил Вася.

— Ну?

«Попал, — мелькнуло в голове. — В точку».

— Позови Пахана, — сказал он.

— Чего? Какого Пахана?

— Харьковского.

— А ну, вали отсюда, пока цел, — проворчала Зинка.

Но тут огромная и ноздреватая объявилась за Зинкиной спиной квадратная будка с двумя отверстиями для глаз и кнопочным носом. Будка что-то жевала, во рту у нее гремял какой-то железный сухарь. Кроме грома сухаря, пылала в этом рту и папироса, в которой Вася сразу признал пятый класс — «Беломор».

— Пахан? — спросил Вася.

— Ну? — ответила Будка.

— Да что это вы все «ну да ну». Баранки гну. Не хотите — не надо, я пошел.

И тут же рука с лопатными ногтями ухватила его за шиворот, втащила в дверь и расставленно, с угрозой промывчала:

— Ну?

Пора было что-то отвечать, и Вася помигал глазом, понизил голос и сказал:

— Я от Фомича. Его взяли.

— Где видел?

— В отделении. Так вот, велел передать, чтоб уходили послезавтра.

— Послезавтра? — удивился Пахан-Будка-Квадрат. — Почему послезавтра?

— Завтра-то он еще будет держаться, а уж послезавтра расколется. Он сам сказал: «Продержусь сутки, а потом расколюсь».

— Ага-ага! — закивал башкою Пахан Харьковский. — Расколется, значит, гад. А ты по фене ботаешь?

— Чего?

— Ты по фене ботаешь?

— Я-то ботаю, — ответил Вася. — А ты-то как?

Глава 6. Полет милицейского пресс-папье

Известная нам двусторонняя оперативная машина недавно вернулась из ремонта. Она так и осталась двусторонней, только вместо слова «Изыскательская» написали теперь «Спецобслуживание», а вместо «Сантехники» — «Гостелерадио».

— Оставили бы «Сантехнику», — ворчал Тараканов. — На сантехника я еще более-менее похож, а на телекомментатора не слишком. Тут уж вы, пожалуй, товарищ капитан. У вас и глаза цвета «маренго».

— Сбреете усы — сразу станете телезвездой, — обещал капитан.

Машина мчалась в кармановский ельничек, в барсучий соснячок на розыски пропавшего Ку-

ролесова. Но, как потом подсчитали, ровно через три минуты после того, как она умчалась, в отделение милиции города Карманова вбежала рыжая собачонка с невзрачным колхозным хвостом. Если б хвост у нее был более городским или дежурный милиционер Загорулько более деревенским, дело могло кончиться иначе. Дежурный хотя бы задумался: где ее хозяин? Он, конечно, прекрасно вспомнил, что это собака Васи Куролесова, но никакого уважения к ней не испытал, тем более что и сам-то Куролесов дежурному не нравился. Слишком уж нахваливал его старшина.

И Загорулько топнул на собаку сапогом, ударил по столу пухлой папкой протоколов, а потом схватил эдакое пресс-папье и метнул его в собачонку с криком: «Долой животных из отделения!»

Пресс-папье в полете развалилось на составные части. Деревяшки и бумажки посыпались-полетели на пол, и перепуганный Матрос влетел в камеру предварительного заключения, из которой только что выпустили гражданина Сыроежку.

— Вот и посиди там, — сказал Загорулько. — Подожди хозяина. — И он защелкнул камеру на ключ.

Матрос заметался по камере, вспрыгнул на нары и встал на задние лапы, пытаясь дотянуться до решетки окна. Но и человек-то до нее не мог дотянуться, куда уж тут собаке с деревенским хвостом. С десяток минут Матрос беспокойно метался по камере. Он не выл и не лаял, он метался. Вдруг почувствовал что-то родное, знакомое, снова вспрыгнул на нары, прижался к потертой стене и успокоился.

Не знаю уж, про что он думал, но скорее всего, что собаке срока не пришьют. Над ним на стене виднелась полустертая надпись: «Вася и Батон тянули здесь...» Далее надпись совершенно стерлась, и чего они здесь тянули и сколько вытянули, было никому не известно.

Глава 7. Подручные средства

В это время, задыхаясь, спотыкаясь и чертыхаясь, старшина Тараканов продирался по кармановскому ельнику. За ним неторопливо шагала капитан. Старшина шел зигзагами или, как он говорил, «собачьим челноком», а капитан выдерживал прямую линию.

Прямая капитанская линия привела к носовому платку, который лежал в траве. В уголке платка был вышит маленький розовый поросенок.

— Васькин фирменный знак, — заметил старшина.

— Кажется, дело чрезвычайно опасное, — задумчиво сказал капитан. — Платок — для нас.

— Платок платком, а больше ни следочка. Эх, сам ведь я научил его двигаться бесследно.

— Должен быть след, — уверенно сказал капитан. — Куролесов не дурак, он должен использовать подручные средства. Уж если он оставил носовой платок, он нам весь путь покажет.

— Не знаю, какие у него еще остались подручные средства, — сказал старшина. — Брюки снимет? Иль ботинки?

— Тебе-то было бы легче, — заметил капитан Болдырев. — Протянул ус от дерева к дереву, на пару километров хватит.

Старшина закашлялся, достал из кармана маленькую подзорную тру-

бу и принялся осматривать местность. Он знал, конечно, в каких случаях капитан переходит на «ты». В нехороших.

— Вижу подручное средство,— доложил старшина.— Вон оно — на дереве висит.

Шагах в тридцати от них на сосне висел грибомасленок, нахлобученный на сучок.

— Не белочка ли? — засомневался капитан.

— Может, и белочка, а скорее Васькина лапа.

Они подошли к масленку и вдруг увидели впереди, на другой сосне — новый масленок. Старшина снял первый масленок с сучка и положил его в кепку, снял второй и тут же увидел третий. Скоро в кепке его было уже десятка два отборных маслят, потом пошли подосиновики и подберезовики, два моховичка, пара хорошеньких белых.

— Вы что, солить их будете? — спросил капитан.

— Солить не солить, а на жаревое тут наберется.

Глава 8. Вася ботает и чирикает

Рука с квадратными ногтями втащила Васю в сени, без всяких затруднений проволочка по

коридорчику, спустила по крутой лестнице куда-то вниз, в район погреба.

— Пстой! Пстой! — тормозил Куролесов каблуками.— А в чем, собственно, дело? Не время для шуток.

Квадратная Будка сопела, протаскивая его через ящики и бочки. Где-то наверху вспыхивал и возникал Зинкин сорочий глаз:

— Осторожно! Осторожно! Бутылку не разбей. Не опрокинь бак с огурцами!

Но бак, за который Вася зацепился карманом, все-таки опрокинулся, полился из бака укроп с рассолом, а в укропе, в хреновом листу, как рыбы в водорослях, скрывались огурцы. Они попрыгали из бака, захлопали хвостами, разбежались.

— Только не по огурцам! Только не по огурцам! — кричала Зинка.— Огурцы перетопчете!

Но Вася чувствовал, что его тащат все-таки по огурцам, они лопались под каблуками, как рыбы пузыри.

Тут вдруг выскочила откуда-то трехлитровая стеклянная банка, блеснул в сумраке погреба бутылочный бок, кривая трещина перечеркнула стекло, банка развалилась и жутко, страшно, таинственно в погребе запахло маринованным чесноком.

— Чеснок??? — орала теперь сверху Зинка.— Маринованный чеснок разбил?!

Наконец Васю плюхнули на ящик. У ног взвизгивал чеснок и подло ворчали уцелевшие огурцы.

И Вася понял, что, если уж вокруг него опрокидывают огурцы и бьют чеснок, дела его плохи.

— Осторожно! Чеснок! Огурцы! Осторожно! — орала Зинка, заглядывая сверху в погреб. Ее кудлатые космы свешивались в погреб, как абажур.

— Че! — грозно прикрикнул Пахан, вытalking абажур наверх.

— Не понимаю,— сказал Вася, отдышавшись.— За что ко мне такие применения? Я же всей душой и телом, а меня чесноком душат.

— Так ты по фене ботаешь?

— Ботаю. Изо всех сил ботаю.

— А по-рыбьи чирикаешь?

— Чирикаю.

— Врешь, скворец! На бугая берешь! Порожняк гоняешь! Лапшу на уши двигаешь!

— Не двигаю, не двигаю я лапшу! — закричал Вася, потому что увидел, что Пахан сунул руку в карман, в котором тяжело болтался пистолет.

«Ну, попал! Вот уж попал-то! — лихорадочно думал Вася.— Феня — ведь это бандитский язык, а я-то его не знаю, не ботаю и не чирикаю. Что ж делать-то? Гипноз! Скорее гипноз!»

И он сморщил переносицу, но гипноз, собака, никак не появлялся, затаился, напуганный запахом чеснока.

«Ну тогда разумом, тогда разумом,— думал Вася.— Возьму его разумом, неожиданной мыслью. Задавлю интеллектом».

— За что такие придирки? — высказал вдруг Вася эту неожиданную мысль.— Почему глубокое недоверие? — продолжал он давить интеллектом.— Я же предупредил, меня же и угнетают?!

— Феню не знаешь,— сказал Пахан и покачал квадратную будкой.— Ну скажи, что такое «бимбар»?

— Так вот же он, бимбар. Вот он!

И Вася вынул из кармана часы.

— А ну, дай сюда.

Пахан схватил часы, щелкнул крышкой, и часы взвырали:

«Здравствуй, моя Мурка,
Здравствуй, дорогая.
Здравствуй, а быть может, и прощай...»

И здесь автор должен, конечно, отметить редкую способность знаменитых часов: приспособляемость к обстоятельствам.

— Мурку играют? Все равно, твое-то время истекло. — И он сунул часы в собственный карман. — Не знаю, откуда ты, да только мне ты живой не нужен.

Пахан зевнул и достал пистолет. И самое страшное показалось Васе именно то, что он зевнул.

— Нет, нет, — сказал Вася. — Я еще живой прижогусь.

— Только не мне, — сказал Пахан и сразу нажал курок.

Грянул выстрел — и пуля-дура полетела в открытую Васину грудь. И последнее, что слышал Куролесов, был глупый и неуместный сверху крик:

— Только не по огурцам!

Глава 9. Уходящая галоша

По маслятам да по моховикам капитан со старшиною добрались до улицы Сергеева-Ценского.

— Помню, брали тут двух самогонщиков, — сказал старшина. — Трудное было дело: они из самогонных пулеметов отстреливались, но мы их пустыми бутылками забросали.

— Ищите след, — прервал капитан неуместные воспоминания. — Грибов больше не видно.

— Как же не видно? Вон он, гриб, висит на заборе.

На заборе висела свинуха, тот самый гриб, который называют дунькой и лошадиной губой.

— Из-за этого самого забора они нас сивухой поливали, — задумчиво вспоминал Тараканов. — Инспектор Нахабин в обморок упал, но мы...

— Хватит, — сказал капитан. — Ищите следующий гриб.

Но больше, сколько ни оглядывались, грибов они не нашли ни пустым глазом, ни подозрительной трубой. Единственное, что бросалось в глаза, была рваная галоша, лежавшая посреди дороги.

— Прекрасно помню эту галошу, — сказал старшина. — Она как раз болталась на ноге у самогонщика, когда инспектор Нахабин достал пистолет, но полковник Двоекуров сказал: «Не стрелять», — и галоша от ужаса упала. Только раньше она валялась вон там, у забора. Так-так... Это Васкина лапа! Галоша как подручное средство! Талантливый паренек! Нам надо идти в направлении галоши.

— Пошли, — сказал капитан, и они двинулись в ту сторону, в какую как бы шла эта галоша.

— Интересно, что будет дальше? Опять галоша?

— Ну нет, — сказал старшина, — вторая галоша осталась у самогонщика. Когда полковник Двоекуров приказал брать их живыми, мы с инспектором короткими перебежками...

— Хватит о самогонщиках! — приказал капитан. — Ищите след.

— Слушаюсь... так что второй галоши не будет... молчу, молчу... Итак, Куролесов хватает первое попавшееся под руку. Ему некогда, он торопится, надеясь на нашу смекалку. А уж смекалка у нас есть. У нас много смекалки. Вот глядите — консервная банка! Вот она, где смекалка-то!

— Не вижу здесь особенной смекалки, — заме-

тил капитан. Он, кажется, немного ревновал к такой большой таракановской смекалке. Кроме того, капитан чувствовал, что Тараканов своей неумеренной смекалкой защищает право на ношение рыжих усов.

— Баночка лежит ненатурально! Она лежит донцем к нам, а дыркой чуть правее. Надо и нам подаваться правее.

Они подали правее и скоро наткнулись на бутылку из-под «Нарзана», чье горлышко забирало еще правее.

— Так, — сказал старшина, — глянем по направлению бутылочного горлышка. Так, так. Улица Сергеева-Ценского, дом 8.

— Надо проверить, — сказал капитан.

Здесь автор должен на всякий случай отметить, что капитан и старшина были в штатском.

— Нехороший дом, — сказал капитан, принюхиваясь, — от него чем-то пахнет.

— Не укроп ли?

— Да нет, чесноком и, кажется... порохом.

— Папиросы пятого класса... Вон окурки валяются.

Долго и нудно капитан стучал в дверь. Профессиональный стук капитана растряс английский замок, в нем что-то пискнуло, и дверь отворилась.

Капитан осторожно ступил в дом. Усы Тараканова потянулись за ним. В сенях было пусто. Оцинкованные баки валялись в углу и разбитые умывальники, а в комнате капитан сразу увидел большой шкаф-гардероб.

В шкафу что-то слышалось и шевелилось.

— Там кто-то есть! — знаками показал капитан Тараканову, который постепенно всасывался в комнату.

«Надо брать!» — ответил усами старшина.

«Валяйте!» — взглядом приказал капитан.

Старшина подкрался к шкафу, распахнул дверь и просто крикнул:

— Вверх!

И тут же из шкафа — руки вверх! — выступил человечек с небритым подбородком.

— Меня сюда запрятали, — сказал он, улыбаясь.

— Кто вы? — сбоку с револьвером в руке спросил капитан.

— Я — Носкорвач. Носки рву. Мне мама, как купит носки, два дня поношу, глядишь — уже дырка на пятке. «Тебе, — говорит, — надо железные носки». Но я и железные разорву. Пойдемте в шкаф, я покажу, сколько там рваных носков валяется. Даже неудобно.

Минуты через три, как потом подсчитали, капитан Болдырев и старшина Тараканов поняли, что перед ними круглый сумасшедший. Он совал им под нос рваные носки, зазывал их в шкаф, просил подобрать пару какому-то подозрительному носку в полосочку, в общем, валял большого дурака.

— Слушай, Носкорвач, — раздраженно сказал старшина, — кто тебя в шкаф запрятал?

— О! — напугался Носкорвач. — Это большая тайна!

Тут он принялся раскачиваться, читая стихи Редьярда Киплинга:

*Это рассказывать надо
С наступлением темноты,
Когда обезьяны гуляют
И держат друг другу хвосты...*

— А вы ведь не обезьяны, — неожиданно трезво заметил он. — Вы — оперативники, вам рассказывать я никак не могу.

— Мы тебе новые носки подарим,— заманивал старшина.— С шерстяною пяткой.

— Правда? — обрадовался Носкорвач.— Ну, тогда скажу: «Пахан». Только мне носки сорок третьего размера.

— Для тебя хоть сорок четвертого.

— Ну, тогда я все расскажу. Пришел человек. А Пахан чай пил. Вот они вдвоем и убежали, а меня в шкаф запертали. Сиди, говорят, пока за тобой не придут. Нет ли у вас пирожка с печенкой? А еще я люблю жареные грибы и вообще мне надо побольше снеди. У вас есть снесь?

— Снеди нету! — строго отвечал старшина.

— Как же так? Оперативные работники, а снеди не имеют! Странно!

— Куда же они убежали? — спросил капитан.

— Туда, где шарики катаются.

Глава 10. Взгляды в полной темноте

Пуля-дура, как уже говорилось, вылетела из пистолета и полетела в открытую Васину грудь. Быстро, стремительно преодолевала она сантиметр за сантиметром и скоро должна была вонзиться в сердце.

Она летела и по дороге немножечко умнела. Не всякая же, черт возьми, пуля — дура! Я знаю, кстати, немало дур, но не все же они — пули!!!

Надо сказать, что эта пуля была умней других, интеллигентней. Она понимала, что вонзиться в грудь беззащитного Васи нехорошо, подло, безнравственно. Она хотела немного изменить направление, да сделать это было очень трудно.

«Пороховые газы толкают, чтоб им пусто было,— думала пуля, летя.— Вася, Васенька, увильни. Ну хоть на пару сантиметров».

И Вася почувствовал ее немой призыв, дернулся в сторону и потерял сознание, а пуля пробила пиджак и вонзилась в грудь брюквы. Как потом подсчитали, она пробила одну за одной 49 брюкв и два кило моркови.

Вася дернулся и затих.

— Этот готов,— сказал Пахан, схватил совковую лопату и завалил Васю брюквою.

Муть, великая муть навалилась на Васю. Брюк-ва погребла его тело, великая муть окутала душу. И тяжело стало его душе. Она металась, раздваивалась и не знала, как дальше быть. И особенно тяжело было этой душе оттого, что перед нею в будущем только два пути: или работать трактористом, или идти в милицию. Где же третий, настоящий, истинный путь? Ну, не под этой же тяжелой и грязной брюквой?!

И тут мы, конечно, должны отметить, что Васи-на душа была не права. Ну чего такого плохого работать в милиции? Ходи себе, да арестовывай, кого надо. Никакого особого напряжения, не дрова колоть. Или трактористом — сидишь да па-пешь! Красота! Не права была душа, потрясенная выстрелом, вовсе не права.

Пока душа его металась и размышляла, сам Вася был совершенно без сознания. Он ничего не осознавал, кроме того, что его все-таки убили.

«Неприятно-то как», — думал он.

Наверху над ним кто-то топал, бухал, потом все затихло.

Тьма и тишина погребла убаюкивали Куролесо-ва, он лежал, не шевелясь, пока не услышал какой-то шорох. Не мышка ли?

Вася отодвинул бровью брюковку со лба, высу-
нул наружу живой глаз, но мышку не увидел.

Беспробудная тьма окружала Васю, и холод,
тусклый холод пронизывал его насквозь, гнилой
холод, нехороший. В холоде очень хотелось есть,
и Вася стал грызть огурцы и отвратительно слад-
кую брюкву.

«Капитан-то, конечно, найдет меня,— думал
он.— Найдет, если будет от платка танцевать».

Этот возможный танец капитана и старшины
слегка успокаивал душу, но холод проникал
в грудь, и Вася замерзал, чувствуя, что превраща-
ется в брюкву.

«А Матрос? — думал Вася.— Где же Матрос?
Он-то мог бы хоть подкоп сделать».

Конечно, Вася не знал, что Матросу надо было
делать два подкопа. Сам он по-прежнему сидел
в камере предварительного заключения и разду-
мывал на тему: можно ли собачьим носом проши-
бить бетонный пол?

«Как жалко, что человеческий глаз не видит
ничего в темноте,— печалился Вася,— сова видит,
а я — нет. Надо бы научиться, натренироваться».

От нечего делать он яростно стал напрягать
зрение, но не виделось ни зги.

«Начну с малого,— думал Вася.— Попробую
увидеть собственную руку».

Он поднес пальцы к носу, и долго-долго нахму-
ривал брови, и вдруг разглядел что-то, не пой-
мешь что.

«Мираж! — подумал Вася.— Какой-то мираж!»

Но нет, это был не мираж, это был ноготь боль-
шого Васиного пальца. Тот самый знакомый но-
готь, аккуратно постриженный в прошлом году
садовыми ножницами, когда все трактористы об-
рабатывали колхозный сад.

«Боже мой! Неужели это он! — восклицал про
себя Вася,— неужели у меня появляется ночное
подвальное зрение?»

Тут Вася покивал себе ногтем и стал напря-
гаться дальше. Скоро в поле напряженного зре-
ния появился указательный палец, за ним сред-
ний, безымянный. Только мизинец никак не под-
давался.

«Тонковат», — думал Вася.

Примерно через час взгляд его добрался до
мизинца, и Вася приказал зрению двинуться
дальше, напрямик, к бочке с капустой. Зрение
двинулось, рассекая темноту.

Бочка долго не объявлялась. Наконец, что-то
задрожало, замаячило бочкообразное вдали, но
виделось призрачно, зыбко и шатко. То и дело
возникали какие-то продолговатые помехи.

«Тут уж не до четкости изображения», —
рассуждал Вася, обретающий ночное полутелеви-
зионное зрение.

Вдруг он услышал какой-то шорох. Кто-то ко-
рябался внизу, под брюквой. Неужели Матрос?
Неужели подкоп Матроса под погреб?!

Тут брюкva зашевелилась и из нее высунулось...
О, боже! Неужели такая огромная крыса?! Что
это? Какой Матрос? Какой подкоп?

Ночным своим, почти уже совсем телевизион-
ным голубым зрением Вася увидел руку! Чело-
веческую руку, которая, разбрасывая брюкву, тя-
нулась к нему. На этой руке блистал серебряный
перстень с бирюзой!

Ужас охватил Куролесова. Никогда прежде он
не видел таких рук, торчащих во мраке погреба.
А рука лезла все дальше и дальше, потом появи-
лась и вторая рука и кудлатая голова подземного
существа.

Существо вылезло из брюквы, отряхнулось и,
шаря руками в темноте, сказало тоненьким го-
лосом:

— Где же тут огурцы?

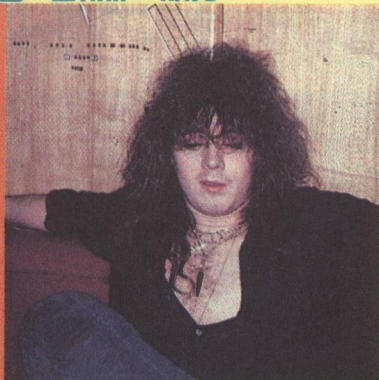
Жутко и жалко прозвучал этот вопрос в сыро-
сти погреба, и Куролесов ответил на него по-
своему.

Он сжался в пружину и прыгнул. Пролетев по
воздуху тридцать четыре, как потом подсчитали,
сантиметра, он обрушился на подземное существо.

И тут раздался такой крик, какого ни я, ни
Вася, ни вы, дорогие читатели, больше никогда
в жизни не услышите.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

и РОК, и КЛАССИКА

Как возникла рок-музыка? Ответить на этот вопрос и просто, и сложно. Просто потому, что можно сказать: рок-музыка появилась из зажигательного рок-н-ролла пятидесятих годов, который, в свою очередь, «вышел» из джаза. Сложно потому, что сегодня рок-музыка так разнообразна, что выводить ее только из рок-н-ролла было бы упрощением.

В современных рок-ритмах нетрудно различить мотивы и отголоски народной музыки, джаза и классической музыки. Да-да, именно классической. Мы уже как-то привыкли, что рок противопоставляют именно классике. Нередко папы и мамы, осуждая увлечение сына или дочери «шумным» жанром, призывают слушать Чайковского, Шопена, Листа... Но я смею утверждать, что рок и классика — явления отнюдь не противоположные. Многие известные рок-музыканты и композиторы воспитаны на Бахе и Моцарте. В истории рок-музыки можно найти немало тому примеров. Посмотрим, что в результате получается. Самый популярный опыт на этот счет — пластинка английской группы «Эмерсон, Лейк и Палмер» с записью цикла М. П. Мусоргского «Картинки с выставки». Эта запись, сделанная в начале семидесятых годов, входит в «золотой» фонд современного рока и часто используется. «Картинки» в исполнении Кита Эмерсона, Грегга Лейка и Карла Палмера получились не менее красочными и живыми, чем в классическом исполнении. Есть на этой пластинке и тема из балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского.

Творчество таких групп, как словацкая «Коллегиум Музикум» или голландская «Эк-сепшн», полностью посвящено классической музыке. Они

играют и «Турецкий марш» Моцарта, и сложные концерты Гайдна.

Даже представители «тяжелого» рока нередко обращаются к классике. Известная группа «Дип Перпл», признанная родоначальницей стиля «хард-н-хэви», в 1970 году записала пластинку вместе с королевским филармоническим оркестром в одном из лучших концертных залов Лондона — Альберт-холле. Пластинка называлась «Концерт для группы с оркестром».

Имя Ингви Мальмстина известно каждому поклоннику рок-музыки. Ведущий гитарист мира исповедует буйный, скоростной стиль игры на гитаре. На конвертах своих альбомов Мальмстин выражает признательность великим учителям — Вивальди, Паганини, Бетховену...

В январе этого года в Москве и Ленинграде прошли гастроли Ингви. Во время пресс-конференции молодой шведский музыкант (Мальмстину — 25 лет) сказал: «Меня очень вдохновляет классика и больше всего произведения композиторов периода барокко. А ближе всех мне блистательный Никколо Паганини. Конечно же, мне нравятся мощные, энергичные ритмы рока, но я уверен — без богатейшего мелодического наследия настоящая рок-музыка сегодня немислима».

Мне думается, что, когда начинается спор о роке и классике, а подобные дискуссии не утихают, тем, кто считает самой правильной постановку вопроса «или — или», неплохо бы задуматься о другом сочетании — «и-и».

А. КАСПАРОВ

C60 28539 007

Стерео
1 сторона

ЭЛЕКТРОКЛУБ-2
Группа «ЭЛЕКТРОКЛУБ»
Музыка Д. Тухманова

Темная лошадка (Слова Л. Рубальской)
Схожу с ума. Дай мне слово. Последнее свидание.
(Слова С. Романова)

Запись 1988 года
«ПИОНЕР» — «МЕЛОДИЯ»

Музыка А. ГРАНОВСКОГО
Слова А. ЕЛИНА

РУКИ ПРОЧЬ

(Эта песня вошла
в диск-гигант
группы «Мастер»)

Идет о нем молва:
Он гений волшебства —
Где было семь морей,
Теперь осталось два.

ПРИПЕВ:

Эй, руки прочь,
Трюк твой стар,
Здесь не арена, факир!
Эй, руки прочь!
Блеск злых чар
Не обманет мир, мир, мир!

Творит он чудеса —
Пускает пыль в глаза —
В пустыню и в золу
Он превратил леса.

В нем совесть умерла,
Земля ему мала,
Он пять материков
Вот-вот сожжет дотла.

И - дет о нем мол - ва он ге - ний
вол - шебст - ва - а.
Где бы - ло семь мо - рей. те - перь ос -
ТА - лось два - а
Припев
Эй, ру - ки прочь, трюк твой стар.
Здесь не а - ре - на, фа - кир
Эй, ру - ки прочь, блеск злых чар
не об - ма - нет мир, мир, мир.

ВЕСТИ МУЗ

Альбом «Справедливость для всех» группы «Металлика» разошелся тиражом 1,4 миллиона экземпляров, хотя песни оттуда ни разу не были представлены по телевидению или радио.

Музыканты шотландской группы «Биг Кантри», прилетевшие в США после концертов в СССР для «раскрутки» своего нового альбома «Мир в наше время», делятся впечатлениями о нашей стране: «Это очаровательное место. Почти все, с кем бы мы ни говорили, хотят перемен как можно быстрее. Эти люди — большие патриоты, гордые тем, что они русские», — сказал певец группы Стюарт Адамсон.

Элтон Джон выступал в нью-йоркском «Мэдисон сквер гарден». Его концерты посетили Брюс Хорнсби, Билли Джоэл, Дебби Джибсон, Стинг, Синди Лоупер. А Джон Бон Джови даже поднялся к Элтону на сцену. Известный английский пианист дал в Нью-Йорке пять концертов, пробуя голос после опера-

«МАСТЕР»

ции на голосовых связках, проведенной более двух лет назад.

«Я рад представить старого друга», — сказал Джек Брюс, приглашая на сцену одного из нью-йоркских концертных залов Эрика Клэптона. Они исполнили несколько старых песен из репертуара ансамбля «Крим» («Сливки»). Встреча двух друзей произошла впервые после того, как в 1969 году группа распалась.

К группе «Ю-Ту», дававшей концерт в Лондоне в пользу пострадавших от урагана «Гилбер» на Ямайке, присоединился один из основателей группы «Роллинг Стоунз» Кейт Ричардс. Он сыграл с Боно одну композицию. Затем выступил исполнитель песен в стиле «реггей» Зигги Марли (сын известного исполнителя Боба Марли). Среди принявших участие в концерте были группа «Христиане», Бой Джордж. Концерт назывался «Улыбка Ямайки».

По материалам
ежемесячника ТАСС
«Молодежь и культура».

ВОПРОС НА БЕГУ

Вопрос музыкантам рок-группы «Мастер».

— Алик, если бы ты не играл на бас-гитаре, что бы делал в жизни?

— Тогда бы я пел, но обязательно в группе «Мастер».

— Миша, а ты, если бы не умел петь...

— Играл бы на басу, и конечно же в «Мастере»!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Состав группы «Мастер»: Андрей БОЛЬШАКОВ — гитара, Александр (Алик) ГРАНОВСКИЙ — бас-гитара, Игорь МОЛЧАНОВ — барабаны, Кирилл ПОКРОВСКИЙ — клавиши, Сергей

Попов — гитара, Михаил СЕРЫШЕВ — вокал.

Раньше ребята играли в разных группах, в частности в «Арии», основной репертуар которой составляли их песни.

КОНКУРС «БЕКАР»

Друзья! Мы объявляем конкурс... на лучшее название рок-группы, которая, возможно, когда-нибудь появится. Имена победителей будут напечатаны. Ждем открыток!

Ответ на вопрос конкурса
в «Пионере» № 7

«Эта штукавина» состоит из рояля, гитары, электрооргана, губной гармошки, шарманки и погребушки.

Выпуск подготовил
В. ВЛАДИМИРСКИЙ

ВНИМАНИЕ! Следите за журналом «Пионер»! В следующих выпусках «Клип-клуба» будут напечатаны этикетки пластинок известных советских исполнителей и рок-групп!

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕЯКИН (редактор отдела литературы и искусства), В. П. КРАПИВИН, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, В. И. ПОРУДОМИНСКИЙ, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Р. С. СЕФ, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Главный художник А. М. ГРИШИН.
Художник И. Г. ПАНКОВ.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

ЧИТАЙ
В ОКТАБРЕ:
окончание
повести Ю. Коваля
«Промях гражданина
Лошакова»,
повесть В. Крапивина
«Застава
на Якорном поле»,
очередные выпуски
рубрик
«Музей одной картины»
и
«В треугольнике
НЛО»

Сдано в набор 04.07.89.
Подписано к печати 19.07.89. А00325.
Формат 60×84½. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 914.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Вниманию взрослых авторов!
Редакция рукописи не рецензирует,
а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех автор-
ских листов (70 страниц машинописного
текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до
одного авторского листа (25 страниц ма-
шинописного текста), рисунки и фотогра-
фии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, за-
мечания по типографскому исполнению
отдельных номеров журнала следует на-
правлять по адресу типографии.

апа

Карло притащил с улицы целый ворох старых шарфов и шапок — он их «прогуливал», прикрепив прищепками к бельевой веревке. Все-таки весну и лето вся теплая одежда пролежала в шкафу...

Матроскин углядел в этой куче свой старый полосатый свитер и обрадовался:

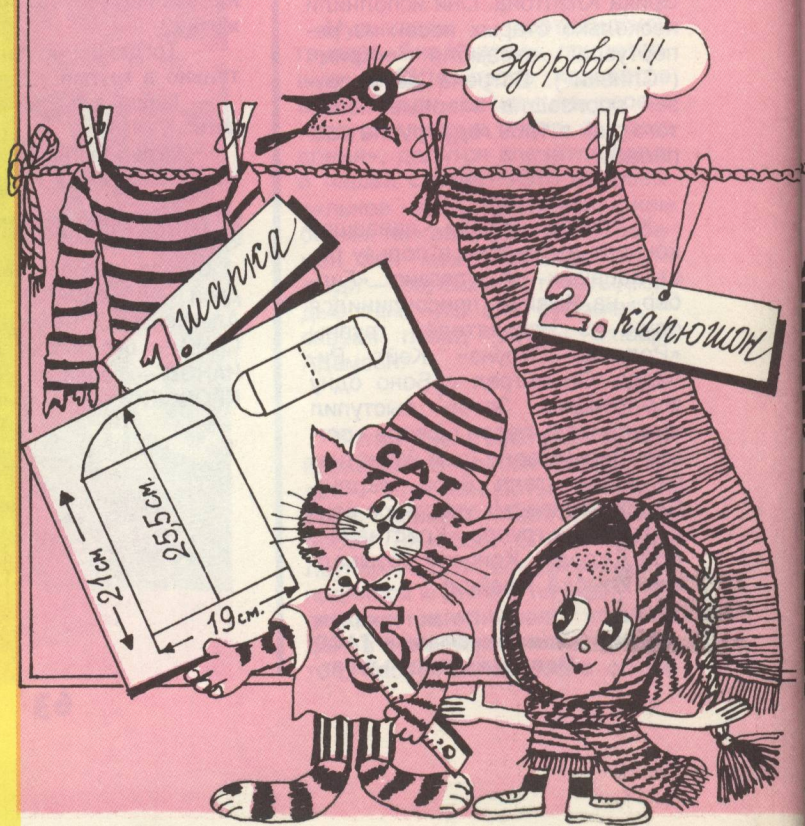

— А я-то его искал!

Стал натягивать свитер, но рукава «поползли» — старые нитки рвались.

Матроскин попросил Белоснежку заштопать дырки, но Белоснежка отказалась:

— Носить свитер ты все равно уже не сможешь! А вот шапочку из этого свитера мы тебе сделаем.

Как нехитро сделать из большого маленькое...

Мысль простейшая: из пуловера смастерить жилет. Рукава отрезать, и готово. Ну, а если из жилета или выносившегося свитера сделать шапочку? Белоснежка уверена: не только феи превращают тыквы в кареты, но и обыкновенные люди могут превратить негодную одежду в модную вещь.

Для этого надо сделать выкройку по размерам, указанным на чертеже, вывернуть наизнанку старую трикотажную вещь, сложить ее вдвое по долевой нити, приложить к выкройке, обвести мелом и вырезать по очертаниям. Теперь два получившихся куска трикотажа необходимо прострочить на машинке или зашить машинным швом на руках, оставив внизу 5 сантиметров незастроченными. Потом вывернуть материал на лицевую сторону и заделать 5 сантиметров полотна незастроченным швом. Вот и вся работа. Остается только сложить шапку и отвернуть края. Отвороты можно украсить вышивкой. Но если задумаете вышить какое-нибудь иностранное слово, узнайте, что оно обозначает!

Домовенок прокомментировал:

— А то по незнанию можно попасть в неудобную ситуацию и выглядеть смешно. Я заметил: сейчас очень модно носить большие платки и шали поверх пальто и плащей. А когда-то европейцы не имели ни малейшего понятия о том, как носить шаль. И одна француженка, первая обладательница индийской кашемировой шали, укутывала ею ноги!

Матроскин встрял в разговор:

— Вот уж не думал, Домовенок, что ты такой знаток моды и разных историй про то, что, где и когда носили!

— За модой следить нелегко, — ответил Домовенок. — И еще надо понимать, что кому идет, когда какой наряд можно носить.

— Кстати, о моде на платки, — заметил папа Карло. — Умелые руки могут воистину использовать шарф на двести процентов!

— Мы — против процентомании, — выступили Домовенок и Винни-Пух. — Ты нам лучше расскажи и покажи, что можно сделать из шарфа.

Этот простой сложный шарф

Из одного и того же шарфа у нас может получиться и капюшон, и юбка, и жилет, и пояс. Увы, к сожалению, все это нельзя надеть на себя одновременно, только по очереди.

Начнем с капюшона. Длинный шарф складываем пополам и, начиная от сгиба, прошиваем сантиметром на 20 толстой шерстяной ниткой крупными стежками. Из тех же ниток скручиваем толстый шнур длиной примерно 50 см, с помпоном внизу и прикрепляем к верхушке капюшона.

Из длинного узкого шарфа получается замечательный широкий пояс, по-старинному — кушак. Дважды оберните шарф вокруг талии и застегните спереди элементарными зажимами от подтяжек.

Из широкого шерстяного шарфа — примерно 120×80 см — запросто выходит оригинальная юбка, тем более что сейчас модно «мини». Оберните шарф вокруг бедер и стяните на талии широким кожаным ремнем.

Для большей уверенности можно под ремнем заколоть края шарфа английской булавкой.

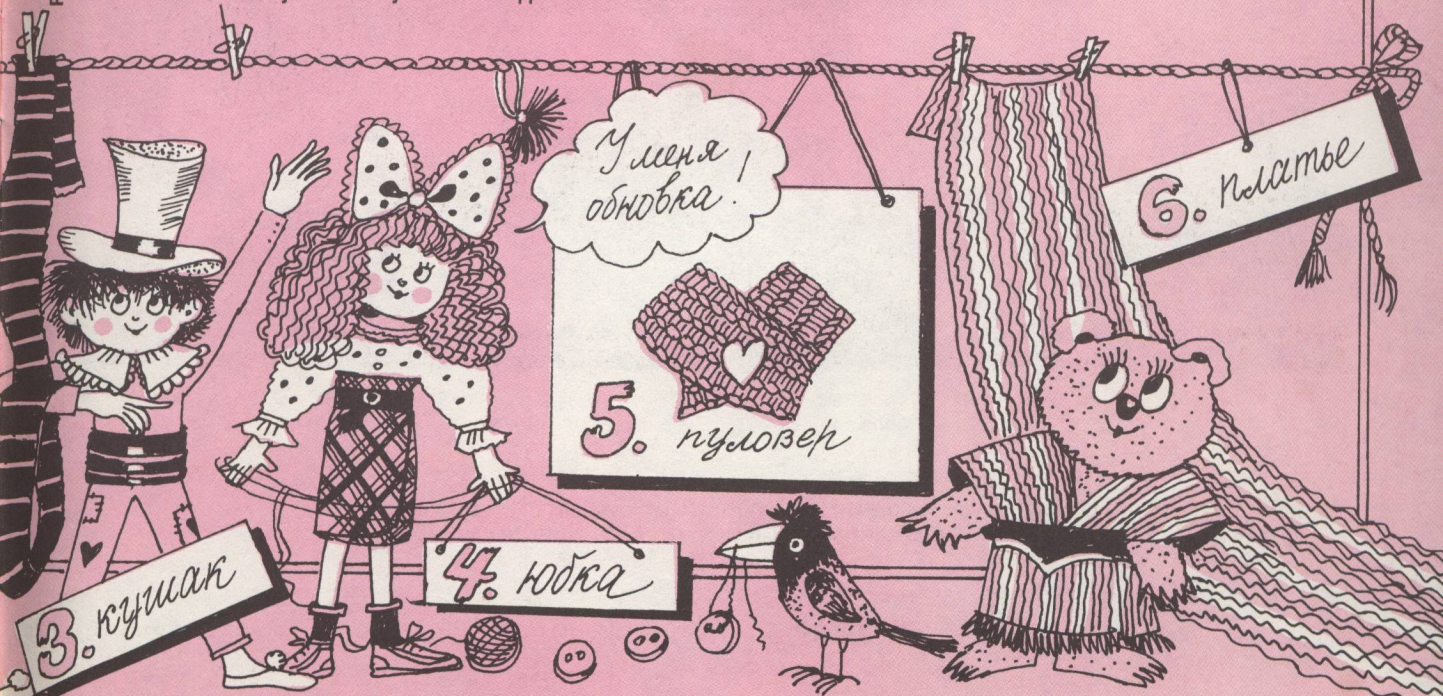
Любопытный туалет получается из длинного вязан-

ного шарфа размером 180×35 см. По сути это нечто среднее между жилетом и пуловером без рукавов. Можно носить его с блузкой и брюками и даже поверх тонкого трикотажного платья.

Шарф надо перекинуть на груди крест-накрест, а его концы застегнуть на спине. Для застегивания нужны шесть пуговиц и небольшой кусок подкладочной ткани соответствующего тону шарфа цвета. Из подкладочной ткани выкраиваете полосу шириной 2 см и длиной 30 см по косой и делаете из нее навесные петли. На каждый конец шарфа пришиваете по 3 петли. В соответствующем месте к шарфу пришиваете пуговицы.

И наконец, элегантное платье типа пончо из двух шарфов. Шарфы примерно 160×40 см, можно разных цветов, надо стачать по длине шерстяными нитками крупными стежками, оставив в середине 70 см незашитыми. Это вырез для головы. Затем, отступив от линии плеча 70 см, таким же швом соединяем боковые стороны шарфов.

Платье-пончо носить можно с брюками, прямой юбкой или — как это сейчас модно — с шерстяными колготками.

80-21

Осень — тысяча забот:
Школа, сбор отряда...
А еще на «Пионер»
Подписаться надо.

Подписаться б не забыть!
Побегу на почту!
Без журнала не прожить
Целый год мне, точно.

Не забудьте захватить с собой 3 руб. 60 коп. — столько
стоит годовая подписка «Пионера». А его индекс — 70694.